
Ассоциация исследователей российского общества
АИРО-XXI

Серия «АИРО – Первая публикация в России»

Hans Mommsen

Das NS-Regime
und die Auslöschung
des Judentums
in Europa

WALLSTEIN VERLAG

Ганс МОММЗЕН

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ
и уничтожение евреев в Европе

Предисловие Карла Аймермахера

Перевод Даниила Бордюгова

Москва
2018

Серия «АИРО – Первая публикация в России»
основана в 1995 году

Перевод этой работы был поддержан грантом
Гете-Института.
The translation of this work was supported by a grant from the
Goethe-Institut.

Дизайн и вёрстка: Сергей Щербина

МОММЗЕН Ганс.

Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе / Предисловие
Карла Аймермахера – М.: АИРО-XXI, 2018. – 240 с. – (АИРО – Первая
публикация в России). – ISBN 978-5-91022-404-3.

В своем исследовании историк Ганс Моммзен (1930–2015) представляет читателям комплексную интерпретацию событий и процессов, приведших в итоге к началу Холокоста. Он описывает неприязнь к евреям в Веймарской республике, объясняет, какую роль антисемитизм играл при росте популярности НСДАП, и показывает, как нацистский режим усиливал репрессивные меры против евреев, вплоть до полного лишения их прав и искоренения из немецкого общества.

© Моммзен Г., 2018

© Wallstein verlag, 2014

© Бордюгов Д.Г., перевод, 2018

© АИРО-XXI, оформление, 2018

ISBN 978-5-91022-404-3

СОДЕРЖАНИЕ

Ганс Моммзен и смена научной парадигмы в немецкой историографии. Предисловие	7
Введение	17
Глава 1 Антисемитизм в Веймарской республике и рост популярности НСДАП	22
Глава 2 Функция антисемитизма в НСДАП	42
Глава 3 Появление Нюрнбергских законов	57
Глава 4 Отстранение евреев от экономики	74
Глава 5 9 ноября 1938 года и публичное оскорбление еврейского народа	94
Глава 6 Переселение евреев и мнимая возможность территориального «окончательного решения»	113
Глава 7 «Война на уничтожение расы» против СССР	136
Глава 8 Восток Европы как полигон для уничтожения евреев	156
Глава 9 Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» в Европе	184
Глава 10 Холокост и немцы	206
Избранная литература	216
Указатель имён	233

Ганс Моммзен и смена научной парадигмы в немецкой историографии

Предисловие

Ганс Моммзен (1930–2015), наряду с чуть старшими Марином Брошатом (1926–1989) и Карлом-Дитрихом Брахером (1922–2016), считался одним из ключевых немецких историков послевоенного периода, которые задавали основные тенденции в изучении национал-социализма, его предыстории и его последствий вплоть до XXI века. Однако его вхождение в этот ряд произошло не без предпосылок.

В значительной мере на позднюю научную деятельность Ганса Моммзена повлияли его начальная специализация на Средних веках во время учебы в Марбурге, а также его преподаватель в Тюбингенском университете Ганс Ротфельс (1891–1976). Благодаря брату Вольфгангу Моммзену (1930–2004) существовал контакт с другим, наряду с Ротфельсом, важнейшим ученым того времени Теодором Шидером (1908–1984).

Существенные условия для обновления немецкой послевоенной историографии создали своими публикациями профессор Свободного университета в Берлине Ганс Херцфельд (1892–1982), профессор Фрайбургского университета Герхард Риттер (1888–1967), профессор Тюбингенского университета Теодор Эшенбург (1904–1999), профессор Гейдельбергского университета Вернер Конце (1910–1986), а также руководитель Института современной истории (первоначальное название – «Германский институт истории национал-социализма») в Мюнхене Гельмут Краусник (1905–1990).

Неслучайно Ганс Моммзен защищал свою кандидатскую диссертацию у Ротфельса, а докторскую в 1967 году – у Вернера Конце в Гейдельберге.

Как старшее поколение историков, так и поколение историков, которые, как Моммзен, начали исследовательскую работу в 1950-х – начале 1960-х годов, воспитав большое количество учеников (впоследствии часто становившихся заведующими университетских кафедр), во многом предопределили знаменательную смену парадигмы в исторической науке, произошедшую в ФРГ после Второй мировой войны. В это же время в ГДР произошла смена парадигмы под воздействием советской историографической модели. Западная и восточная парадигмы имели различные объекты изучения и различные приоритеты во взглядах. С точки зрения целеполагания и методики подходы двух школ зачастую оказывались диаметрально противоположны. Если в ФРГ, к примеру, интерес составляла реконструкция гитлеровской диктатуры, то в ГДР – разоблачение империалистских покровителей фашизма и войны.

Смена парадигмы шла постепенно, сопровождалась конструктивными спорами между поколениями и неизбежно провоцировала методологические дискуссии, которые, как правило, начинались при обсуждении вопросов по существу.

При рассмотрении первого этапа можно отметить, что под руководством представителей старшего поколения историков (Херцфельд, Ротфельс, Риттер, Конце и др.) «молодыми историками» были выбраны темы диссертаций, связанные с различными аспектами периода от образования Германской империи (эпоха Бисмарка) до Первой мировой войны¹.

На втором этапе в поле изучения попали темы, затрагивающие период Веймарской республики и прихода Гитлера к власти². И только в середине – конце шестидесятых годов прежде всего новое поколение историков стало систематически заниматься Второй мировой войной и преследованием евреев. Если в начале 1950-х годов уже появились предварительные работы по ранней истории антисемитизма с XIX века³, то с началом анализа Второй мировой войны более активным стало и изучение Холокоста.

Почти во всех исторических исследованиях 1960-х годов бросается в глаза, что они создавались под влиянием демократического обновления после Второй мировой войны, но не ссылались на этот процесс напрямую. Впрочем, в мемуарах ведущих историков – в том числе братьев Моммзенов, – которые были опубликованы в последние 20 лет, эксплицитно подчеркивается косвенный политический характер трудов того времени. Работы не имели исторической самоцели, а отталкивались от идеи «политической ответственности за демократическое сознание».

В шестидесятые годы центральное место занимал ряд научно непроработанных вопросов, взаимосвязанных между собой: эпоха Бисмарка, первопричина и ответственность за развязывание Первой мировой войны, проблемы демократизации (включая кризис партий) в Веймарской республике, восхождение Гитлера и его война против всей Европы. Сюда же следует отнести обсуждение попыток западных союзников оказать поддержку при развитии демократического общества в период восстановления Германии после капитуляции во Второй мировой войне. Вследствие такого временного нагромождения комплексных проблем на фоне нескольких исторических переломов возникло многокомпонентное поле для исследований, которое охватывало события с 1871 по 1950–60-е годы и включало в себя множество пересекавшихся или зависевших друг от друга вопросов.

Именно на данном этапе между историками, чья интерпретация составляла основу образа и восприятия отдельных периодов между 1871 и 1945 годами, разразились ожесточенные споры по ряду фактологических вопросов.

Реконструкцию всей эпохи сопровождали дискуссии о системном характере тоталитарных режимов в Европе, а также о свойствах и ключевых принципах парламентаризма. К общей проблематике относились также и сравнительные исследования, касавшиеся упомянутых тем в мировом контексте. Новым импульсом для всех начавшихся к 60-м годам исследований и продолжающихся по сей день научных изысканий стало объединение Германии в 1990 году (сопоставление правовых систем с точки зрения актуальных критериев новейшей истории, разбор устройства диктатуры ГДР и т. д.).

Ввиду столь насыщенного скопления аспектов исторического и культурного развития трактовать историю Германии после Первой мировой войны в традиции национально-государственной исторической модели XIX века стало более невозможным.

Новое состояние исторической науки потребовало для своих задач и новой методологической концепции. Уже в начале шестидесятых годов она проявилась, например, в работах Брошата и Моммзена, но также и других авторов. Вместо государственно- и национально-исторической точки зрения на переднем плане оказывались политико- и социально-исторические критерии – научный подход, давно существовавший в англо-саксонской традиции.

Тем не менее по отношению к переосмысленному, но очень разнородному объекту рассмотрения – в первую очередь периоду после Первой мировой войны – этот подход был лишь одной из возможностей обновить исторические исследования.

Теперь историческая наука была ориентирована не на власть и государство – определяющей силой исторической динамики становилось общество в своем политическом, социологическом, правовом и культурном развитии и взаимодействии. Только так казалось возможным объективно проанализировать исторические события и с точки зрения вызванной ими общественной трансформации. Для этого потребовалось обращение к методам и достижениям смежных с историей научных областей – социологии, философии и культурологии. Такой подход осознанно стал применяться вместо изображения исторических событий в стиле так называемого «чисто исторического описания».

Этот новый, аналитико-систематический подход называли функционалистским или структуралистским. Он уже довольно рано начал использоваться Брошатом, Моммзеном, другими историками молодого поколения и был характерен для детального разбора проблем Веймарской республики и нацистской Германии, теперь свободного от первостепенной идеологизации. Хотя открыто исследования не истолковывались как часть новой историографической модели, тем самым была фактически осуществлена заметная смена парадигмы в исторической науке. Впоследствии Ганс Моммзен сформулирует свои исследовательские

приоритеты и принципы описания в книге «Взлет и падение Веймарской республики»⁴: «Вопреки часто предпочитаемому анализу отдельных областей рассмотрения – с одной стороны, конституции, партий, профсоюзов, муниципальной политики и несистемных движений, а с другой стороны искусства, культуры, образования, здравоохранения, судебной системы и жилищной, семейной, социальной политики – в их собственных границах, здесь была предпринята попытка объединить эти сферы в рамках общего описания под приматом политической истории. Акцент при этом был сделан на изображении политической деятельности основных игроков в их взаимодействии с ключевыми экономическими, административными, социальными и идеологическими структурами, а также на детальном разборе политического процесса, который не исчерпывается различными априори заданными характеристиками».

Содержательная и позиционная смена парадигмы, которая произошла благодаря молодым историкам, в том числе Гансу Моммзену как одному из самых выдающихся в их ряду, в пятидесятые и шестидесятые годы получила поддержку за счет новых институциональных норм, которые способствовали тому, чтобы деидеологизировать исторические исследования после Второй мировой.

Решающее значение для научного освещения предпосылок и развития нацистской идеологии имело создание Института современной истории в Мюнхене (в 1949–1952 гг. – Германский институт истории национал-социализма), где по инициативе Ганса Ротфельса и Теодора Эшенбурга стал издаваться ежеквартальный журнал «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*». Руководители института Гельмут Краусник (в 1959–1972 гг.) и Мартин Брошат (в 1972–1989 гг.) подали основополагающие импульсы для Ганса Моммзена. Вскоре после защиты диссертации в Тюбингене в 1959 г. историк переехал в Мюнхен, где с 1960 по 1963 год работал вместе с Брошатом. Затем, в Гейдельберге, он стал научным ассистентом Вернера Конце, который уже в тридцатых годах стал затрагивать в своих исследованиях социологические проблемы. Через своего брата Вольфганга Ганс Моммзен установил контакт с Теодором Шидером и позднее стал также и его ассистентом. Ши-

дер специализировался на классификации методов немецкой историографии со времен Ранке*.

Начиная с шестидесятых годов, помимо новой расстановки приоритетов в методологии, положительное воздействие оказывало создание различных университетских кафедр, ориентированных на изучение проблем истории XX века. Их активными сотрудниками становились в том числе ученики Ганса и Вольфганга Моммзенов, Карла-Дитриха Брахера, Герхарда Риттера, Ганса Херцфельда и многих других представителей «молодого поколения» историков.

На этом общем историографическом фоне можно без оговорок сказать, что, к примеру, описанные Гансом Моммзеном история Веймарской республики («Взлет и падение Веймарской республики»), реконструкция пожара в Рейхстаге в 1933 году, преследование евреев нацистами включая события Холокоста, а также другие его работы являются характерными образцами смены парадигмы в послевоенных исторических исследованиях в Германии. В то же время они могут считаться наглядными попытками преодоления прошлого.

Моммзену было свойственно подвергать проверке уже как будто точно установленные исторические «факты», то есть – как это называется в научной теории – ставить их под сомнение (фальсифицировать), чтобы затем подтвердить или уточнить и улучшить⁵.

Если говорить о пожаре в Рейхстаге, то с тридцатых годов считалось достоверным, что Рейхстаг подожгли нацисты, чтобы с помощью чрезвычайного указа о защите народа и государства от 28 февраля 1933 г. и закона о чрезвычайных полномочиях от 24 марта 1933 г. отменить гражданские свободы Веймарской республики, легитимировать захват власти Гитлером и репрессировать всех возможных противников. Поджигателю ван дер Люббе ставилась в вину организация пожара по заданию коммунистов. Ганс Моммзен смог успешно проаргументировать, почему ван дер

---

* Леопольд фон Ранке (1795–1886) — профессор Берлинского университета, официальный историограф Пруссии. Разработал новую методологию историографии, основанную на архивных источниках. *Здесь и далее — постраничные примечания переводчика*

Люббе в действительности не имел никаких связей с коммунистами или другими потенциально оппозиционными группами, а распространенное НСДАП сообщение о якобы предстоявшем путче коммунистов было ложным.

Разоблачение легенды о коммунистическом путче Моммзеном и его коллегами привело к многолетнему спору между историками, по итогам которого можно лишь заключить, что версия Моммзена, по всей видимости, действительно верна. Вне зависимости от этого, в конце концов следует признать несущественным, был ли ван дер Люббе пособником НСДАП или же он действовал в одиночку. Гитлер мог просто воспользоваться пожаром в Рейхстаге для ликвидации демократически устроенных институтов и заложения фундамента своей диктаторской политической системы в обстановке фактического захвата власти.

Что касается истоков и основных этапов развития нацистского режима, то и здесь в целом ряде исследований⁶ благодаря своему широко направленному функционалистскому (структуралистскому) подходу Ганс Моммзен смог значительно обогатить научную базу германской новейшей истории. Он убедительно доказал, что центральное место в истории нацизма должна занимать не фигура Гитлера, а прежде всего политические и социальные условия развития диктатуры. На этом фоне ускорявшееся «закручивание гаек» властями третьего рейха выглядело не как продуманный план по постепенному разворачиванию тоталитарного режима, а скорее как следствие общей радикализации широкой немецкой общественности, на которую тем самым также возлагалась доля ответственности за преступления фашизма.

Схожим образом можно трактовать антисемитские настроения, возраставшие в течение продолжительного времени и завершившиеся Холокостом в годы войны. Научные достижения Моммзена в этой области зафиксировал британский историк Ян Кершоу: «Вместо изображения планомерно разворачивавшегося преследования и уничтожения евреев Ганс Моммзен, напротив, объясняет массовое убийство европейских евреев *неспособностью* нацистского режима к систематическому, рациональному планированию и проблемами, которые возникли в результате самовольных попыток достичь “решения еврейского вопроса”».

“Окончательное решение”, согласно Моммзену, стало реальностью без прямого приказа фюрера, основываясь на череде импровизаций, ошибочных и сиюминутных стремлений в контексте общего идеологического императива, который до конца 1941 года никогда не воплощался в конкретных указах. <...> Затрагивая проблему непосредственных предпосылок “окончательного решения” на оккупированных территориях Польши и СССР в 1941–42 годах, Ганс Моммзен смог вывести постепенно формировавшуюся практику массовых убийств из цепочки безрассудных идей, нечетких приказов, чаще всего несоординированных действий нацистских чиновников и готовности ненацистских элит сотрудничать с организаторами и исполнителями ликвидаций. По его формулировке, Холокост был “неизбежным следствием системы прогрессирующего насилия”⁷.

Обстоятельства, сопровождавшие «окончательное решение еврейского вопроса» (Холокост), показывают, что, несмотря на все однонаправленные тенденции, для структурного развития нацизма были характерны также импровизация и хаос. Так, Ян Кершоу констатирует, что, согласно Моммзену, параллельно со строительством нацистского государства шел процесс его «выхолащивания», очевидно, свойственный также и другим диктатурам⁸.

Однако деятельность Ганса Моммзена не ограничивалась исследованиями истории Веймарской республики и третьего рейха. Большую часть времени он уделял также научно-политическим вопросам. Он не только содействовал приглашению профессоров на университетские кафедры сообразно своим научным интересам, но и оказывал значительную поддержку исследованиям по истории европейского рабочего движения. Бохумский институт истории рабочего движения был основан по его инициативе. Концепция этого института отражена в издаваемом им журнале: «История рабочего движения как история эмансипации и культуры».

Для научных текстов Моммзена характерна не только убедительная ясность и строгость аргументации, опирающейся на тщательную работу с источниками и архивами. Во многом значимо и то, что он всегда писал прозрачно и по делу – без метафор и ана-

логий. Примечательно также, что причинно-следственные связи не просто называются и детально описываются, но также подаются в форме вопросов и ответов, так что предлагаемые читателю выводы кажутся легитимными уже благодаря этому сопровождающему повествование поиску верной интерпретации.

Кроме того, Моммзен был известен своей склонностью к дискуссиям – как по научным вопросам, так и по проблемам университетской политики. В каждом конкретном случае он упорно отстаивал свою точку зрения. Его успехи, ставшие результатом неугасающего энтузиазма, казались оправданными в том числе из-за его готовности к борьбе и устремленности к цели.

Впрочем, заслуживает упоминания и другая сторона личности Ганса Моммзена. Вдали от рабочих и исследовательских споров существовал отзывчивый, нуждающийся в гармонии Моммзен, для которого всегда была важна дружеская атмосфера. Его гостеприимный дом, утопающий в цветочной роскоши сад, любовь к классической музыке и опере, беседы с женой, политологом Маргаретой Моммзен – всё это было источником вдохновения для его многочисленных достижений.

К этому источнику следует добавить и другой, генеалогический: как известно, в сквере перед берлинским университетом имени Гумбольдта рядом со скульптурами братьев Гумбольдтов стоит статуя нахмурившегося Теодора Моммзена (1817–1903), историка, лауреата Нобелевской премии по литературе 1902 года. Это прадедушка Ганса Моммзена, которого он с любовью называл «стариком». В 1879 году Теодор Моммзен также ввязался в исторический спор, азартно противостояв антисемитизму своего коллеги Генриха фон Трейчке. Бойцовский дух Теодора Моммзена, его стиль полемики и участие в политической жизни сильно повлияли на правнука. Более того, легко обнаружить сходства в их характерах и научной деятельности: оба отличались кропотливым усердием в своей работе, политической и научно-политической активности, а также постоянной ответственностью перед своими коллегами.

Вероятно, было неизбежным, что внук Теодора Вильгельм Моммзен сначала сам пошел по карьерным стопам деда, а затем и его дети, то есть правнуки Теодора близнецы Ганс и Вольфганг

также стали историками. Вольфганг, известный как «империалистический Моммзен», специализировался на XVIII и XIX веках, Ганс, «социалистический Моммзен», – на XX веке. Хотя еще во время учебы в университете братья занимались иной научной сферой: Ганс – германистикой, а Вольфганг – историей искусств.

* * *

В заключение хотелось бы выразить благодарность издательству Wallstein, в котором вышло немецкое издание этой книги и которое предоставило разрешение на ее перевод, а также Геннадю Бордюгову (АИРО-XXI) за проявленную им инициативу при публикации русской версии.

*Карл Аймермахер
Берлин, 5 сентября 2017*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Ср. диссертации Ганса Моммзена «Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat, 1867–1907» (1959), Вольфганга Моммзена «Max Weber und die deutsche Politik, 1890–1920» (1958) и другие работы.

²Ср. работы Карла-Дитриха Брахера «Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie» (1955), Ганса Моммзена «Das Beamtentum im Dritten Reich» (1967) и – своего рода ответ на монографию Брахера – «Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar, 1918–1933» (Berlin, 1998).

³Ср. работу Мартина Брошата «Die antisemitische Bewegung im Wilhelminischen Deutschland» (1952).

⁴*H. Mommsen. Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar.* – Berlin, 1998. – S. 8 (первое издание – 1989).

⁵Ср. *H. Mommsen. Der Reichstagsbrand und seine politischen Folgen // Viertelsjahrehefte für Zeitgeschichte.* 12/1964. – S. 351–413.

⁶Ср. работы «Der Staat Hitlers» (1969), «Faschismus, Totalitarismus, Demokratie» (1976), «Von Weimar nach Auschwitz. Zur Geschichte Deutschlands in der Weltkriegsepoche» (1999).

⁷*H. Mommsen. Von Weimar nach Auschwitz.* – Stuttgart, 1999. – S. 16–17.

⁸Там же. – S. 18–19.

Введение

Убийством более пяти миллионов евреев третий рейх, а тем самым и германский народ навлек на себя неизгладимую вину. История не знает преступлений, которые могли бы сравниться с масштабом и бесчеловечностью Холокоста. По этой причине каждая попытка поставить это событие в один ряд с другими геноцидами в корне неправильна. В отличие от чудовищных массовых преступлений, подведенных Тимоти Снайдером под общее понятие «кровавые земли», убийство евреев не имеет каких-либо непосредственных мотивов из разряда социальных или этнических противостояний¹. Таким образом, уничтожение миллионов евреев в Европе следует рассматривать как особое явление.

Убийство 5,6 миллиона евреев, которым не удалось сбежать или скрыться от натиска преследователей, остается тяжким моральным бременем для тех, кто либо принимал активное участие в гонениях, либо согласился их молча принять. В первую очередь это касается немецкой нации, во имя которой осуществлялось уничтожение, хотя задействованы в нем, помимо немцев, были и представители других европейских народов, в том числе поляки, украинцы, румыны, сербы и хорваты. Карта преступлений слишком обширна, чтобы описывать их по отдельности, поэтому для нас главный интерес будут составлять ключевые инициаторы и исполнители убийств.

В то же время нельзя обойти стороной идеологические предпосылки, имевшие место в европейской истории. Особое значение они приобрели в последние годы правления Вильгельма, когда традиционно враждебное отношение к евреям соединилось с национально-расистскими чертами, придав агрессивный характер «современному» антисемитизму. Радикально антисемитские стремления, которые стали более слышны накануне Первой мировой войны и ни в коем случае не были уделом одной лишь Германии, в ходе военных действий уже кристаллизовались в расист-

ских установках. Однако их влияние оставалось ограниченным и даже потеряло свой первоначальный импульс. Антисемитские тенденции в Веймарской республике, даже когда они начали затрагивать политические права, не получали массовой поддержки. Так, Немецкий народный союз обороны и наступления, представлявший собой ядро национального антисемитизма, к моменту своего запрета в 1922 г. насчитывал не более 220 тысяч членов. Большинство радикальных антисемитов, впрочем, уже в 1923 г. вошло в ряды НСДАП. Многие руководители партии начинали свою карьеру в народнических объединениях и, перейдя на более высокую должность, продолжали практиковать ненависть к евреям.

В поздние годы Веймарской республики национальный антисемитизм также не был широко распространен. Радикально антисемитская пропаганда НСДАП не являлась главной причиной поразительных успехов партии на выборах в рейхстаг с сентября 1930 по март 1933 года. Ответственные за пропаганду национал-социалисты осознавали непродуктивность еще большего заострения еврейского вопроса, поэтому во время избирательной кампании партия не занималась открытым разжиганием антисемитизма. С другой стороны, под влиянием Адольфа Гитлера НСДАП не вырабатывала конкретную политическую повестку – ни в экономической, ни в социальной сфере. В рамках подобной стратегии антисемитская пропаганда становилась суррогатом содержательной политической программы партии.

Известно, что наиболее способный последователь Гитлера Грегор Штрассер пытался отойти от полностью устаревшей программы, состоявшей из 25 пунктов, и наполнить ее новым, современным содержанием, но встретил сопротивление Гитлера, который настаивал на том, чтобы не изменять старую программу ни при каких обстоятельствах. В партийной пропаганде доминировали ничего не значившие или противоречившие друг другу тезисы, наполненные антисемитским содержанием. В результате юдофобия стала занимать центральное место в пропагандистской риторике партии, заменив собой конкретные требования. Одновременно с отсутствием конструктивных целевых установок сознательно поощряемое соперничество между партийными функционерами и примкнувшими объединениями привело к тому, что

«решение еврейского вопроса» стало политическим лозунгом. В мешанине из предрассудков и фобий, на которых базировалась нацистская пропаганда, антисемитизм являлся неотъемлемым компонентом мировоззрения национал-социалистов.

Для постепенно разворачивавшейся эскалации гонений на евреев в Германии вплоть до «окончательного решения еврейского вопроса» после 1933 г. укреплявшийся в обществе антисемитизм составлял необходимое, но не достаточное условие. Преследование евреев не являлось частью какого-либо «генерального плана». Хотя в нацистском руководстве упрочилось стремление к тому, чтобы изгнать еврейское население сначала с территории Германии, а затем – оккупированной Европы, до весны 1941 года не существовало стратегий по реализации этих инициатив. Возможность систематического решения «еврейского вопроса» путем переселения стала реальной альтернативой только тогда, когда Министерством иностранных дел и позже Главным управлением имперской безопасности (РСХА*) был предложен Мадагаскарский план, сама идея которого была далеко не новой. Количество энергии, затраченное сотрудниками РСХА на разработку этой концепции, поистине поражает.

В действительности законченной концепции «окончательного решения еврейского вопроса» никогда не существовало, имелись только неполные и противоречившие друг другу инициативы, которые в совокупности, как убедительно показал Гётц Али, завели ситуацию в тупик². Он особо отметил, что «еврейский вопрос» был вновь поднят в связи с «Генеральным планом Ост» и положениями германо-советского договора о ненападении, в числе которых было переселение в Германию немецких меньшинств. Предстоящее выселение проживавших в Германии евреев было безальтернативным, но в то же время основы их существования систематически подрывались и в итоге были уничтожены. При этом проведение спонтанных акций наподобие «Хрустальной ночи» конкурировало с юридическим методом сужения жизненного пространства евреев, нашедшим свое воплощение в Нюрнбергских законах.

---

* Reichssicherheitshauptamt (сокр. RSHA).

Решающим поворотным пунктом в радикализации преследования евреев стало нападение на Советский Союз. В нем проявилось высокомерие работников РСХА, которые планировали в октябре 1941 г., после ожидаемого поражения СССР, начать гигантский проект переселения на восток, предполагавший уничтожение не только 31 миллиона русских, но и европейских евреев. Решение Гитлера привязать германо-советский договор о ненападении к переселению немецких меньшинств в Советском Союзе и Прибалтике послужило отправной точкой для масштабного этнотерриториального переустройства. В первую очередь оно затронуло польское население в Вартегау, а также проживавших там евреев, которые должны были освободить место для немецких переселенцев. В связи с этим неудачными оказались многократные попытки создать еврейскую резервацию в Ниско, а затем в Люблине. Подобные планы были заменены на организованное Генрихом Гиммлером строительство лагерей смерти и систематическое уничтожение евреев, депортированных из других стран Европы.

Историки сходятся в том, что официального приказа об осуществлении тотальной ликвидации не существовало и что Гитлер, очевидно, не решался сделать подобный шаг. Его выступления всегда подразумевали только частичные меры и оставляли минимальную возможность будущего выселения евреев на «восточные территории». Тем не менее в нацистском руководстве укрепилась точка зрения, согласно которой главной целью войны являлась не победа над Советским Союзом, а уничтожение евреев. В этой парадигме, свидетельствовавшей о значительной утрате понимания реальной ситуации, ликвидация еврейства должна была нанести ощутимый удар по советским позициям, а также принудить Великобританию к тому, чтобы присоединиться к странам «оси».

Вряд ли можно всерьез относиться к представлению, которое с фанатичным упорством продолжали отстаивать члены штабов СС под руководством Генриха Гиммлера и Рейнхарда Гейдриха, о том, что можно физически уничтожить евреев не только в Европе, но и во всём мире. Мышление нацистского руководства всегда отличалось склонностью к утопическому видению ситуации. Гипертрофированные планы по разгрому Советского Союза и нереалистичные стратегии переселения наглядно доказывают потерю

командованием СС и самим нацистским руководством связи с действительностью, высшим проявлением чего стало требование глобального «решения еврейского вопроса».

Задача данного исследования по истории Холокоста состоит в том, чтобы показать отдельные этапы и шаги, которые привели к финальной точке преступления. Ключевым, при этом, является вопрос, почему и при каких обстоятельствах осуществлялись конкретные меры по искоренению евреев из немецкого общества, их исключению из экономической жизни и постепенному лишению собственности, вплоть до их депортации. При анализе описывается враждебное отношение к евреям до 1933 г. в Веймарской республике, принятие Нюрнбергских законов и подключение органов власти к системе репрессий, а также введение ограничений на экономическую деятельность для евреев. События «Хрустальной ночи» стали спусковым крючком для полного лишения прав еврейского населения Германии, в то время как процесс их эмиграции продвигался всё более медленным темпом.

После того как началась Вторая мировая война и тем самым был открыт путь к беспрепятственному применению насилия, нацистский режим при определяющем содействии Адольфа Эйхмана приступил к территориальному решению «еврейского вопроса», а оперативные группы службы безопасности (СД) и полиции безопасности в ожидании депортации европейских евреев «на восток» перешли к систематическим убийствам советских евреев. В заключительной части исследования уделяется внимание ликвидации евреев на оккупированных и аннексированных польских территориях, «Операции Рейнхард», операциям по уничтожению, осуществленным по итогам Ванзейской конференции во Франции, Италии и странах юго-востока Европы, а также депортации румынских евреев. Финальным этапом Холокоста стали «марши смерти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *T. Snyder. Bloodlands. Europa zwischen Stalin und Hitler. – München, 2010.*

² *G. Aly. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – Frankfurt a. M., 2005. – S. 90–92.*

Глава 1

Антисемитизм в Веймарской республике и рост популярности НСДАП

Истоки и идеологические развилки антисемитизма следует искать в период между основанием Германской империи в 1871 году и началом Первой мировой войны. Хотя антисемитские тенденции впервые проявились в 1830–40-е гг., свое политическое значение они обрели не ранее эпохи грюндерства, закончившейся кризисом 1873 года. Так называемое Берлинское движение протестантского придворного проповедника Адольфа Штёкера стало первой систематической попыткой использования антисемитских предрассудков в политических целях¹. Однако расчет Штёкера на то, что идея антисемитизма сможет отвлечь массы промышленных рабочих от социал-демократических лозунгов, не оправдался.

В первые годы Германской империи антисемитские взгляды были широко распространены в буржуазных и, прежде всего, в академических кругах. Общественной огласке эти настроения предал известный историк Генрих фон Трейчке, что послужило причиной резкой ответной публикации его коллеги Теодора Моммзена². Особенно в студенческих организациях, например Союзе немецких студентов, исключение евреев было само собой разумеющимся; такой порядок сохранялся и в годы Веймарской республики.

В то же время попытки сделать антисемитизм частью партийной системы оставались в целом безуспешными. Несмотря на то что появился ряд антисемитских партий, в том числе Христианско-социальная партия Штёкера, Немецко-социальная партия Отто Бёкеля и Немецкая партия реформ Макса Либермана фон

Зонненберга, их влияние было маргинальным и вскоре после начала нового столетия они были распущены³. Более важен тот факт, что антисемитская риторика стала звучать в консервативных партиях. Так, в Тивольской программе 1892 г. члены Немецкой консервативной партии выступали против сверхпропорциональной представленности евреев в некоторых профессиях и требовали закрыть границы, чтобы остановить дальнейшую иммиграцию евреев из Восточной Европы⁴.

Вариант антисемитизма, характерный для консерваторов, был в первую очередь направлен против неассимилированных евреев и получил особое распространение из-за возрастающего притока евреев в Германию в ходе индустриальной революции. Антисемитские взгляды этого типа были неотъемлемым компонентом немецкого национального чувства и были в основном распространены среди противников модернизации. Речь шла о своего рода «культурном коде», который был нацелен на то, чтобы переманить средний класс в консервативный лагерь⁵.

Этот вариант антисемитизма, который был доминирующим в Германской империи, как правило, не содержал в себе расистского компонента и исключал из рассмотрения ассимилированных евреев. Он был широко распространен в высших слоях, которые не принимали народного антисемитизма в духе Теодора Фрича. Параллельно с этим преобладающим антисемитизмом выборочного типа существовал – в основном на католических территориях – традиционный антииудаизм, который отождествлял евреев с христубийцами и был характерен, прежде всего, для католического духовенства вплоть до 1930-х годов⁶.

Народно-расистский вариант антисемитизма был, напротив, присущ сравнительно небольшим группировкам. Он опирался в первую очередь на произведения таких авторов, как Хьюстон Стюарт Чемберлейн, Евгений Дюринг и Юлиус Лангбен, и был распространен не столько в антисемитских партиях, оказавшихся нестабильными, сколько в вагнеровских кружках, Пангерманском союзе и других имперских организациях⁷. Этот вариант отличался нетерпимостью ко всем лицам иудейского происхождения, вне зависимости от того, перешли они в христианство или нет. Его приверженцы требовали депортации евреев из Германии

и считали, что из-за евреев немцам не удалось образовать единый народ. В этих взглядах скрывалось представление об этнической общности евреев, которая, в свою очередь, стала тайным образцом для создания единой германской нации.

В довоенные годы антисемитское течение пользовалось лишь небольшой популярностью, однако ситуацию изменили внутриполитические последствия Первой мировой войны. В особенности на правой стороне политического спектра обострившаяся социально-политическая обстановка послужила причиной выплеска антисемитских настроений, главным образом среди военных. В 1916 г. прусским военным министерством была введена так называемая перепись евреев, чтобы проверить исполнение ими воинской повинности. Она сыграла на руку общественным предрассудкам, согласно которым евреи были наглыми бенефициарами капитализма, желавшими уклониться от военной службы⁸. Это было первое официальное выражение антисемитских взглядов прусским военным министерством и высшим военным командованием. Оно являлось отражением распространенного, прежде всего, в консервативном лагере стремления найти виновных в нараставшем общественном недовольстве, которое возникло на почве дефицита продовольствия и неудач на фронте.

Немецкая революция 1918 года сопровождалась ростом националистских и антисемитских настроений в правом лагере, которые слились в одно целое с проявлениями антибольшевизма и антисоциализма, основанными на предубеждении о сверхпропорциональной представленности евреев в Социал-демократической партии и Союзе Спартака (в канун нового 1919 года преобразованном в Коммунистическую партию Германии). Антисемитские лозунги звучали также со стороны Пангерманского союза, в котором радикальные противники еврейства, в том числе советник юстиции Генрих Класс, занимали лидирующую позицию, несмотря на то что среди спонсоров союза были и еврейские организации.

Революция 1918 года поставила Пангерманский союз в неожиданное положение. Чтобы сохранить свой формальный надпартийный статус, союз предпринял попытку оказывать политическое влияние путем основания националистских и антисемитских

организаций, таких как Имперский союз «Молот» и Общество Туле в Мюнхене. Эти тайные организации, напоминая орденны по своей структуре и состоявшие преимущественно из буржуазных элит, играли важную роль в активе антисемитского движения, которое образовалось в первую очередь в Мюнхене после окончания войны и свержения монархии в ноябре 1918 г. В то же время Пангерманский союз поддерживал Немецкую отечественную партию, которая была основана в 1916 г. правыми политиками во главе с генерал-губернатором Восточной Пруссии Вольфгангом Каппом, чтобы вызвать в народе поддержку курса на продолжение войны, несмотря на протесты рабочих и низших слоев населения. Эта партия также пропагандировала антисемитские лозунги⁹.

Немецкая отечественная партия представляла собой новый тип массовой организации, поскольку, в отличие от гражданских объединений, она отказалась от индивидуального членства и стремилась к созданию союза правобуржуазных группировок, в число которых входили христианские профсоюзы, Немецкая национальная ассоциация коммерческих работников, а также патриотические и военные объединения. С этой точки зрения, Немецкая отечественная партия предвосхитила организационную структуру фашистских партий, хотя ее руководство оставалось преданным традициям кайзеровской Германии и не использовало открыто популистские методы агитации. Партия заняла оборонительную позицию перед лицом возмущения влияния социал-демократов, которые выступали за мир без аннексий и за реформу прусского избирательного права, но в то же время поддерживала антисемитские настроения в народе.

В обоснованном расчете на то, что на предстоящих выборах в национальное собрание, которые теперь проходили на основе всеобщего и равного избирательного права, буржуазно-консервативные силы утратят большинство, а консервативная партия потеряет свою прежнюю поддержку в публичном управлении, Пангерманский союз принял решение созвать новую националистскую организацию – Немецкий народный союз обороны и наступления, задачей которого являлось привлечение рабочих масс в правый политический лагерь. Средством массовой мобилиза-

ции, которая нацеливалась прежде всего против социалистического большинства, должны были послужить антисемитские настроения, распространенные в послевоенной Германии¹⁰.

Параллельно с этой инициативой ряд пангермански настроенных единомышленников из мюнхенского Общества Туле, в том числе народный журналист Карл Харрер, решил поддержать небольшую национальную рабочую партию и оказать ей финансовую поддержку. Эта мелкая группировка была основана Антоном Дрекслером, который являлся членом Общества Туле и разделял его антисоциалистские и антисемитские взгляды. Его Немецкая рабочая партия была одной из многих похожих друг на друга организаций, которые в контрреволюционной атмосфере Мюнхена росли как грибы. Дрекслер был бы сегодня забыт, если бы не предложил вступить в партию Гитлеру, появившемуся на собрании в должности сотрудника политического отдела баварской группы войск рейхсвера.

Гораздо более значимую позицию в национальном лагере занимал Немецкий национальный союз обороны и наступления, который готовился к тому, чтобы стать организационным центром антисемитизма в молодой Веймарской республике. Путем создания разветвленной сети из более чем 400 местных объединений союзу удалось включить в свой состав соперничавшие антисемитские группы. В высшей точке своего развития – в 1922 г. он был запрещен прусским правительством после убийства Ратенау – в него входило 200 тысяч членов и тем самым большинство антисемитских активистов.

Идея основания Союза обороны и наступления принадлежала советнику юстиции Генриху Классу, председателю Пангерманского союза. Он рассчитывал при этом на то, чтобы использовать антисемитские настроения среди населения для создания массового народного движения, которое при условии сохранения демократических свобод создаст противовес социал-демократии и вернет рабочие массы в национальный лагерь. Расчет Класса оказался неоправданным, так как промышленные рабочие по большей части остались глухи к идеям национального антисемитизма.

После окончания гиперинфляции 1923 года антисемитское движение быстро потеряло свой размах и вновь обрело политиче-

ское значение только в условиях разразившегося мирового финансового кризиса. В то же время в период Веймарской республики антисемитские идеи продолжали существовать и сохраняли свое влияние в политическом дискурсе. Кроме того, в высших слоях был по-прежнему распространен антисемитизм выборочного типа, который нашел свое воплощение еще в Тивольской программе Немецкой консервативной партии в 1892 году. Однако как способ политической организации антисемитизм оказался малоуспешным.

Сложно переоценить значение того факта, что НСДАП – название «Немецкая рабочая партия» в 1920 г. было преобразовано в «Немецкая национал-социалистическая рабочая партия» под влиянием австрийской партии с таким же наименованием – служила резервуаром для активных антисемитов военных и послевоенных лет. Почти все антисемитские активисты, пришедшие из Немецкого народного союза обороны и наступления или связанных с ним организаций, нашли в НСДАП новую область применения и сформировали ядро руководства партии. Многие из них позднее стали известны в должности гауляйтеров.

Немецкая национальная народная партия также поддерживала однозначно антисемитский курс, сохраняя при этом дистанцию от радикально-национального лагеря. В 1920 г. партия разработала свод принципов, одним из которых было аккуратно сформулированное принятие антиеврейской политики. Кроме того, обещалось сопротивление «каждому разрушающему ненемецкому воздействию еврейских или иных кругов», а также «всё более угрожающему доминированию евреев в правительстве и общественной сфере». «Приток мигрантов через наши границы должен быть остановлен», – значилось далее¹¹. Тем самым партия повторяла основную линию Тивольской программы, хотя и воздерживалась от исключения из партии евреев (что произошло в 1924 г.) и отрицала факт жестоких нападений на евреев¹².

Этого, однако, не хватало выраженно антисемитскому крылу партии, которое стремилось к тому, чтобы перевести всю партию на более радикальные позиции в «еврейском вопросе», но не имело успеха, поскольку партийное большинство не хотело терять возможность образования коалиции и поддержку еврейских

спонсоров. Таким образом, раскол был неизбежен. После убийства министра иностранных дел Вальтера Ратенау, поднявшего волну широкого общественного протеста против антисемитских пропагандистов, включая Вильгельма Хеннинга, Рейнхарда Вулле и Альбрехта Грефе-Голдебее, партийное большинство решило оказать давление на расистское крыло, с тем чтобы снизить градус антисемитской агитации, и прибегло к дисциплинарным мерам. В результате радикальное крыло в 1922 г. покинуло партию и образовало Немецкую народную партию свободы во главе с Эрихом Людендорфом. Впоследствии эта организация имела тесные связи с организациями-преемницами запрещенного в 1923 г. гитлеровского движения и в 1925 г. вошла в состав возрожденной НСДАП¹³.

В тот же период НСДАП совершила резкий взлет, после того как в 1921 г. Гитлер, ответственный за партийную пропаганду, добился от Дрекслера передачи ему поста председателя и, опираясь на своих ближайших мюнхенских сподвижников, установил в партии настоящую единоличную диктатуру¹⁴. Непрерывная антисемитская травля, которой занимались Гитлер и его мюнхенские соратники, безусловно, способствовала росту популярности НСДАП, однако ограничивалась по большей части только Мюнхеном, Верхней Баварией и Франконией и была далека от того, чтобы получить поддержку на национальном уровне.

Провозглашенная Гитлером программа «25 пунктов», которую НСДАП приняла в феврале 1920 г. (в 1926 г. на бамбергском совещании руководителей НСДАП ее положения были объявлены «незыблемыми»), отличалась по тону от народного антисемитизма, поддерживаемого правобуржуазными силами и Пангерманским союзом. Она лишала евреев, независимо от их религиозной принадлежности, права считаться гражданами Германии, из чего следовал запрет на работу в публичных организациях и средствах массовой информации. Кроме того, утверждалось, что партия «борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас»¹⁵. Программа была вдохновлена принципами Немецкой социалистической партии (также вышедшей из Общества Туле) и испытала влияние Дитриха Экарта и Готфрида Федера. Гитлер не

принимал участия в формулировании пунктов программы и предположительно не воспринимал ее всерьез¹⁶.

Рост популярности нацистского движения в Баварии следует рассматривать вместе с контрреволюционными событиями, происходившими при разгроме Баварской советской республики. В правой прессе это государственное образование фигурировало как «еврейский проект»; заявлялось, что помимо социал-демократа Курта Эйснера, застреленного премьер-министра Баварии, ряд руководителей советской республики также имел иудейское происхождение.

В этой специфической общественной атмосфере Адольф Гитлер делал свои первые политические шаги, после того как в период советской республики он занимал скорее нейтральную и даже просоциалистскую позицию. В это время он еще являлся членом баварской группы войск рейхсвера и был отправлен начальством на курсы агитаторов, где и выработался его жгучий антисемитизм, позже ставший неотъемлемой частью нацистского мировоззрения.

Хотя в годы жизни в Вене Гитлер испытал влияние характерного для того времени венского антисемитизма, в особенности расистской пропаганды Георга Шёнерера, он не перешел на позиции радикального антисемитизма вплоть до мюнхенского периода, в ходе которого он заинтересовался взглядами народных идеологов, в первую очередь националистского поэта и драматурга Дитриха Экарта¹⁷. Кроме того, он начал общаться с историком Карлом Александром фон Мюллером, который сразу распознал ораторский талант Гитлера. Как Дитрих Экарт, так и Альфред Розенберг, с которым Гитлер познакомился в 1919 году, оказали решающее воздействие на формирование его антисемитских убеждений. Оба являлись членами Общества Туле.

Однако достоверно определить распространение и реальное влияние национального движения в первые годы Веймарской республики не так просто. Организационно оно было представлено, прежде всего, Пангерманским союзом и Немецкой народной партией свободы и оказывало существенное воздействие на общественное мнение через средства массовой информации. Так, «Мюнхнер Беобахтер», который позже стал печатным органом

НСДАП и был переименован в «Фёлькишер Беобахтер», принадлежал Обществу Туле и выполнял функцию органа пропаганды для национального лагеря. Антисемитская пресса пользовалась особенно заметным спросом в баварских областях и Франконии и, безусловно, оказывала влияние на занявшие позже антисемитскую позицию отряды фрайкора и баварский хеймвер. Несомненно, что рейхсвер также не остался в стороне и его агитационная работа, в том числе деятельность политического отдела, одним из сотрудников которого был Гитлер, имела антисемитскую направленность.

Однако после окончания гиперинфляции период расцвета ранней национальной пропаганды пришел к своему завершению. Провал пивного путча 9 ноября 1923 года уже был сигналом начавшихся изменений. Предпринятая Гитлером попытка захвата власти осуществлялась как последняя возможность вернуть инициативу и лидерство, которые руководитель партии уступил консервативным силам из баварских «отечественных союзов», фрайкору и баварскому рейхсверу. В то время как эти объединения хотели отложить запланированную попытку захвата власти, надеясь на содействие генерала фон Секта и других высших чиновников из Берлина, Гитлер решил действовать собственными силами и привлечь к пропагандистскому маршу 9 ноября баварские элиты, в том числе Эриха фон Людендорфа⁴⁸.

Путч 9 ноября 1923 года был последней попыткой правого лагеря свергнуть Веймарскую республику военными средствами и путем фронтального нападения. Его полный провал повлек за собой заметное ослабление правоэкстремистских группировок, отразившееся на результатах выборов в рейхстаг в апреле и сентябре 1924 г. Гитлер, отбывавший наказание в тюрьме «Ландсберг», по тактическим причинам не участвовал в кампании, чтобы посвятить себя написанию «Mein Kampf», и не оказывал непосредственного влияния на национальные объединения, которые возникли на месте официально распущенной НСДАП и под руководством генерала Людендорфа потерпели сокрушительное поражение.

На выборы рейхспрезидента в 1925 году национальный блок в качестве единого кандидата выдвинул Эриха Людендорфа. Гитлер

дал формальное согласие, оправданно ожидая разгромно низкого результата своего единственного серьезного соперника в национальном лагере. Выступление Людендорфа в действительности оказалось провальным, поскольку в первом туре выборов он получил только 0,06 процента голосов. Это послужило наглядной демонстрацией того, что национальная идея в значительной степени потеряла свою привлекательность. Вплоть до выборов в рейхстаг в декабре 1928 г. национальный лагерь (включая НСДАП) также ни разу не набирал более восьми процентов голосов.

Очевидно, что в подъеме НСДАП как массового движения более важную роль сыграли иные факторы, нежели распространение расово-национальных идей в немецком обществе. Решающее значение имело создание должным образом функционировавшей иерархии партии после ее возрождения в 1925 году. Новые положения гарантировали Гитлеру неограниченную власть над партией и устанавливали структуру директивного управления на всех ее уровнях. Вдобавок к этому, Гитлеру и мюнхенской группе удалось добиться того, чтобы партия отдавала максимальное количество энергии на пропаганду и не тратила времени на напрасные программные дебаты или участие в конструктивной парламентской работе.

Одновременно Гитлер запретил любое сотрудничество с правыми партиями. Он уделял внимание тому, чтобы партия, напротив, была единственной альтернативой якобы прогнившей веймарской партийной системе. В длительной перспективе эта стратегия оказалась успешной¹⁹. Однако эта тактика не предполагала быстрого политического прорыва, на который первоначально рассчитывал Гитлер и его окружение. Только после кризиса центристских партий вследствие инфляции и давления мирового финансового кризиса НСДАП получила шанс заполнить образовавшийся политический вакуум и представить себя избирателям как олицетворение «новой Германии»²⁰.

Хотя нельзя недооценивать значение националистских и антисемитских идей для подъема НСДАП, не менее важно уделить внимание его косвенному влиянию и той общественно-политической обстановке, в которой он происходил. На этапе сравнительной стабилизации в 1924–1928 гг. антисемитская агитация

еще не играла большой роли, несмотря на имевшие место в тот период зрелищные нападения штурмовых отрядов (СА) на еврейских граждан.

Увеличение числа голосовавших за национал-социалистов стало фиксироваться только после совершенно неожиданных наблюдений, сделанных партией, прежде всего, на выборах в рейхстаг в мае 1928 года. Если в крупных городах партия, вопреки активной агитации, не имела на выборах никакого заметного успеха и получала голоса только от малых групп промышленных рабочих, то в сельской местности она, совершенно на это не рассчитывая, добилась хороших результатов, хотя в аграрных районах Северной и Восточной Германии партийная организация была практически не развита. Из этого был сделан вывод о том, что необходимо развивать аграрно-политическую деятельность партии, в том числе внесением единственной поправки в программу «25 пунктов», и не считать в дальнейшем завоевание голосов городских избирателей первоочередной задачей²¹.

Характерно для стратегического положения НСДАП в тот период, что руководство избирательного штаба, находившееся в руках Генриха Гиммлера, а затем Грегора Штрассера, быстро осознало, что усиление антисемитской пропаганды не принесет партии новых голосов, поскольку социальные слои, на которые могли быть ориентированы антисемитские лозунги, уже принадлежали к электорату НСДАП. Поэтому в ходе решающих избирательных кампаний сентября 1930 – ноября 1932 года партия снизила свой уровень агрессии против евреев, так что в определенные моменты Немецкая национальная народная партия (НННП) использовала антисемитские лозунги даже активнее, чем НСДАП.

Периодически высказываемое мнение о том, что нацистское движение обрело популярность в результате роста антисемитских настроений²², во многом переоценивает значение расистского фактора. Рост популярности НСДАП после сентябрьских выборов 1930 г. преимущественно базировался на умелом использовании кризиса веймарской парламентской системы и испытываемой всеми потребности в обновлении государственного устройства без четкого представления о том, какая политическая структура мог-

ла бы сменить республику. НСДАП удалось создать убедительный образ отличной от прочих альтернативы существующей системе и связать его с разнообразными и противоречивыми надеждами немцев на новую жизнь государства.

Впрочем, это не значит, что усилившееся антисемитское течение не имело никакого значения в веймарской политической жизни. С одной стороны, оно было индикатором всеобщего ощущения кризиса, с другой – оно в некотором смысле подготавливало почву для распространения нацистских идей. В то время как насилие в отношении евреев и еврейских учреждений, которое было в ходу до 1923 года, во второй половине 1920-х годов почти полностью прекратилось – погромы, подобные случившимся в берлинском квартале Шойненфиртель, скорее составляли исключение²³, – происходило постепенное наполнение общественного дискурса антиеврейскими и антисемитскими настроениями, во многом созвучными консервативной критике культуры.

Особенно заметную роль антисемитские течения играли в академической среде. Правозкстремистские установки существовали в студенчестве еще в дореволюционное время и оставались распространёнными в течение всего периода Веймарской республики. Уже сам факт основания «Союза немецких высших учебных заведений», объединившего в 1920 г. все немецкие (включая Австрию и Судетскую область) студенческие союзы, продемонстрировал превалирование националистских группировок в вузах. Конфликт с прусским министерством образования и культуры возник при поднятии вопроса об исключении членов еврейского происхождения, которое имело законный характер в Австрии и Чехословакии, но противоречило правилам высших учебных заведений Пруссии и других германских земель. Несмотря на публичный протест прусского министерства, четвертый слет студентов, прошедший в 1922 г. в Вюрцбурге, постановил исключать из союза еврейских студентов, в том числе тех, которые приняли христианство. В качестве ответной меры в 1927 г. министерство приняло решение о роспуске всех студенческих союзов на территории Пруссии²⁴.

Конфликт отражал возрастающее влияние национального движения на всё студенчество, в котором республиканские и социа-

листические течения и без того были в сильном меньшинстве. Национал-социалистическому союзу студентов в то же время удалось завоевать большинство в студенческих союзах. Чаще всего педагогические коллективы предотвращали атаки на еврейских профессоров, но иногда они не проявляли солидарности. С середины 1920-х гг. националистские группировки немного снизили активность. Однако именно выпускники этих лет станут позже ключевыми представителями среди чиновников СС²⁵.

В этот же период большое значение имели антисемитские настроения в литературе «солдатского национализма», а также, хотя и в меньшем объеме, в произведениях неоконсервативных авторов. Правые писатели, такие как Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон, Ганс Фаллада и Ганс Блюхер, представляли, по определению Томаса Манна, «образованный антисемитизм»²⁶. Крупнейший издатель Ойген Дидерихс, выпускавший журнал «Die Tat», также принадлежал к антисемитскому лагерю, что относилось и ко многим политическим писателям, которые отказались сохранять независимую позицию.

Антисемитским содержанием в особенности были наполнены тексты таких писателей, как Вильгельм Штапель, Эдгар Юнг, и других неоконсервативно настроенных авторов, которые хотя и отвергали расовый антисемитизм, в целом выступали за разделение еврейской и немецкой «народностей» и не считали евреев достойными полного набора гражданских прав. Наглядным выражением этой точки зрения была листовка Штапеля 1932 г.: в ней он выступал за «практическое решение еврейского вопроса» и требовал выделения евреев в отдельный социальный слой²⁷. Поддерживая резкую диссимилиацию, Штапель при этом отклонял любую форму применения насилия. Карл фон Оссицки прокомментировал тезисы Штапеля дальновидным замечанием о том, что жаждущие насильственных действий уже готовы превратить идеи Штапеля и Ганса Блюхера – он был одним из лидеров антисемитского крыла группы «Вандерфогель» – в физические атаки. «Литературный антисемитизм, – считал Оссицки, – создает нематериальное смертельное оружие»²⁸.

Антисемитизм Вильгельма Штапеля, представлявшего в печати Немецкую национальную ассоциацию коммерческих работников,

был смесью из расовой теории и романтического образа народа, тем самым явно отличаясь от радикального антисемитизма национал-социалистов²⁹. Такая умеренная позиция была широко распространена в неоконсервативном лагере. Эстетический антисемитизм, позицию которого выражал Эдгар Юлиус Юнг, сильно смещая акцент на критику культуры, мог быть отнесен в эту же область. Но подобное мышление было отнюдь не эзотерическим и существенно способствовало тому, что в политических дискуссиях в консервативном лагере всё чаще использовались антисемитские предрассудки.

Кроме этого преимущественно «интеллектуального» антисемитизма, существовала также тесно связанная с общественными интересами ненависть к евреям, которая часто смешивалась с католическим антииудаизмом. Классическим примером были ярко выраженные антисемитские воззрения вестфальской элиты, которая массово обвиняла рейхсканцлера Генриха Брюнинга в служении еврейским интересам³⁰. Схожая ситуация сложилась в Немецком союзе дворянства. Его представители перенесли антисемитскую критику периода правления Вильгельма в двадцатые и тридцатые годы, лишь акцентировав внимание на расово-национальном содержании³¹, – наглядное свидетельство тому, что радикальный антисемитизм в Германии ни в коем случае не ограничивался только низшими и средними слоями общества.

Изначально преобладавшее в буржуазии либеральное и толерантное отношение к евреям постепенно превращалось в специфическую антилиберальную атмосферу, в которой позиция умеренного антисемитизма была широко распространена. Речь шла о «новом антисемитизме», который сводил «еврейский вопрос» к различиям между германцами и иудеями, реанимировал доведенные антисемитские стереотипы и не был ограничен определенными социальными группами, а затрагивал также организации и партии, которые обычно не ассоциировались с антисемитизмом³². В середине 20-х годов эти настроения охватывали широкие слои политической общественности с той же скоростью, с какой становились менее распространенными либеральные взгляды. Более важное значение, чем возраставшее число нападений и актов насилия, направленных против евреев, имела тенденция к не-

гласному принятию социальной сегрегации еврейских граждан и поддержке представления о том, что евреи не принадлежат к «народному единству».

Эти предрассудки в отношении еврейских сограждан существовали одновременно с решительным отказом от насилия и погромов, сопровождавших первые послевоенные месяцы. Подобной установки придерживались также лидеры национал-социалистов, такие как Герман Геринг, Вильгельм Кубе и Грегор Штрассер, которые в 1932 году повторно заявили о том, что НСДАП ни при каких обстоятельствах не собирается проводить погромы в какой бы то ни было форме и планирует осуществлять исключение евреев из сферы публичного управления и культурных учреждений только легальными методами, не нанося никакого ущерба их экономическому положению³³.

Выступления такого рода, впрочем, выглядели как защита собственной репутации, поскольку в это же время партия столкнулась с многочисленными обвинениями в организации жесточайших нападений на евреев, включая случаи на Курфюрстендамм в Берлине в 1931 году³⁴. У партийного руководства действительно еще не было четкой концепции дальнейшей антиеврейской политики, и характерно, что в разработке проекта антисемитского законодательства приняли участие перебежчики из НННП³⁵. При этом они могли опираться на соответствующие разработки штаба немецкой армии, созданные в 1917 году по указанию генерал-квартирмейстера Эриха Людендорфа.

В целом для политической обстановки поздней Веймарской республики стали более характерны антиеврейские настроения, хотя Центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания не без успеха отражал антисемитскую травлю и при этом в ограниченном объеме получал поддержку органов правосудия, которые в других сферах уже изменили баланс в пользу антиреспубликанских сил. Судебную защиту не следует недооценивать, однако важно понимать, что она не могла компенсировать исчезающую готовность центристских партий защищать результаты эмансипации евреев³⁶.

Находясь на посту рейхсканцлера, ни Генрих Брюнинг, ни Франц фон Папен не были готовы вступить в защиту евреев,

в то время как Немецкая демократическая партия не стала сопротивляться объединению с Младонемецким орденом, исключавшим всех членов еврейского происхождения. Так немецкое еврейство потеряло свое привычное политическое прибежище, а леволиберальное крыло партии утратило всякое влияние на партийное руководство. Даже социал-демократы начали терять свои позиции на фоне продолжающейся антисемитской агитации правых партий. Если бы НСДАП не пришла к власти, авторитарная администрация рейхспрезидента, безусловно, ограничила бы гражданские права евреев и остановила бы приток еврейских мигрантов из Восточной Европы³⁷.

Показательным для изменившейся ситуации было общественное мнение по вопросу о восточных евреях. От числа всех проживавших в Германии иностранцев восточные евреи составляли не свыше 10 процентов, или не более 100 тысяч человек, то есть менее одной пятой от всего еврейского населения. Новую почву для расистских заявлений против восточных евреев дал раздутый правой прессой скандал вокруг спекуляций братьев Бармат³⁸. Требования депортировать восточных евреев исходили не только от НСДАП и НННП и относились также к тем, кто уже получил немецкое гражданство.

Еще перед выборами в рейхстаг в июле 1932 г. Карл фон Оссицки констатировал, что немецкое гражданство евреев в общественном мнении было поставлено под вопрос³⁹. Оссицки указывал также на то, что призывы такого характера вызывали в то же время сомнения в легитимности демократической республики. Он отмечал с сожалением, что контрреволюционным силам удалось вывести эту тему на передний план, пока демократы предпринимали безуспешные попытки оттеснить ее назад. Для него позиция по «еврейскому вопросу» являлась индикатором жизнеспособности республики.

Сделать однозначный вывод по итогам сложных обстоятельств того времени – непростая задача. Симптоматично, что НСДАП раннего образца получала важные импульсы из национального лагеря, от которого она сильно отличалась в организационном отношении и методах агитации. Формальная партийная программа и антисемитские лозунги нацистской пропаганды не имели

принципиальных отличий от расово-национальных антисемитских объединений XIX века, как и от правого крыла НННП. Разница состояла в специфической динамике НСДАП как фашистского движения и отсутствии каких-либо моральных ограничений при осуществлении антисемитской повестки, которой был присущ пророческий характер. Активное продвижение антисемитских идей не было главной причиной успеха нацистского движения; его удачи на выборах базировались в основном на использовании социальных конфликтов и политических разочарований в послевоенной Германии, приведших к неудовлетворенности парламентской системой.

Распространение антиеврейских настроений (необязательно с расистским оттенком) в широких слоях общества создало основу для толерантного отношения к нацистскому движению в буржуазных партиях. Растущее равнодушие к антисемитской агитации отражало резкое падение популярности либеральных взглядов в немецком обществе, что проявилось в ослаблении позиций Немецкой демократической партии и ее готовности сотрудничать с объединениями из национального лагеря. Кроме того, безразличие к злоупотреблениям властью по расовым мотивам указывало на искажение моральных принципов в немецкой элите, перешедшей под знамена крайнего национализма. Безусловно, это относилось также к христианской церкви и не в последнюю очередь к протестантскому лагерю⁴⁰.

Таким образом, позиция по «еврейскому вопросу» может интерпретироваться как признак утраты морального стержня немецкими политическими и общественными элитами. Еще в мае 1931 г. известный немецкий банкир Макс Варбург пришел к горькому выводу о том, что «благородное отношение к евреям вообще не берется в рассмотрение». Далее он добавлял: «Народ, который столетиями от еврейских сограждан всего требует и стольким обязан еврейской работе, а затем терпит, как в отвратительной манере ведется антисемитская агитация и как каждая партия боится потерять сторонников, слишком резко выступив против этого произвола, не может больше считаться культурным народом и вписывает себя в ряды народов-погромщиков»⁴¹.

Поводом для этих высказываний стали схожие с погромами нападения штурмовых отрядов на Курфюрстендамм в Берлине, которые были остановлены полицией менее оперативно, чем следовало. Хотя они вызвали большую волну откликов в международной прессе, их значение не следует переоценивать. Реакцию Варбурга, безусловно, можно считать преждевременной, однако она точно предсказывает то, что начало происходить после 1933 года, и помогает понять, почему правые стали доминирующей силой в нацистской диктатуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Важнейшие работы по теме: *H. Berding*. *Moderner Antisemitismus in Deutschland*. – Frankfurt a. M., 1988; *H. Greive*. *Geschichte des modernen Antisemitismus in Deutschland*. – Darmstadt, 1988; *P. Pulzer*. *Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich*. – Darmstadt, 1987.

² *W. Boehlich*. *Der Berliner Antisemitismusstreit*. – Frankfurt, 1988. – S. 210–212, 264–265.

³ *R. Levy*. *The Downfall of the Anti-Semitic Political Parties in Imperial Germany*. – New Haven / London, 1975.

⁴ *W. Mommsen (Hrsg.)*. *Deutsche Parteiprogramme*. – München, 1960. – S. 78–79.

⁵ *S. Volkov*. *Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert*. – München, 1990. – S. 210–217; *S. Volkov*. *Antisemitismus als kultureller Code*. – München, 2000. – S. 13–15.

⁶ *U. Tal*. *Christians and Jews in Germany. Religion, Politics and Ideology in the Second Reich 1870–1914*. – Ithaka / London, 1975; *H. Greive*. *Theologie und Ideologie. Katholizismus und Judentum in Deutschland und Österreich 1918–1935*. – Heidelberg, 1969.

⁷ *G. Mosse*. *The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich*. – New York, 1998. – P. 93–95, 131–133; *V. Veltzke*. *Vom Patron zum Paladin. Wagner-Vereinigungen im Kaiserreich von der Reichsgründung bis zur Jahrhundertwende (Bochumer Historische Studien / Neuere Geschichte 5)* – Bochum, 1987.

⁸ *V. Ullrich*. «Drückeberger». *Die Judenählung im Ersten Weltkrieg // J. Schoeps, J. Schlör (Hrsg.)*. *Antisemitismus. Vorurteile und Mythen*. – Frankfurt a. M., 1975.

⁹ *H. Hagenlücke*. *Die Deutsche Vaterlandspartei*. – Düsseldorf, 1998. – S. 346–347, 410.

¹⁰ *U. Lohalm*. *Völkischer Radikalismus. Geschichte des Deutschvölkischen Schutz- und Trutz-Bundes 1919–1923*. – Hamburg, 1970. – S. 52–54.

- ¹¹ *W. Mommsen (Hrsg.)*. Deutsche Parteiprogramme. – S. 538.
- ¹² *Cp. H. Holzbach*. Das «System» Hugenberg. Die Organisation bürgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP. – München, 1981. – S. 159.
- ¹³ *M. Weißbecker*. Deutschvölkische Freiheitspartei (DVFP) 1922–1933 // Lexikon zur Parteiengeschichte. – Bd. 2. – Leipzig, 1984. – S. 550–558.
- ¹⁴ *W. Maser*. Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP. – Düsseldorf, 1994. – S. 269–271.
- ¹⁵ *W. Mommsen (Hrsg.)*. Deutsche Parteiprogramme. – S. 548.
- ¹⁶ *W. Maser*. Der Sturm auf die Republik. – S. 205–206.
- ¹⁷ *B. Hamann*. Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators. – München, 1997. – S. 502.
- ¹⁸ *H. Gordon*. Hitlerputsch 1923. Machtkampf in Bayern 1923–1924. – Frankfurt a. M., 1971. – S. 235–237; *H. Mommsen*. Adolf Hitler und der 9. November 1923 // *J. Willms (Hrsg.)*. Der 9. November. Fünf Essays zur deutschen Geschichte. – München, 1994. – S. 33, 48, 91–94.
- ¹⁹ *Cp. W. Horn*. Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919–1933). – Düsseldorf, 1972. – S. 278–280.
- ²⁰ *J. Falter*. Wahlen und Wählerverhalten unter besonderer Berücksichtigung des Aufstiegs der NSDAP nach 1928 // *K. Bracher et al. (Hrsg.)* Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft. – Bonn, 1988. – S. 484–504; *J. Falter*. Hitlers Wähler. – München, 1991.
- ²¹ *Cp. D. Orlow*. The History of the Nazi Party 1919–1933. – Pittsburgh, 1969. – S. 118–120; *P. Stachura*. Der kritische Wendepunkt? Die NSDAP und die Reichstagswahlen vom 20. Mai 1928 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 26 (1978). – S. 66–99.
- ²² *D. Goldhagen*. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin, 1996. – S. 111–113.
- ²³ *D. Walter*. Antisemitische Kriminalität und Gewalt. Judenfeindschaft in der Weimarer Republik. – Bonn, 1999. – S. 151–152; *T. Maurer*. Ostjuden in Deutschland 1918–1933. – Hamburg, 1986. – S. 329–331.
- ²⁴ *Cp. U. Herbert*. «Generation der Sachlichkeit». Die völkische Studentenbewegung der frühen zwanziger Jahre in Deutschland // *F. Bajohr et al. (Hrsg.)* Zivilisation und Barbarei. Die widersprüchlichen Potentiale der Moderne. – Marburg, 1991. – S. 135–137.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Cp. D. Niewyk*. The Jews in Weimar Germany. – Baton Rouge, 1980. – P. 55.
- ²⁷ *A.E. Günther*. Was wir vom Nationalsozialismus erwarten. – Heilbronn, 1932; *cp. I. Hamel*. Völkischer Verband und nationale Gewerkschaft. Der Deutschnationale Handlungsgehilfenverband (DHV) 1893–1933. – Frankfurt a. M., 1967. – S. 164–165.
- ²⁸ *C. von Ossietzky*. Antisemiten // Weltbühne 28. Jg. – Nr. 29 vom 19.7.1932. – S. 96.
- ²⁹ *Cp. L. Dupeux*. Der Kulturantisemitismus von Wilhelm Stapel // *K. Nowak, G. Raulet (Hrsg.)*. Protestantismus und Antisemitismus in der Weimarer Republik. – Frankfurt a. M. / New York, 1994. – S. 172, 175–176.

³⁰ *L. Jones*. Catholic Conservatives in the Weimar Republic: The Politics of the Rheinisch-Westphalian Aristocracy, 1918–1933 // *German History* 18 (2000). – P. 60–85; ср. также: *O. Blaschke*. «Wider die Herrschaft des modern-jüdisches Geistes»: Der Katholizismus zwischen traditionalem Antijudaismus und modernem Antisemitismus // *W. Loth (Hrsg.)*. Deutscher Katholizismus im Umbruch zur Moderne. – Stuttgart, 1991. – S. 236–261.

³¹ Ср. *H. Reif*. Antisemitismus in den Agrarverbänden Ostelbiens während der Weimarer Republik // *H. Reif (Hrsg.)*. Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. – Berlin, 1994. – S. 401–403; *E. Conze*. Von deutschem Adel. Die Grafen Bernstoff im zwanzigsten Jahrhundert. – Stuttgart, 2000. – S. 162–163; *I. von Hoyungen*. Adel in der Weimarer Republik. Die rechtliche und soziale Situation des reichsdeutschen Adels 1918–1933. – Limburg, 1992.

³² *A. Kauders*. Legally Citizens. Jewish Exclusion from the Weimar Polity // *W. Benz, A. Paucker, P. Pulzer (Hrsg.)*. Jüdisches Leben in der Weimarer Republik. – Tübingen, 1998. – S. 170–171; *A. Kauders*. German Politics and the Jews. Düsseldorf and Nuremberg 1910–1933. – Oxford, 1996. – P. 184–185, 190.

³³ Ср. *D. Walter*. Antisemitische Kriminalität. – S. 235; ср. S. 229–230.

³⁴ Там же. – S. 211–216.

³⁵ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1972. – S. 28–30.

³⁶ Ср. *D. Niewyk*. The Jews in Weimar Germany. – P. 88–89.

³⁷ С этим суждением Дж. Мосса нельзя не согласиться: *G. Mosse*. Die deutsche Rechte. // *W. Mosse (Hrsg.)*. Entscheidungsjahr 1932. Zur Judenfrage in der Endphase der Weimarer Republik. – Tübingen, 1966. – S. 237.

³⁸ *T. Maurer*. Ostjuden in Deutschland, 1918–1935. – Hamburg, 1986. – S. 476.

³⁹ *C. von Ossietzky*. Antisemiten (см. сноску 28).

⁴⁰ *K. Nowak*. Evangelische Kirche und Weimarer Republik. Zum politischen Weg des deutschen Protestantismus zwischen 1918 und 1922. – Göttingen, 1988. – S. 246–248; *H. Berding*. Moderner Antisemitismus in Deutschland. – S. 222–223.

⁴¹ *W. Jochmann*. Antisemitismus und Untergang der Weimarer Republik // Gesellschaftskrise und Judenfeindschaft in Deutschland, 1870–1945. – Hamburg, 1988. – S. 192.

Глава 2

Функция антисемитизма в НСДАП

Менявшееся значение антисемитских течений в политической культуре Веймарской республики, а также в процессе возникновения и развития НСДАП приводит к вопросу: какую задачу антисемитизм выполнял в нацистском движении и какую роль антисемитская пропаганда сыграла при поддержке НСДАП на выборах?

НСДАП была преемницей многочисленных национальных союзов и объединений, возникших после ноября 1918 года, – в первую очередь Немецкого народного союза обороны и наступления. Принятое Гитлером в 1925 году решение реализовать принцип индивидуального членства, которое контролировалось мюнхенской группой его ближайших соратников, способствовало тому, что националистские организации, получившие определенную самостоятельность в ноябре 1923 г., могли быть полностью поглощены. Структурная реформа 1925 г., гарантировавшая неограниченные полномочия руководителю партии, в будущем позволила также запретить создание автономных фракций внутри партии¹.

После роспуска Немецкого народного союза обороны и наступления значительная часть его членов вступила в НСДАП и сыграла важную роль при возрождении партии после ее запрета в конце 1923 г. Особенно большую работу бывшие члены союза проделали при распространении идей НСДАП в Северной и Западной Германии, где до этого она вообще не была представлена. Руководящие кадры новообразованной НСДАП и СА преимущественно были выходцами из Немецкого народного союза обороны и наступления или схожих с ним народнических организаций.

Большинство членов партии, занимавших ключевые должности и родившихся в конце 1880-х – начале 1890-х гг., ранее входили в национальные объединения. В отличие от подавляющей части членов, вступивших в партию только в начале 1930-х гг., эта группа «старых бойцов» состояла почти исключительно из радикальных антисемитов. Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Юлиус Штрейхер, Альфред Розенберг и мюнхенское сообщество вокруг Германа Эссера, Макса Аманна и Рудольфа Гесса были характерными представителями этой группы. Большинство гауляйтеров и рейхсляйтеров НСДАП были выходцами из народнических организаций, что справедливо также и для членов руководства партии: Рейнхард Гейдрих пришел в НСДАП из Немецкого народного союза обороны и наступления, а Генрих Гиммлер был тесно связан с националистическим орденом артаманов².

Возможности для более подробного описания этого ядра радикального антисемитизма весьма ограничены. Тем не менее так называемая «коллекция Абеля» дает шанс более детального ознакомления. Речь идет о собранных в начале 30-х гг. воспоминаниях и автобиографиях около 800 «старых бойцов». Эта коллекция предоставляет ценный материал для выводов о социальном и идеологическом характере группы первых руководителей НСДАП. На основании этого источника Петер Меркль создал дальновидный анализ, который позволяет также сделать заключения о степени и масштабе распространения антисемитизма в НСДАП³.

Согласно данным Петера Меркля, большинство – около 60 процентов – «старых бойцов» были умеренными и неагрессивными антисемитами, в то время как около 30 процентов опрошенных в определенной степени имели ярко выраженные антисемитские взгляды, основанные на опыте первых послевоенных лет, прежде всего Ноябрьской революции 1918 года. Из полученных результатов Меркль сделал вывод о том, что не более 12–13 процентов «старых бойцов», автобиографии которых позволяли сформулировать такое заключение, принадлежали к группе радикалов, то есть к группе параноидных и готовых к насилию юдофобов⁴.

Предполагается, что около 53 процентов «старых бойцов» положительно воспринимали антисемитские лозунги и были склонны к агрессивной реакции, в то время как около 33 процентов имели умеренные или индифферентные взгляды, не имея особых предрассудков против евреев и вступив в партию по другим причинам⁵. Позиция рассмотренной группы в целом соответствовала установкам партийной элиты, состав которой после 1933 г. оставался достаточно стабильным, если не считать технократически ориентированных членов партии, вступивших в нее незадолго до или сразу после прихода национал-социалистов к власти. То же самое может быть сказано в отношении руководящих кадров СА до чистки 30 июня 1934 года*. Они образовывали ядро группы готовых к насилию антисемитов.

Гораздо сложнее получить достаточно надежные данные относительно рядовых членов и избирателей НСДАП, в особенности ввиду необычно резкого изменения их численности и стремительного роста популярности НСДАП перед 30 января 1933 года, которые указывают на неравномерное развитие партии (в годы режима, однако, сменившееся общей стабильностью). В основе решения голосовать за НСДАП или вступить в партию до ее прихода к власти лежал протест против мнимых или реальных недостатков и провалов веймарской республиканской системы. Антисемитский фактор, даже если он присутствовал, играл на этом фоне менее важную роль.

В большинстве исследований можно выделить единую точку зрения, согласно которой руководство избирательного штаба национал-социалистов в решающих избирательных кампаниях с сентября 1930 по ноябрь 1932 года отдало центральное место обширной критике «марксистских» партий, оттеснив антисемитскую пропаганду на задний план⁶. В самой партии во время этапа стабилизации 1924–1928 годов антисемитские лозунги также звучали реже, чем раньше, что, очевидно, было связано с нормализацией внутривнутриполитической обстановки.

В своей новаторской работе о росте популярности НСДАП в нижнесаксонском городе Нортхайм Уильям Шеридан Аллен

---

* Известна также как «ночь длинных ножей» или «пугч Рёма».

представил характеристику ситуации по «еврейскому вопросу» до 1933 года, из которой следовало, что социальной дискриминации евреев практически не существовало. Если антисемитизм в принципе получал общественный отклик, он проявлялся в выраженной абстрактной форме, в то время как повседневные контакты с еврейскими гражданами не были затронуты антисемитским курсом. Аллен приходит к следующему выводу: «Многие из тех, кто голосовал за национал-социалистов, просто игнорировали либо рационализировали антисемитизм партии – так же, как они не обращали внимания и на другие отрицательные стороны нацистского движения»⁷. Анализ распространения национал-социализма по регионам показывает, что избиратели НСДАП ранних тридцатых годов в своей массе не были явными расистами, а антисемитская направленность партии не была для сторонников главным поводом присоединиться к ней⁸.

Не следует также переоценивать навязывание антисемитских идей рядовым членам партии, хотя найти достоверную информацию для проверки этого вопроса непросто. Быстрое увеличение числа членов партии в начале тридцатых годов в последнюю очередь было результатом антисемитской пропаганды. Во многих случаях ненависть к евреям являлась лишь следствием вступления в партию и дальнейшей идеологической индоктринации⁹. Для руководства избирательного штаба НСДАП было ясно, что акцентирование антисемитских пунктов программы скорее отпугнет возможных избирателей, тем более что активные антисемитские группы уже и без того примкнули к партии. Во всяком случае, до 1931 г. нацистское движение избегало столкновений и нападений на евреев, которые, вероятнее всего, нанесли бы вред его репутации.

Подобное положение изменилось после прихода национал-социалистов к власти, сопровождавшегося многочисленными антисемитскими скандалами. Но не стоит придавать учащению антиеврейских выпадов слишком большое значение. Большинство членов и сторонников партии сохраняло относительно индифферентную позицию по «еврейскому вопросу». Это выражалось в частности в том, что указания представителей фюрера не совершать покупки в еврейских магазинах и не сотрудничать с еврей-

скими скототорговцами постоянно игнорировались. Многие приверженцы НСДАП не принимали так называемые «дикие» акции против еврейских граждан и открытые призывы к бойкоту. Это, впрочем, не препятствовало всё большему распространению антисемитских клише, хотя, как правило, они не соотносились с соседями-евреями. Однако протесты против антиеврейской деятельности партии возникали весьма редко и открытых проявлений солидарности с жертвами также не наблюдалось. В то же время радикальная пропаганда антисемитизма, в особенности та, которую Юлиус Штрейхер помещал в провокационное издание «Der Stürmer», встречала отторжение в широких слоях немецкого общества, несмотря на то что немногие решались препятствовать установке газетных стендов «Штюрмера»¹⁰. Подавляющее большинство населения, как показывает ситуационный отчет из Бадена 1935 г., было «полностью апатично», и имеются многочисленные свидетельства в пользу того, что немецкое общество характеризовало глубокое моральное безразличие по «еврейскому вопросу»¹¹.

Между тем безостановочная антисемитская пропаганда не могла не оставлять следов в общественном сознании. В отчете из Берлина 1936 г. Sopade (Социал-демократическая партия Германии в эмиграции) сообщала, что НСДАП удалось увеличить разрыв между евреями и народом, так что представление о принадлежности евреев к другой расе стало встречаться повсеместно¹². Эти изменения начали происходить еще в период Веймарской республики, когда юдофобские стереотипы получали всё более активную поддержку. Однако в целом они не имели специфической расово-антисемитской окраски.

Внутри партии ситуация была схожей. При этом важно отметить, что после марта 1933 г. партия, несмотря на временную остановку принятия новых членов, превратилась в массовую организацию, насчитывавшую к 1939 г. восемь миллионов человек. Количественный рост повлек за собой масштабные кадровые изменения на нижнем уровне управления¹³. Это изменило организацию партии и в идеологическом плане. Число фанатичных поборников нацистской идеологии сократилось на фоне числа обычных сторонников.

Неофициальный опрос, который Михаэль Мюллер-Клаудиус провел среди членов партии после «Хрустальной ночи», не позволяет сделать точных выводов, однако дает основание для общей оценки степени навязывания антисемитских взглядов. Согласно его результатам, 63 процента участников заявили о негативном отношении к событиям 9–10 ноября 1938 года, а 32 процента – выразили равнодушие в связи с произошедшим. Неофициальный опрос, повторно проведенный в 1942 г., продемонстрировал изменение этого соотношения до 26 к 69 процентам соответственно¹⁴. В обоих случаях примечательной является низкая доля тех членов партии, которые безоговорочно поддержали нападения на евреев. Эти данные получают подтверждение в итогах опросов немецких военнопленных, проведенных Управлением стратегических служб и американской военной администрацией в Германии¹⁵. Гиммлер и Гейдрих в действительности испытывали некоторые опасения в связи с тем, что жесткие меры, предпринимаемые в рамках решения «еврейского вопроса», не встречали необходимого понимания среди населения и членов партии. Это дало повод для ускоренного осуществления программы уничтожения¹⁶.

Ввиду сравнительной непопулярности атак на еврейскую часть населения, а также безразличного отношения предположительно большей части членов партии возникает вопрос, почему радикальные действия не встретили почти никакого сопротивления. Эта проблема кажется особенно актуальной из-за того, что исключение евреев из жизни общества, сменившееся в 1941 году их физическим уничтожением, всегда противоречило конкретным материальным расчетам.

За исключением особых групп интересов, таких как Боевой союз промышленного среднего класса под руководством Адриана фон Рентельна (в 1933 году преобразованный в Национал-социалистическую ремесленно-торгово-промышленную организацию), и обычной зависти представителей некоторых профессий, жаловавшихся на мнимое «засилье иностранной рабочей силы», сложно назвать примеры непосредственной выгоды от изоляции евреев. С другой стороны, находилось много желающих

обогатиться за счет еврейской собственности и недвижимости, которые не испытывали при этом никаких угрызений совести¹⁷.

Без сомнения, идеологический фактор был ключевым при радикализации антисемитизма. Почти все руководящие группы партии состояли из крайних антисемитов и, как уже было показано, большинство политиков, занимавших важнейшие посты, начинали карьеру в антисемитских организациях. Антисемитская идея имела задачу заглушить внутрипартийные разногласия и ориентировать энергию партии на «позитивную» цель в ситуации, когда интересы отдельных объединений могли сильно различаться. Так, Ян Кершоу особо подчеркивает интегрирующую функцию антисемитизма, который он называет «общим знаменателем», обязательным для такого разнонаправленного с точки зрения политических интересов движения, как НСДАП¹⁸.

В этой связи следует напомнить, что еще в Германском рейхе Вильгельма II одной из задач антисемитизма было примирение весьма непохожих социальных и экономических взглядов в правом лагере¹⁹. В первую очередь это касалось противостояния между сторонниками капиталистического и социалистического строя, каждый из которых назывался сионистским изобретением. Показательным может считаться случай, когда Гитлер заявил о принятии партией курса против экспроприации имущества знатных домов, отождествив евреев с кругом сторонников этой идеи²⁰.

«Объективной задачей» антисемитской пропаганды было отвлечение внимания от острых социально-экономических проблем и перенаправление псевдореволюционной энергии движения в нападения на евреев²¹. С момента прихода национал-социалистов к власти это стало особенно актуальным. После спонтанно осуществленного распределения важнейших государственных постов между «старыми бойцами» и заслуженными членами партии антисемитизм играл роль выпускного клапана для накопившейся социально-революционной энергии, гарантируя безопасность новой структуре власти. Такая ситуация закрепилась после того, как назначенные кадры НСДАП утратили узурпированный ими контроль над чиновничьим аппаратом, а все кадровые вопросы перешли в компетенцию заместителя фюрера Рудольфа Гесса, в результате чего чиновники получили возможность отклонять

претензии и протесты локальной и региональной партийной организации без лишних затруднений.

Только на муниципальном уровне НСДАП как массовому движению удалось занять позиции в сфере публичного управления, однако ее политическое влияние и здесь ограничивалось усиленным государственным контролем. Запущенный процесс смены персонала, который из-за массовых увольнений чиновников создал сильную нагрузку на общественный бюджет, был приостановлен, а решения о кадровой ротации, принятые в период захвата власти, после 1934 г. были отменены. Многих национал-социалистов, получивших ответственные посты, уволили либо по причине отсутствия необходимой квалификации, либо при обнаружении случаев коррупции и растрат. Поиском подходящих должностей для «старых бойцов», зачастую не имевших законченного образования, министерство внутренних дел было вынуждено заниматься на протяжении нескольких лет²².

Эта рестабиллизация управляющего аппарата в особенности затронула штурмовые отряды, которые при распределении постов находились под руководством Эрнста Рёма и рассчитывали на кардинальные перемены в жизни Германии. Назначенные ими комиссары, узурпировавшие контроль над предприятиями, должны были вернуться в распоряжение Геринга. В результате недостаточно интегрированные в систему после прихода национал-социалистов к власти активисты партии и СА образовали круг готовых к насилию антисемитов. Нападения на евреев продолжали тенденции «боевого времени», которые уже не соответствовали текущим задачам. По большей части спонтанно предпринимаемые антисемитские акции и демонстрации имели компенсирующую функцию – преследование евреев создавало поле деятельности для потерявших свое значение после 30 января 1933 года активистских сил СА и НСДАП²³.

Консервативные бюрократические элиты в действительности были склонны к тому, чтобы оставить партии свободу действий по «еврейскому вопросу», так как в других случаях она систематически исключалась из публичного управления, в том числе на высшем уровне. Назначение Рудольфа Гесса и – до 1934 г. – Эрнста Рёма рейхсминистром из-за их растущей некомпетентности не

приближало партию к желаемому контролю кадровых вопросов, которые в итоге можно было решать только через кабинет заместителя фюрера²⁴.

Высшее чиновничество, как правило, разделяло часто высказываемое ожидание, что антисемитская деятельность партии постепенно сойдет на нет. Неготовность противостоять партии в этой области была также следствием полной недооценки динамики «еврейского вопроса». Еще на созданной Ялмаром Шахтом в июле 1935 г. межминистерской конференции прусский министр финансов Йоханнес Попиц заявил в отношении атак на евреев: «Определить границы дозволенного. И точка!»²⁵ Ограничиваясь полумерами при воспрепятствовании агрессивным действиям партии, министерства, не желавшие уступать «лидерства в еврейском вопросе», неосознанно вступали на кривую дорожку, которая привела в дальнейшем к полному попранию государственно-правовых принципов.

Тем самым был запущен механизм, который Мартин Брошат удачно охарактеризовал как «отрицательная селекция элементов мировоззрения»²⁶. Подавляющее большинство экономических установок нацистского мировоззрения затрагивало стабильные интересы представителей немецкого общества и было молча забыто, поскольку Гитлер избегал расстановки приоритетов при столкновении противоречивших друг другу интересов. Однако преследование евреев, как правило, не вступало в конфликт с какими-либо закрепившимися общественными принципами. Таким образом, еврейская часть населения была полностью автономна. Это облегчило процесс ограничения гражданских и экономических прав евреев, так как за редким исключением – не считая вопроса внешнеполитической репутации рейха – в обществе не было противостоявших ему сил. В результате начало происходить ускоренное развитие антисемитских акций и лозунгов.

В авангарде атак на евреев стоял Юлиус Штрейхер и выпускаемое им еженедельное издание «Der Stürmer». Антисемитская деятельность Штрейхера получала поддержку Боевого союза промышленного среднего класса. К ним примыкали активистские группировки НСДАП и СА. Однако о скоординированных действиях речи не шло. Многочисленные нападения на еврейские

учреждения, магазины и самих евреев, имевшие место непосредственно после захвата власти национал-социалистами, чаще всего организовывались спонтанно. Возникшее позже впечатление, что «партийная революция снизу» играла на руку «партийной революции сверху»²⁷, не позволяет сделать вывода о сознательно осуществлявшейся властью стратегии. Характерно в то же время, что на министерства оказывалось давление, чтобы задним числом санкционировать нелегальные действия радикальных групп.

Общее явление, когда чиновники, судьи и полицейские под давлением партии не спешили гарантировать право и порядок и выносить соответствующие наказания за незаконные нападения на евреев, должно было стать заметным. Зачинщики антиеврейских атак в действительности могли рассчитывать на то, что останутся безнаказанными, поскольку юридически верные решения блокировались партией и во многих случаях лично Гитлером. Так политическая система указывала на открытый фланг, готовый предотвращать полицейское и уголовное преследование преступлений против евреев.

В результате сравнительно небольшие группы партийных активистов, ратовавших за расширение антисемитских мер и не отступавших перед совершением актов насилия – предположительно не более 10 процентов от числа всех членов партии, – получили возможность задавать направление и скорость развития антиеврейской деятельности, не встречая при этом серьезного сопротивления в правительстве. Уничтожение правового государства и ослабление судебной ветви власти стали ощущаться в первую очередь в сфере «еврейского вопроса» и привели к тому, что незаконные действия против евреев оставались безнаказанными. На этом фоне радикальные антисемиты осмеливались выдать желаемое за действительное и, ссылаясь на якобы звучавшие в обществе протесты против засилья евреев, призывали к более жестким антиеврейским мерам. Правительственные комиссии реагировали на постоянно растущую волну антисемитской радикализации в частях нацистского движения, создавая для нее задним числом законную почву и фактически занимаясь «догоняющей легализацией»²⁸.

Гитлер находился в центре непрерывного развития антиеврейских тенденций в пропаганде и политике третьего рейха. Представление некоторых зарубежных партнеров о том, что разжиганием антисемитизма занимался не Гитлер, а ультрарадикалы в нацистском движении, было, таким образом, абсолютно неверным. Однако оно оставалось широко распространенным, несмотря на предупреждения высокопоставленных дипломатов – в частности сделанные в течение 1933 г. высказывания сэра Горация Румбольда, британского посла в Берлине, и Джорджа Мессерсмита, американского генерального консула в Берлине. Румбольд особо подчеркивал, что «было бы ошибочно видеть здесь политику его необузданных соратников, при контроле поведения которых фюрер действительно испытывает проблемы» и что «Гитлер лично несет ответственность за антиеврейскую политику немецкого правительства». Диктатор, по его мнению, был «фанатичен в этом вопросе»²⁹. Американский генконсул, кроме того, писал госсекретарю Корделлу Халлу, что Гитлер «неуступчив, не дает себя переубедить и является подлинным координатором антиеврейского движения»³⁰.

Гитлер всегда выступал в роли идеологического двигателя «еврейского вопроса», занимая при практическом осуществлении антиеврейских мер весьма различные позиции. Значение при этом имели соображения тактического характера, не в последнюю очередь забота о сохранении собственной репутации, но зачастую также импульсивная реакция на изменившееся положение дел. Характерным, однако, было постоянное отодвигание «еврейского вопроса» на дальний горизонт, рисуемый пропагандистскими образами. Нельзя не заметить, что регулярно повторяемые антисемитские выпады в его речах никак не затрагивали детальных обстоятельств преследования евреев.

Изучение его поздних высказываний по данному вопросу позволяет заключить, что для Гитлера решающее значение имел аспект пропаганды, а конкретнее – создания идеологически выверенного образа врага. В непубличных выступлениях Гитлер, по всей видимости, также никогда не высказывал конкретной позиции по вопросу об уничтожении евреев. Он постоянно ограничивался описанием ситуации в идеологических метафорах, не упо-

миная факта систематических массовых убийств. Эта тема могла быть затронута только косвенно, в риторических формулах, с повторением уже известных, как правило, нацеленных на будущее образов.

Мартин Брошат, говоря о соотношении теории и практики или, точнее, желаемого и действительного в речах Гитлера, отмечал, что антиеврейская риторика «поймала себя на слове», то есть использование лексики, связанной с уничтожением, в конечном итоге повлекло за собой конкретные требования подчиненных. Таким образом, цель далекого будущего – полная ликвидация еврейства, которую Гитлер, как правило, упоминал только как возможное событие, в форме угрозы, – стала реальностью³¹.

В мировоззрении или, скорее, в наборе мировоззренческих формул Гитлера Холокост имел хилиастическое значение. Вероятно, с немного другим смысловым оттенком, Сол Фридлиндер использовал для характеристики специфически нацистского варианта антисемитизма термин «редемптористский* антисемитизм»³². Так или иначе, постепенное превращение требований о ликвидации в кровавую действительность было следствием динамичного взаимодействия между визионерски-идеологическими установками центра и радикализацией методов и задач на местах – фюрер и окружавшие его руководители не принимали никаких единоличных волевых решений. Хотя потенциал насильственных действий всё время присутствовал и мог быть использован, его воплощение в реальность стало результатом сложного политического процесса, в котором Гитлер как раз не играл главной роли.

Многое говорит в пользу того, что систематическое обучение полицейского аппарата режима способствовало закреплению антисемитских установок в исполнительной власти. Первоначально там часто можно было встретить индифферентное отношение к «еврейскому вопросу», что объяснялось большим количеством кадров, взятых в гестапо, полицию безопасности и СД из служб Веймарской республики. Единые установки удалось сформиро-

---

* Редемптористы — католическая монашеская конгрегация, основанная в 1732 г. для проповеди Евангелия самым бедным и отверженным людям.

вать только со временем, что достигалось, в том числе, систематической идеологической обработкой и особенно касалось периода военных действий³³.

Решающей, впрочем, была позиция членов руководящего состава полиции и службы безопасности. Многие из них столкнулись с радикальным расовым антисемитизмом, который был весьма характерен для немецкого студенчества в веймарский период, во время учебы³⁴. Это было важной предпосылкой к тому, чтобы расовый фанатизм поэтапно распространился в госаппарате и стал впоследствии необходимым условием для планирования и реализации «окончательного решения еврейского вопроса».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *W. Horn. Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919–1933).* – Düsseldorf, 1972. – S. 224–226.

² *B. Smith. Heinrich Himmler. Sein Weg in den deutschen Faschismus.* – München, 1979. – S. 211, 213. См. также: *J. Ackermann. Heinrich Himmler als Ideologe.* – Göttingen, 1970; *G. Mosse. The Crisis of German Ideology.* – P. 116–120.

³ *P. Merkl. Political Violence under the Swastika. 581 Early Nazis.* – Princeton, 1975.

⁴ Там же. – P. 453–454.

⁵ Там же. – P. 499–500.

⁶ *G. Paul. Aufstand der Bilder. Die NS-Propaganda vor 1933.* – Bonn, 1990. – S. 92, 239; *Z. Zofka. Between Bauernbund and National Socialism. The Political Orientation of the Peasants in the Final Phase of the Weimar Republic // T. Childers. The Formation of the Nazi Constituency, 1919–1933.* – London, 1986. – P. 57–58; однако, по всей видимости, это не касалось газеты «Фёлькишер Беобахтер», ср. *D. Niewyk. The Jews in Weimar Germany.* – P. 45, а также *D. Hackett. The Nazi Party in the Reichstag Election of 1930.* – Madison, Wisconsin, 1971. – S. 283–285, 290–291.

⁷ *W.S. Allen. The Nazi Seizure of Power. The Experience of a Single German Town 1922–1945. Revised ed.* – New York, 1984. – P. 84.

⁸ *G. Pridham. Hitler's Rise to Power. The Nazi Movement in Bavaria, 1923–1933.* – P. 237–238, 243; *J. Noakes. The Nazi Party in Lower Saxony 1921–1933.* – Oxford, 1971. – P. 209–210.

⁹ Ср. *W.S. Allen. The Nazi Seizure of Power*, p. 84: «Жители Нортхейма были вовлечены в антисемитизм, потому что они были вовлечены в нацизм, а не наоборот».

¹⁰ Ср. *J.W. Bondy. Racketeers of Hatred. J. Streicher and the Jew-Baiter's International.* – London, 1946. – P. 45–46; *I. Kershaw. The Persecution of the*

Jews and German Popular Opinion in the Third Reich // *Leo Baeck Year Book* 26 (1981). – P. 273.

¹¹ Для периода 1935–1938 гг. Ян Кершоу делает следующий вывод: «Еврейский вопрос» не играл почти никакой роли в формировании общественного мнения для подавляющего большинства немецкого населения». // Там же. – P. 269.

¹² Там же. – P. 274; *Sopade vom 11.2.1936*. – A 20–21.

¹³ *M. Kater. The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945*. – Cambridge, 1983. – P. 193–194.

¹⁴ Там же. – P. 162–164, 167–168.

¹⁵ *S.M.I. Gurtein, M. Janowitz. Trends in the Wehrmacht-Morale // Public Opinion Quarterly* 10 (1946). – P. 78–84.

¹⁶ Указ администрации партии от октября 1942 г., см.: *H.A. Jakobsen. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. – Darmstadt, 1961. – S. 584–585; ср. *M.G. Steinert. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg*. – Düsseldorf, 1970. – S. 252–253.

¹⁷ *F. Bajohr. «Arisierung» in Hamburg. Die Verdrängung der jüdischen Unternehmer 1933–1945 (= Hamburger Beiträge zur Sozial- und Zeitgeschichte 35)*. – Hamburg, 1998. – S. 345–346.

¹⁸ *I. Kershaw. The Persecution of the Jews*. – P. 287.

¹⁹ *W. Jochmann. Struktur und Funktion des deutschen Antisemitismus // W. Mosse, A. Paucker (Hrsg.). Juden im Wilhelmischen Deutschland 1890–1914 (= Schriftenreihe des Leo Baeck-Instituts 33)*. – Tübingen, 1976. – S. 389–477.

²⁰ Ср. *H. Mommsen. Aufstieg und Untergang der Weimarer Republik*. – Berlin, 1998. – S. 298–299.

²¹ См. сноску 18.

²² *H. Mommsen. Beamtentum im Dritten Reich*. – Stuttgart, 1966. – S. 68–70.

²³ *I. Kershaw. The Persecution of the Jews*. – P. 288.

²⁴ *D. Rebentisch. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung und Verwaltungspolitik 1939–1945*. – Stuttgart, 1989. – S. 69–70, 72–74.

²⁵ *Chefbesprechung im Reichswirtschaftsministerium vom 20.8.1935 // H. Mommsen, S. Willems (Hrsg.). Herrschaftsalltag im Dritten Reich. Studien und Texte*. – Düsseldorf, 1988. – S. 444.

²⁶ *M. Broszat. Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus // Он же. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte*. – München, 1987. – S. 28.

²⁷ *K.D. Bracher. Stufen totalitärer Gleichschaltung: Die Befestigung der nationalsozialistischen Herrschaft 1933/34 // W. Michalka (Hrsg.). Die nationalsozialistische Machtergreifung*. – Paderborn, 1984. – S. 13–28.

²⁸ Ср.: *H. Mommsen. Die Funktion des Antisemitismus im Dritten Reich // D. Blasius, D. Diner (Hrsg.). Zerbrochene Geschichte. Leben und Selbstverständnis der Juden in Deutschland*. – Frankfurt a. M., 1991. – S. 166–167.

²⁹ Sir Horace Rumboldt an Sir John Simon am 11.5.1933 // Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik [ADAP]. Serie D, Bd. 5 (1933).

³⁰ Цит. по: *S. Friedländer*. Das Dritte Reich und die Juden. Bd. 1: Die Jahre der Verfolgung 1933–1939. – München, 1998. – S. 83; Messersmith an Cordell Hull am 1.11.1933 // ADAP. Serie D, Bd. 2 (1933), S. 362.

³¹ *M. Broszat*. Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus. – S. 32–33.

³² *S. Friedländer*. Das Dritte Reich und die Juden. – S. 32.

³³ Cp. *J. Matthäus*. «Warum wird über das Judentum geschult?» Die ideologische Vorbereitung der deutschen Polizei auf den Holocaust // *G. Paul, K.-M. Mallman*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. «Heimatfront» und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – S. 100–124; cp. *H. Berschel*. Polizeiroutiniers und Judenverfolgung. Die Bearbeitung von «Judenangelegenheiten» in der Stapo-Stelle Düsseldorf // Там же. – S. 155–178.

³⁴ *U. Helbert*. Weltanschauungseliten. Ideologische Legitimation und politische Praxis der Führungsgruppe der nationalsozialistischen Sicherheitspolizei // Potsdamer Bulletin für zeitgeschichtliche Studien 9 (1997). – Potsdam, 1997. – S. 4–18; *M. Wildt*. Die Judenpolitik des SD 1935–1937. – München, 1995.

Глава 3

Появление Нюрнбергских законов

15 сентября 1935 года немецкий рейхстаг в порядке аккламации принял «Закон об охране германской крови и германской чести», «Закон о гражданине рейха» и «Закон о флаге рейха». Заседание парламента было специально созвано в Нюрнберге, чтобы вечером 15 сентября в присутствии дипломатического корпуса и других высокопоставленных лиц участники смогли заслушать речь рейхсканцлера и оглашение Нюрнбергских законов Герингом.

Для обнародования Нюрнбергских законов не потребовалось декораций открытого заседания рейхстага, поскольку закон о чрезвычайных полномочиях предоставлял правительству право издания государственных постановлений. Решение Гитлера созвать парламентское заседание в Нюрнберге было принято 9 сентября, непосредственно перед партийным съездом¹, и являлось реакцией на раздутый немецкой прессой случай в Нью-Йорке, когда портовые рабочие сорвали флаг со свастики с лайнера «Бремен» и затем были оправданы судьей-евреем². Это «оскорбление, нанесенное германской нации», было отнесено к пропаганде бойкотов, которая якобы велась евреями. Само по себе незначимое происшествие стало поводом к принятию Нюрнбергских законов. Геббельс писал в своем дневнике: «Наш ответ – собрание рейхстага в Нюрнберге и объявление флага со свастикой единственным государственным флагом. Фюрер в превосходном настроении»³. Месть играла колоссальную роль в политическом мышлении ведущих национал-социалистов.

Демонстративный показ цветов нацистского движения в «Законе о флаге рейха» связывался с ущемлением прав еврейских

граждан и запретом на использование государственной символики. Первоначальная формулировка гласила: «Государственный флаг – также и национальный флаг. К немецкой нации принадлежит только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь»⁴. Отсюда вытекали проблемы с дефиницией годами обсуждаемого понятия «еврей».

К тому же руководству партии казалось, что одного «закона о флаге», для которого имелось уже несколько формулировок, будет недостаточно для полноценного заседания рейхстага. По этой причине Гитлер поручил разработать проект «еврейских законов», которые включали бы запрет на брак и внебрачное сожителство между евреями и неевреями, а также наем евреями домашней прислуги моложе 45 лет. Такой набор инициатив позволил ряду заинтересованных лиц реализовать свои представления по вопросу о запрете браков, ограничении гражданских прав для евреев и защите немецкой крови.

В итоге неофициальных переговоров, которые шли в кулуарах партийного съезда, было решено разделить накопившиеся вопросы по трем различным законопроектам, выделив при этом предложения по здоровью браков, подготовленные Артуром Гюттом, руководителем отдела здравоохранения в министерстве внутренних дел, в самостоятельный закон⁵. В связи с этим потребовалось в кратчайшие сроки довести до готовности уже некоторое время обсуждавшиеся законодательные инициативы по запрету смешанных браков и внебрачных отношений. Из министерства внутренних дел в Нюрнберг был срочно вызван ряд чиновников, отвечавших за «еврейский вопрос», для того чтобы превратить многочисленные предложения в единый жизнеспособный законопроект⁶.

Положения «Закона о защите германской крови и германской чести» по сути несильно отличались от расистских требований, распространенных в антисемитском дискурсе двадцатых годов. Запрет смешанных браков не был оригинальной идеей НСДАП и уже звучал ранее среди правой буржуазии. Кроме того, этот вопрос уже поднимался во время обсуждения реформы уголовного права в 1933 г. Еще в сентябре 1933 г. Роланд Фрейслер, позже ставший председателем Народной судебной палаты, и министр

по делам церкви Ганс Керрль требовали добавить в уголовный кодекс статью о «предательстве нации»⁷.

Однако в то же время министр юстиции Франц Гюртнер выступил против уголовного запрета на межрасовые браки и отметил, что такой закон мог бы повредить внешнеполитическим отношениям Германского рейха, поскольку им были бы затронуты еврейские супружеские пары, проживавшие в Германии, но являвшиеся гражданами других стран. Сам Фрейслер также признал, что в рамках реформы уголовного права подобное ограничение было бы непрактичным⁸.

Но начиная с лета 1935 года давление радикального крыла партии с требованием запретить межрасовые браки заметно усилилось, а еженедельная газета СС «Das Schwarze Korps», выпускаемая Гюнтером д'Алкенем, вынесла эту тему на первый план. Перед этим при массовом воздействии местных партийных активистов был принят ряд судебных решений в пользу расторжения смешанных браков⁹. Газета ссылаясь, кроме того, на закон о рейхсвере от мая 1935 г., который содержал положение об отстранении от активной военной службы солдат, женатых на еврейках, а также имевших деда или бабушку иудейского происхождения¹⁰. После этого рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик стал добиваться всеобщего запрета смешанных браков и заранее отправил в загсы указание отложить заключение подобных браков, поскольку вскоре должно было появиться законодательное ограничение¹¹.

Однако почему соответствующее постановление вышло только осенью 1935 года? Это может объясняться в том числе требованием представителей партии использовать в законе положения, содержащиеся в уставе НСДАП и не допускавшие членства даже тех лиц, которые имели хотя бы одного еврейского предка в третьем поколении, доводя генеалогическую ветвь до 1800 года¹². Превосходившие друг друга требования из партийных кругов и гестапо о законодательном наказании за «предательство нации» и «позор нации», о расторжении смешанных браков и об уголовной ответственности, а также путаница в вопросе о полукровках препятствовали выработке единой точки зрения.

Ответственные чиновники министерства юстиции и министерства внутренних дел отклоняли требования партии, прежде всего, ввиду технических сложностей на пути их осуществления. Требование расторгать существующие смешанные браки вызвало особенно широкое сопротивление преимущественно консервативно настроенных чиновников, которым были очевидны тяжелые правовые и психологические последствия такого решения. Подобная мера в действительности могла бы привести к массовому протесту представителей церкви, а также к открытому недовольству среди населения⁴³.

Требование партии включить в действие запрета граждан с еврейскими предками в третьем поколении вызвало еще большие возражения министерских чиновников – они указывали на то, что тем самым дополнительно будут затронуты более одного миллиона человек, которые были полностью ассимилированы и никак не контактировали с иудейской общиной. Ключевой интерес работников министерства внутренних дел, задействованных в «еврейской политике», состоял в том, чтобы минимизировать число тех, кого коснутся репрессии и дискриминация, и ограничить масштаб социальных последствий. Такой позицией они косвенно способствовали сегрегации преследуемых групп.

Привязка решения этих формальных вопросов к съезду партии не устраняла конкретных противоречий, которые не снимались общими положениями «закона о гражданине рейха» и «закона о защите». Это было связано, в том числе, с их спонтанным принятием. Находясь в Нюрнберге, сотрудники министерства внутренних дел не могли обратиться к результатам предварительно проделанной работы, тем более что ей занимались сразу несколько отделов. Характерным для спонтанного развития ситуации был и тот факт, что министр юстиции не был введен в курс дела перед прочтением текста законов на заседании рейхстага.

В переговорах, которые велись параллельно с мероприятиями партийного съезда и в которых участвовали со стороны партии уполномоченный по народному здоровью Герхард Вагнер, Артур Гютт и Вальтер Гросс, а со стороны правительства – Вильгельм Фрик, статс-секретарь Штукарт и представитель министерства внутренних дел по расовым вопросам Бернхард Лёзенер, наблю-

далось противостояние между сторонниками контагионизма и расовыми теоретиками, выступавшими с точки зрения наследственной биологии. К первой группе относились гауляйтер Юлиус Штрейхер и уполномоченный по народному здоровью, председатель Национал-социалистического союза врачей Герхард Вагнер. Они всерьез полагали, что каждый сексуальный контакт между арийцами и евреями приводит к продолжительному загрязнению арийской крови, а потому арийская «чистота крови» может быть защищена только путем радикального разделения рас. Более прагматичная концепция, представленная Гюттом, предполагала искоренить еврейскую кровь путем запрета смешанных браков между евреями и арийцами и тем самым обеспечить расовую гомогенность немецкого народа, которой добивались обе группы¹⁴.

Помимо «закона о защите крови» Вильгельм Фрик внес на рассмотрение проект «закона о гражданине рейха», который был завершён лишь во время партийного съезда. Закон предполагал создание особого гражданства рейха, которое могли получить исключительно расово благородные представители народа, но не евреи и не представители иных рас. Практически это выразалось только в лишении избирательного права, что абсолютно ничего не значило для еврейских немцев, которые и так не могли голосовать.

Дискуссия о гражданстве рейха была начата сравнительно давно. Государственный секретарь Ганс Пфундтнер предлагал создание такого института ещё в начале июля 1933 года¹⁵. После того как руководитель управления по расовым вопросам Ахим Герке представил проект «закона о разделении рас» и эта идея была подхвачена экспертным советом по национальной и расовой политике, под руководством Герхарда Вагнера 17 апреля 1935 г. был принят «проект расового законодательства», который опирался на нордическую расовую доктрину, предвосхищал некоторые пункты «закона о чистоте крови» и предполагал введение нескольких степеней гражданства¹⁶. Из практических соображений требование распространить действие этих предписаний на лиц смешанного происхождения было уже тогда отклонено Лёзенером¹⁷.

Идея введения гражданства рейха присутствовала еще в первых черновиках единого «закона о защите немецкого народа»¹⁸. Важно, что в этой первой версии уже присутствовала формулировка, согласно которой гражданами рейха могут стать подданные рейха «немецкой или родственной крови». В таком определении не снималась проблема понятия «немецкая кровь» и отсутствовала дефиниция «еврея». За этой путаницей скрывался конфликт между различными течениями в расистском лагере.

Споры между Герхардом Вагнером и представителями министерства внутренних дел велись в первую очередь по вопросу об определении круга лиц, которых коснется запрет смешанных браков и ограничение гражданских прав. Лёзенер особенно старался минимизировать число преследуемых и изъять из него граждан, имевших только половину или четверть еврейской крови. Сотрудники министерства внутренних дел пытались склонить Гитлера к тому, чтобы ограничить действие «закона о защите крови» стопроцентными евреями, что, впрочем, обернулось неудачей, и стремились по возможности не затрагивать ассимилированных евреев Германии. Это являлось косвенной поддержкой политического курса режима, направленного на расовую сегрегацию.

Однако на съезде партии в вопросе о лицах смешанного происхождения представители партии и министерства внутренних дел не смогли прийти к соглашению. Эта проблема была вынесена за скобки для дальнейшего решения. Три Нюрнбергских закона содержали лишь общие положения и предполагали определение понятия «еврей» в последующих постановлениях о порядке исполнения. При торжественном оглашении законов Германом Герингом эта деталь была практически незаметна. Геббельс попросил прервать радиотрансляцию перед зачитанием текста законов и дал указание партийной прессе отложить рассмотрение законов до выхода поправок. Он надеялся на то, что с помощью поправок можно будет добиться количественных изменений.

Принятие окончательного решения было отложено до съезда руководителей партии в Мюнхене, который был назначен на 24 сентября. Гитлер произнес на нем обстоятельную речь и остановился на позиции экспертов министерства внутренних дел, кото-

рые предлагали освободить от действия закона лиц с $\frac{1}{4}$ еврейской крови и с $\frac{1}{2}$ еврейской крови, которые не принадлежали к иудейской общине. Однако Гитлер не решился сразу обнародовать это решение. В результате противостояние между партией и чиновниками, продолжавшими предлагать многочисленные варианты закона, не прекратилось.

В центре внимания стоял вопрос о том, какую часть полуевреев (тех, у кого трое из родителей их родителей не были чистокровными евреями) следует отнести к евреям. Гютт предлагал допустить заключение браков между полуевреями и лицами немецкой крови только при наличии предварительного разрешения, что не соответствовало представлениям членов партии, которые выступали за создание расовых судов¹⁹. Сотрудники министерства, напротив, стремились избежать любой формы единичной проверки, с которой они оправданно связывали появление большого числа желающих шпионить и писать доносы. При повторном ознакомлении Гитлера с деталями проблемы 29 сентября единое решение снова не было принято.

Только после долгих переговоров 6 ноября 1935 г. Гитлером была занята окончательная позиция, во многом созвучная предложениям рейхсминистерства внутренних дел и содержащая уступку партии только в пункте о предписаниях, касавшихся браков полуевреев. При этом сыграло роль странное представление о том, что большинство браков, которые полуевреи смогут заключить только с евреями или полуевреями, будут бесплодны²⁰.

Медлительное поведение Гитлера было связано не с тем, что он не разделял учения контагионистов. Гораздо в большей степени он исходил из политической целесообразности министерских предложений. Проект первого постановления о порядке исполнения закона предполагал схематичное разделение между евреями и неевреями, при котором лица с $\frac{1}{2}$ еврейской крови автоматически попадали в арийскую группу, если они имели арийского супруга и не принадлежали к иудейской религиозной общине, так же как и лица с $\frac{1}{4}$ еврейской крови, если они не контактировали с иудейской общиной.

Чиновники указывали на то, что такое урегулирование снимет необходимость в расовых судах, предлагавшихся партией, и по-

зволит избежать спорных случаев, которые обязательно возникли бы, если, например, расовая принадлежность евреев зависела бы от характера их будущего брака или если при расторжении смешанного брака происходила бы смена расы одного из супругов. Оба постановления²¹ могли бы также способствовать тому, чтобы в экономике не возникло новых нестабильных ситуаций. Около 200 тысяч выведенных из действия закона полудевреев стали бы не противниками новой власти, а ее лояльными приверженцами. Кроме того, около 45 тысяч пригодных к военной службе мужчин создали бы дополнительный потенциал для вооруженных сил. И в конце концов потребовалось бы только небольшое число исключительных разрешений. Дополнительный аргумент в пользу министерского проекта, по мнению Лёзенера, состоял в том, что его ясность, простота и последовательность смогут сделать его моделью для других наций.

Гитлер согласился на эти предложения, прежде всего, из практических соображений. Очевидно, он осознавал, что внесение смешанных евреев в действие закона существенно увеличило бы группу неполноправных граждан и не осталось бы без последствий в общественном мнении большинства населения. Количественные данные по этому вопросу неоднозначны, так как имеющиеся статистические данные различаются, однако речь могла идти примерно о 400 тысячах лиц смешанного происхождения. Несомненно, их поголовное отнесение к числу ограниченных в правах существенно осложнило бы систематически преследуемую цель социальной сегрегации еврейских граждан.

Йозеф Геббельс первоначально связывал большие надежды с дополнительными переговорами в сентябре и ноябре. В своей речи на съезде партии 16 сентября 1935 г. он объявил собравшимся руководителям гау и округов, что в предстоящих конфликтах евреи смогут сыграть роль «очень хороших заложников» и что, кроме того, уже принятые расовые законы не смогут быть изменены прямо «в следующем месяце»²². А 15 ноября он писал в дневнике так: «Компромисс, но наилучший из возможных», – добавляя далее: «Чтобы, ради бога, наконец наступило спокойствие». Он отмечал также, что в прессе тему следовало подать «умело и незаметно»²³.

Для радикально антисемитского крыла партии исход конфликта стал безусловным поражением, которое его члены, однако, не готовы были признать. Так, Герхард Вагнер, сооснователь и руководитель Национал-социалистического союза врачей, на партийном съезде в 1936 г. заявил в привычном победном духе: «Тем же, кто считает, что Нюрнбергскими законами еврейский вопрос окончательно разрешен и тем самым ликвидирован, следует сказать: борьба продолжается»²⁴. Нюрнбергские законы действительно не привели к спаду напряженности по еврейскому вопросу. Постановления по экономическому урегулированию положения евреев в народном хозяйстве были заявлены, но так и не появились²⁵. Отложено было и уже обсуждавшееся ужесточение мер, направленных против чиновников, нотариусов и работников общественных служб²⁶. Кроме того, успешно пресекались незаконные акции НСДАП и связанных организаций, в том числе из-за предстоявших Олимпийских игр, которые принуждали власть к тактической осторожности. Представление Лёзенера о том, что с помощью однозначных юридических формулировок можно сразу добиться безупречного решения и тем самым закрыть «еврейский вопрос», оказалось опасным заблуждением. Давление, которое исходило от радикальных кругов партии, вскоре переместилось в экономическую сферу.

Сами законы были восприняты в Германии в основном негативно, хотя это ничего не изменило в возраставшем безразличии большинства населения по отношению к судьбе их еврейских сограждан. Такую позицию вызывала также созданная пропагандой надежда на то, что с выходом законов жестокие акции и нападения прекратятся²⁷.

Путем введения особого гражданства рейха, в марте 1938 г. автоматически распространенного на жителей Австрии, Фрик надеялся избежать проблем, которые возникли бы при прямом лишении еврейских немцев гражданства. Прежде всего можно было бы ожидать ответных мер, которые ухудшили бы положение немецких меньшинств на востоке Центральной Европы. Идея Фрика о том, чтобы проверить каждого немца в судебной комиссии – здесь впервые возникает термин, который станет привычным в

послевоенное время*, – на его политические убеждения и расовое происхождение, была чем-то из области фантастики, но отражала иллюзорное представление о возможности создания расово гомогенного народного единства.

После аншлюса Австрии «предварительное» гражданство выдавалось автоматически, но при условии соблюдения строгого регламента, который должен был вручаться вместе с «письмом гражданину». Однако сделать так не удалось. Гитлер действительно поручил выдавать разработанный Фриком законопроект вместе с письмом о гражданстве еще в конце 1937 г. Незадолго до этого серьезные разногласия возникли между министерством внутренних дел и кабинетом заместителя фюрера, где хотели привязать выдачу письма полукровкам к их обязательной единичной проверке²⁸. Спустя год принятие закона снова было отложено, на этот раз по желанию заместителя фюрера, который настаивал на разработке нового общегражданского права, чтобы добиться исполнения своих требований²⁹.

Таким образом, попытка Фрика добиться в перспективе создания этнически гомогенного национального единства с помощью гражданства рейха обернулась неудачей. В то же время оно давало юридическую основу для большого числа постановлений, которые еще сильнее ограничивали права евреев и косвенно приближали «окончательное решение». Лишение гражданства не производилось ввиду технически-правовых и тактических причин, поскольку следовало опасаться ответных мер зарубежных государств. Однако юрист Ганс Глобке, который не участвовал в разработке Нюрнбергских законов, но получил известность благодаря комментарию к ним, написанному совместно со статс-секретарем Вильгельмом Штукартом, позже пошел по пути внесения изменений в общегражданское право, предусмотрев, что лица, рожденные в смешанных браках, должны быть лишены немецкого подданства³⁰.

Ситуацию изменили события в аннексированных и позже оккупированных восточных областях. В Вартегау и Западной Пруссии

---

* Судебные комиссии по денацификации работали в западных зонах оккупации Германии в 1946–1949 гг.

сии было беспрепятственно осуществлено причисление всех полувреев к полным евреям, но прежде всего – деклассификация сочтенного непригодным к германизации польского населения до «подопечных рейха», поскольку нацистское руководство не было готово выдать полякам после аннексии немецкое гражданство. Принятое 31 марта 1941 г. постановление о «списке германского народа» («фолькслист»), инициатором которого выступил Гиммлер, создало в итоге статус польского подданного с ограниченными гражданскими правами³¹.

Для статс-секретаря министерства внутренних дел Вильгельма Штукарта ухудшение положения польского населения в Вартегау и Данциг – Западной Пруссии стало поводом выступить в декабре 1940 г. с предложением лишить гражданства всех немецких евреев, проживавших в Германии или за границей, и сделать их вместо этого «подопечными рейха». Предложение Штукарта объяснялось, в первую очередь, технически-правовыми соображениями. Он не хотел признавать за евреями более высокий статус, чем за польским населением, находившимся на территории рейха.

Однако это намерение встретило сопротивление рейхсканцелярии, от лица которой выступил министерский директор Критцингер, сказав, что термин «подопечные» не соответствует текущему положению, а евреи и так «в скором времени исчезнут с территории Германии»³². Более целесообразно, по его словам, было бы заявить о лишении гражданства эмигрировавших и высланных евреев. Гитлер считал неверным предоставлять евреям «опеку» в каком бы то ни было смысле и потому поддержал эту точку зрения. Идеи ответственных властных структур о том, чтобы в принципе лишить оставшихся в Германии евреев принадлежности к какому-либо государству, что могло бы затронуть привилегированные смешанные браки, также не получили поддержки.

Предложенный в марте 1941 г. проект одиннадцатой поправки к «закону о гражданине рейха» снова предусматривал лишение гражданства всех находившихся на территории рейха евреев, включая евреев в привилегированных смешанных браках, но после прохождения через рейхсканцелярию на него опять было наложено вето Гитлера, который, очевидно, не решался касаться

привилегированных браков и отвергал бюрократическое урегулирование конкретных случаев³³. Поэтому одиннадцатая поправка к «закону о гражданине рейха» от 25 ноября 1941 г. привязала лишение гражданства к переезду за границу, при этом генерал-губернаторство приравнялось к загранице³⁴. С точки зрения министерства внутренних дел, таким образом удалось избежать немедленной экспроприации имущества проживавших в Германии евреев и временно вынести за скобки проблему еврейских смешанных браков³⁵.

Тем самым все попытки преодолеть заложенный в Нюрнбергских законах барьер, который ограждал евреев-полукровок от репрессий, обернулись неудачей. Давление, оказываемое Рейнхардом Гейдрихом с тем, чтобы добиться изменений в Нюрнбергских постановлениях, опиралось на опыт Восточной Европы, где сохранившиеся в законе критерии практически не соблюдались. Он стремился к включению в действие закона всех полуевреев, требовал расторжения привилегированных смешанных браков и депортации супругов-евреев. В 1942 году эта инициатива была снова решительно отклонена Гитлером, который по-прежнему сопротивлялся изменениям в классификационных критериях Нюрнбергских законов, вероятно опасаясь протестов немецкого населения³⁶.

Тем не менее вопрос о лицах смешанного происхождения играл существенную роль в постепенно увеличивавшихся полномочиях Гейдриха в связи с «еврейским вопросом». Он пытался обеспечить СС правом осуществлять классификацию, что отразилось, например, во введении особых отличительных знаков в сентябре 1941 года³⁷. Так им и Эйхманом было проинтерпретировано указание Геринга от 31 июля 1941 года приступить к подготовке «окончательного решения еврейского вопроса».

На Ванзейской конференции 20 января 1942 года решение вопроса о лицах смешанного происхождения стояло в центре повестки. Гейдрих стремился к тому, чтобы создать основу для депортаций с помощью расширения понятия «еврей» и заручиться поддержкой министерств на случай соответствующих возражений Гитлера. Поэтому, после того как он изложил схему достижения «общего решения», он представил также детальный расчет,

базой для которого, по его словам, являлись Нюрнбергские законы. Но в решающих деталях проект расходился с ними, предусматривая принуждение лиц с $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ еврейской крови, если они не подлежали отправке в «возрастное гетто» в Терезиенштадте, к «добровольной» стерилизации.

Однако Гейдрих столкнулся с сопротивлением Вильгельма Штукарта, который, указав на «бесконечные» организационные затраты, вытекавшие из предложения Гейдриха, поставил под сомнение проведение принудительной стерилизации. Впрочем, не совсем ясно, было ли его заявление сделано всерьез или просто в качестве тактического маневра для того, чтобы отложить вопрос³⁸, поскольку в условиях войны осуществить это было невозможно. В результате проблема смешанного происхождения и смешанных браков начала обсуждаться на уровне референтов и 6 марта 1942 года стала темой нового заседания, которое в итоге окончилось ничем³⁹. Очередная инициатива по изданию постановления о принудительном расторжении смешанных браков, которое в некоторых случаях уже практиковалось СС⁴⁰, была отклонена Гитлером в октябре 1943 г., после чего рейхсминистр и руководитель рейхсканцелярии Ганс-Генрих Ламмерс отправил ее в архив⁴¹.

Поэтому в целом сотрудникам министерства внутренних дел удалось оградить от репрессивных мер евреев в смешанных браках, а также евреев-полукровок, не принадлежавших к иудейской религиозной общине и не поддерживавших других контактов с евреями и «лицами иудейского происхождения». Однако со всех сторон предпринимались попытки ограничить это правовое пространство. Частично они были успешными, и после начала депортаций гестапо во многих случаях не соблюдало действие положения закона. Так, Гиммлер в письме Готлобу Бергеру от 28 июля 1942 г. отмечал, что не заинтересован во внесении детальных юридических корректировок в Нюрнбергские законы, чтобы тем самым не связывать себя. Это не сдерживало задействованные в «еврейском вопросе» партийные структуры при дальнейшем обсуждении альтернативы между стерилизацией и депортацией⁴², но с началом депортаций система Нюрнбергских законов стала восприниматься как неактуальная⁴³.

15 сентября 1935 года, перед принятием Нюрнбергских законов рейхстагом, Гитлер заявил о том, что речь идет о попытке «автономным разовым решением добиться создания условий, при которых немецкий народ смог бы выработать приемлемое отношение к еврейскому народу»⁴⁴. За этими словами скрывалась угроза отнять полномочия по урегулированию «еврейского вопроса» у министерства внутренних дел. Так, комментируя «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», Гитлер предупреждал, что эта проблема «в случае повторного появления будет окончательно передана в компетенцию национал-социалистической партии». Появление первых двух законов, «Закона о гражданстве рейха» и «Закона о флаге рейха», по мнению Гитлера, отдавало должное нацистскому движению⁴⁵. Вероятно, имелось в виду, что законы могут быть истолкованы как исполнение «программы 25 пунктов», но при этом подразумевалось также и давление, которое исходило от партии в переговорах.

В немецком обществе дискриминирующие положения «закона о защите крови» были восприняты недостаточно серьезно. В целом возникло впечатление, что был достигнут определенный консенсус в отношении еврейских граждан. Даже со стороны затронутых лиц были слышны надежды на то, что таким образом были гарантированы пусть во многом и лишаящие достоинства, но в целом приемлемые условия для продолжения жизни евреев в Германии. Такая позиция могла являться следствием национал-социалистической пропаганды. Во всяком случае, в 1936–1937 гг. темпы еврейской эмиграции снизились.

Но надежда на реальную разрядку ситуации оказалась лишь мечтой. Благодаря заступничеству Ялмара Шахта новый удар по еврейской экономической жизни был временно отведен в сторону; практически прекратились и открытые нападения партии на еврейские магазины и учреждения. Однако поправки к законам не заставили себя долго ждать и начали шаг за шагом ухудшать материальное положение оставшихся в Германии евреев. Они являлись первым звеном в цепи ограничивающих и дискриминирующих предписаний, которые проникали во все сферы жизни и разрабатывались новообразованными «еврейскими отделами» в учреждениях рейха словно в режиме соревнования.

Появление Нюрнбергских законов отражает политический процесс в рамках нацистского режима. Разнонаправленные и только ограниченно совместимые друг с другом идеологические установки создали пространство деятельности, в котором тактические мотивы – такие как реакция на инцидент с флагом в Нью-Йорке, – интересы ответственных за расовые вопросы руководителей партии, представления задействованных органов и расовых теоретиков слились в компромисс формулировок, который, в отличие от первоначальных радикально антисемитских требований «горячих лбов» в руководстве партии, допускал административное осуществление.

Удивительным образом Гитлер крепко держался за достигнутый после долгих колебаний компромисс относительно поправки 14 ноября 1935 г., ограничивавшей круг лиц, подлежащих лишению гражданства, только – за некоторыми исключениями – теми немецкими подданными, которые имели как минимум трех еврейских предков во втором поколении. Он делал это не потому, что отступился от конечной цели – освободить Германию от евреев. Он выбрал этот менее непопулярный путь, поскольку хотел избежать трений и рассчитывал на то, что проблема будет решена прагматичным способом. Таким образом сравнительно небольшая группа евреев, живших в привилегированных смешанных браках, избежала уничтожения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates Wilhelm Frick. Eine politische Biographie. – Paderborn, 1992. – S. 203.

² *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. – München, 1998. – S. 102.

³ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente, hrsg. von Elke Fröhlich. Teil I. – Bd. 2. – München, 1987. – S. 512.

⁴ *G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – S. 151.

⁵ Ehegesundheitsgesetz vom 18.10.1935. Reichsgesetzblatt [RGBl.] I. – S. 1246; cp. *G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – S. 216.

⁶ *B. Lösener*. Als Rassereferent im Reichsministerium des Innern // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte [VfZ] 9 (1961). – S. 264–266; см. также критическую оценку воспоминаний Лёзенера: *C. Essner*. Die Nürnberger Ge-

setze oder Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945. – Paderborn, 2002. – S. 367–368.

⁷Ср. *L. Gruchmann*. «Blutschutzgesetz» und Justiz. Zur Entstehung und Auswirkung des «Nürnberger Gesetzes» vom 15. September 1935 // *VfZ* 31 (1983). – S. 419.

⁸Там же. – S. 422.

⁹Там же. – S. 429–430; *W.T. Angress*. Die Judenfrage im Spiegel amtlicher Berichte 1935 // *U. Büttner (Hrsg.)*. Das Unrechtsregime. Internationale Forschung über den Nationalsozialismus. – Bd. 2. – Hamburg, 1986.

¹⁰*J. Noakes*. Wohin gehören die Judenmischlinge? Die Entstehung der ersten Durchführungsverordnungen zu den «Nürnberger Gesetzen» // *U. Büttner (Hrsg.)*. Das Unrechtsregime. – S. 71.

¹¹*G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – S. 202–203.

¹²Там же. – S. 70–71.

¹³Ср. *L. Gruchmann*. «Blutschutzgesetz» und Justiz. – S. 429–431.

¹⁴Ср. *C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 15–17, 152–154; *G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – S. 200.

¹⁵Там же. – S. 199.

¹⁶*C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 89–90.

¹⁷*G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – S. 200.

¹⁸Там же. – S. 206.

¹⁹*C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 184.

²⁰*J. Noakes*. Wohin gehören die Judenmischlinge? – S. 86.

²¹Erste Verordnung zum Reichsbürgergesetz vom 14.11.1935. RGBl. I. – S. 1333; Erste Verordnung zur Ausführung des Blutschutzgesetzes vom 14.11.1935. RGBl. I. – S. 1334.

²²Goebbels Reden 1932–1945, hrsg. von Helmut Heiber. – Düsseldorf, 1972. – S. 249.

²³Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. – Bd. 2. – S. 540. 1 октября он замечает об упомянутом обсуждении вопроса с фюрером: «Еврейский вопрос по-прежнему остается нерешенным. Мы уже долго ведем обсуждение, но фюрер еще не готов вынести заключение» (Там же. – S. 520).

²⁴Цит. по: *C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 672.

²⁵Издательство, выпустившее комментарии юриста Ганса Глобке, заявило о соответствующем дополнении, которое, однако, в итоге не появилось.

²⁶*P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 115.

²⁷Там же. – S. 106–108; *D. Bankier*. Die öffentliche Meinung im NS-Staat. Die «Endlösung» und die Deutschen. Eine Berichtigung. – Berlin, 1995. – S. 111; ср. *I. Kershaw*. The Persecution of the Jews. – P. 185.

²⁸*U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 165.

²⁹Там же. – S. 187.

³⁰Там же. – S. 186.

³¹Ср. там же. – S. 293.

³²Там же. – S. 294; *H. Mommsen*. Aufgabenkreis und Verantwortlichkeit des StS der Reichskanzlei Dr. Wilhelm Kritzingler // Gutachten des Instituts für Zeitgeschichte. – Bd. II. – Stuttgart, 1966. – S. 381–383.

³³ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 299–300.

³⁴ Там же. – S. 300–301.

³⁵ Там же. – S. 330; *C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 530–531.

³⁶ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 184–185, 196.

³⁷ *C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 421–422.

³⁸ *P. Longerich (Hrsg.)*. Die Ermordung der europäischen Juden. – München / Zürich, 1989. – S. 91; *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 323.

³⁹ *G. Aly*. «Endlösung». – S. 270.

⁴⁰ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 329.

⁴¹ Там же.

⁴² См. подробный анализ: *C. Essner*. Die Nürnberger Gesetze. – S. 518–520.

⁴³ Там же. – S. 421.

⁴⁴ *M. Domarus (Hrsg.)*. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. – Bd. I, 2. Halbbd. – München, 1965. – S. 537.

⁴⁵ Там же.

Глава 4

Отстранение евреев от экономики

Первые меры по экономическому обособлению евреев были приняты непосредственно после захвата власти национал-социалистами в 1933 году, однако тогда они еще не являлись частью скоординированной и преднамеренной стратегии нового режима. Нападки на еврейских предпринимателей изначально осуществлялись радикально антисемитской фракцией в нацистском движении, в том числе Боевым союзом промышленного среднего класса и Национал-социалистической ремесленно-торгово-промышленной организацией, то есть традиционно антисемитскими группами среднего и низшего классов. К ним присоединились профсоюзы, такие как Национал-социалистический союз юристов и Национал-социалистический немецкий союз врачей, которые выступили против якобы незаконной «еврейской конкуренции». Эти группы интересов заручились прочной поддержкой в локальной и региональной партийных организациях, но обрели также и благосклонное отношение высокопоставленных лиц, например Йозефа Геббельса и Вильгельма Фрика.

Начавшиеся еще перед мартовскими выборами 1933 года нападения на еврейские магазины, а также на еврейских судей и прокуроров¹ вызвали оживленные протесты и призывы к бойкотам в англо-саксонской общественности. Очевидно, находясь под влиянием Йозефа Геббельса, Адольф Гитлер, для которого соображения репутации имели ключевое значение, принял решение организовать ответный бойкот. Воплощение этого решения в жизнь было отдано в умелые руки Йозефа Геббельса и Юлиуса Штрейхера².

Психологическое воздействие опубликованного Геббельсом призыва к бойкоту сложно недооценить. С одной стороны, он вызвал усиленные протесты в зарубежной общественности. С другой стороны, в самой Германии евреи ожидали серьезных затруднений в результате продолжительного бойкота еврейских предприятий, тем более что к нему вскоре добавился призыв к увольнениям евреев, занятых в сфере юстиции и здравоохранения. За этой инициативой стоял Боевой союз промышленного среднего класса под предводительством Адриана фон Рентельна, который, вопреки указаниям центрального комитета под руководством Штрейхера начать бойкот утром 1 апреля, приступил к нему уже 28 марта³.

Между тем консервативное крыло правительства рейха, прежде всего Ялмар Шахт и министр иностранных дел барон фон Нойрат, заняли решительную позицию против проведения бойкота, с которым связывались тяжелые экономические последствия. Шахт не оставил сомнений в своем неприятии бойкота и указал на опасность прекращения зарубежных поставок сырья, являвшихся жизненно важными для немецкой экономики. Нойрат заявил об отставке, когда Гитлер стал проявлять упрямство, и согласился оставить за собой должность только после настойчивых просьб. Включившимся в дискуссию Герингу и Муссолини также не удалось переубедить диктатора, который, впрочем, в итоге согласился сделать уступку и при необходимости ограничить бойкот одним днем. В то же время Геббельс распорядился о предотвращении жестоких акций, к которым уже были готовы штурмовые отряды и которые вызывали всесторонние опасения⁴.

Геринг и Нойрат попытались выполнить условие Гитлера для отмены акции бойкота – безусловный отказ правительств в Лондоне и Вашингтоне от «грязной пропаганды», – и Геринг даже не побоялся привлечь к достижению этой цели, помимо еврейских организаций, остатки Социал-демократической партии и протестантскую церковь. Хотя задача была почти полностью выполнена, Гитлер упорно оставался при своей позиции, что, очевидно, было вызвано риском потери репутации в радикальных фракциях нацистского движения. В результате был достигнут компромисс – прекратить действие бойкота через 24 часа, но с оговоркой, что

при сохранении «международной травли» он будет продолжен на следующей неделе⁵.

Сам бойкот не оправдал расчеты на консолидацию антисемитских настроений населения в спонтанной акции протеста. Как и позже, в ноябре 1938 года, население в основном сохраняло дистанцию. После бойкота многие, напротив, стали совершать покупки в знак поддержки. Непопулярность бойкота была очевидна, и Штрейхеру пришлось публично заявить о том, что продолжать его не планируется. Важнейшим последствием, однако, стал последовавший переход к методу законодательного ограничения еврейского влияния⁶, хотя режим и не сделал однозначного выбора между конкурировавшими стратегиями действий.

Изданный 7 апреля 1933 года закон о восстановлении профессионального чиновничества был привязан к идее о диссимилиации евреев. Но после вмешательства рейхспрезидента фон Гинденбурга действие предписаний перестало распространяться на еврейских бойцов фронта. НСДАП при этом, по всей видимости, стала жертвой собственной пропаганды, ошибочно полагая, что к этой категории относится только незначительное меньшинство немецких евреев⁷.

Вследствие исключения, сделанного для фронтовиков, закон о профессиональном чиновничестве затронул только половину от чуть более 5000 еврейских чиновников. В то же время осуществленное вскоре включение в чиновничество других профессиональных групп, прежде всего адвокатов, нотариусов и врачей, оказалось гораздо ощутимее, поскольку в этом случае речь шла о более обширной группе, охватывавшей 12–13 тысяч человек, или пять процентов работоспособных евреев Германии⁸. Хотя всеобщий запрет на трудовую деятельность еврейских врачей еще не был принят, они были лишены лицензии больничных касс, исключены из общественного сектора или притеснены в ходе организованного партией негласного бойкота, так что уже в 1933 г. половине еврейских врачей пришлось оставить профессию⁹. Кроме того, в 1933 г. потеряли свои рабочие места почти все еврейские профессоры. Закон о создании палаты культуры рейха от 22 сентября 1933 г. косвенно лишал евреев возможности заниматься творческой деятельностью, а закон о главных редакторах от

4 октября 1933 г. запрещал деятельность газетных редакторов еврейского происхождения¹⁰.

Излишне доверчивым гражданам нацистская пропаганда смогла успешно внушить, что эти меры были направлены на ликвидацию мнимой или реальной сверхпропорциональной представленности евреев в определенных профессиях. Они в действительности существенно ограничивали жизненные возможности евреев, закрывая доступ почти ко всем свободным профессиям за пределами хозяйственного сектора и оставляя альтернативу только в виде эмиграции или безработицы. Это касалось также и тех еврейских работников, которые потеряли должности в результате давления партии или антисемитских групп интересов, но смогли найти занятие в еврейском экономическом секторе. После отмены исключения для бойцов фронта в 1935 году эта тенденция усилилась.

Хотя апрельский бойкот не ослабил давление, оказываемое на еврейских предпринимателей, и не прекратил призывы к экспроприации их магазинов, в целом после него произошла определенная стабилизация обстановки. Уступая просьбам рейхсминистра экономики Шмитта, Гитлер был вынужден согласиться на выдачу кредитов концерну Германа Титца и на внесение поправок в законы о дополнительном налоге для универмагов, которые продвигал Боевой союз промышленного среднего класса (позже преобразованный в Национал-социалистическую ремесленно-торгово-промышленную организацию и в итоге включенный в Германский трудовой фронт¹¹).

В «еврейском вопросе» наметился некоторый спад напряженности, после того как правительство рейха решительно выступило против отдельных акций и объявило о прекращении нападений на еврейские промышленные предприятия. Даже Гитлер в своей речи 6 июля 1933 г. заявил о том, что «снова поставить на повестку еврейский вопрос» значило бы «вызвать возмущение всего мира»¹². Министерство экономики в постановлении, адресованном Немецкой торгово-промышленной палате 8 сентября, указало на то, что в экономической сфере не планируется принятие законов против евреев; схожим образом высказался и активный подстрекатель Геббельс¹³. Ялмар Шахт, заняв пост рейхсминистра

экономики, также повторно выступил против антиеврейских мер в экономическом секторе¹⁴. Поэтому могло создаться впечатление, что евреи, занятые в экономике, были до 1937 года в «пространстве под государственной защитой», о чем на самом деле не могло быть и речи¹⁵.

Действительно, в правовом урегулировании образовалась теневая зона, в которой, с одной стороны, организация бойкотов и прочих дискриминирующих мер была запрещена государством, но с другой – на местах она являлась всеобщей практикой, всё сильнее ограничивавшей свободу действий предпринимателей и промышленников еврейского происхождения и создававшей угрозу их деятельности с финансовой точки зрения. При официальном терпимом отношении к еврейским компаниям существовало неофициальное протестное движение против еврейских промышленников и предпринимателей, которое вело антиеврейскую рекламу, блокировало вход в еврейские магазины или угрожало сбоем поставок. Многие предприниматели-евреи были вынуждены отказаться от своей деятельности, в результате чего, преимущественно под давлением экономических интересов арийских конкурентов, происходило постепенное вытеснение еврейских компаний¹⁶.

Детальное описание методов дискриминации, вытеснения, взимания налогов, административных ограничений и личных угроз увело бы нас далеко в сторону. Все они возникли в антисемитской атмосфере, которая преобладала в среде конкурентов из среднего класса, но охватывала также местное управление, так что затронутые предприниматели-евреи не могли рассчитывать на получение поддержки ни в судах, ни в органах власти¹⁷. Бесполезными были также и регулярные жалобы, которые «Представительство немецких евреев» отправляло в правительство рейха¹⁸.

Только для внешнего наблюдателя в 1934 году имела место определенная стабилизация. Открытые нападения на еврейские магазины не прекращались. Напротив, случаи, произошедшие летом и осенью 1935 года и инициированные геббельсовской пропагандой, вызвали самое оживленное возмущение и протесты в западном зарубежье. Они вынудили рейхсминистра экономики

Ялмара Шахта на созванном им 20 августа 1935 г. заседании министров выступить против насильственной ариизации, для которой, по его мнению, не имелось правовых оснований и которую следовало приравнивать к лишению собственности. В то же время Шахту не удалось преодолеть позицию присутствовавшего гауляйтера Адольфа Вагнера, который представлял заместителя фюрера, и в результате ему пришлось согласиться с тем, что новым еврейским магазинам больше не будет выдаваться лицензия, а все социальные заказы будут поручаться евреям только в исключительных случаях¹⁹.

Шахт предполагал процесс добровольной ариизации, для осуществления которого отводилось бы от пяти до десяти лет. В этот период еврейские предприниматели были бы обязаны продать свою недвижимость²⁰. Таким образом, министр также преследовал цель отстранения евреев от народного хозяйства, но надеялся достичь ее на основе законодательных мер и в поэтапном порядке. Он публично раскритиковал «хаотичные одиночные акции». Однако действие «защитающей руки Шахта»²¹ ощущалось только в определенных сферах. Так, он защищал еврейских директоров Рейхсбанка и гарантировал существование трех ведущих еврейских банков до 1938 года²². Но в то же время он оказывал лишь неохотное сопротивление антисемитской повестке лидеров расовой политики.

В своих официальных выступлениях министр ограничивался тем, чтобы продемонстрировать негативное влияние антиеврейских акций на внешнюю политику и экспорт. Он осуждал «беспорядочные одиночные акции», но не препятствовал пошаговому вытеснению евреев в рамках закона²³. Его амбивалентная позиция способствовала фактически происходившему процессу экономической дискриминации. После своего увольнения с поста министра экономики Шахт на традиционном рождественском празднике Рейхсбанка в 1938 г. назвал ноябрьские события бесстыдной и возмутительной акцией, которая должна «заставить покраснеть каждого порядочного немца»²⁴. Однако сам он сделал немного для того, чтобы остановить процесс радикализации, который после периода спокойствия во время Олимпийских игр 1936 года снова стал набирать скорость. В то же время его вы-

нужденная отставка с поста рейхсминистра экономики сняла последний барьер перед фронтальной атакой на еврейское экономическое состояние. Она случилась не из-за противоречий по «еврейскому вопросу», а в результате решения о дальнейшем форсировании курса на вооружение, несмотря на то что он исключал возвращение к нормальному партнерству во внешней торговле. Политика четырехлетних планов неизбежным образом значительно ухудшила положение оставшегося в Германии еврейского населения²⁵.

Процесс вытеснения еврейских предприятий набрал обороты еще во время пребывания Шахта в должности рейхсминистра экономики. Существенную роль при этом играло давление со стороны радикальных фракций партии, систематическое исключение еврейских фирм из социальных заказов, а также большое количество бюрократических ограничений и дискриминирующих мер, направленных против еврейских компаний.

Перед Олимпиадой 1936 г. кампания по ариизации была частично приостановлена. На фоне преодоления финансового кризиса и безработицы, а также внешнеполитических успехов рейха сомнения политического и экономического характера относительно форсированной ариизации отступили на второй план. В начале 1937 г., еще до того, как вступил в силу пакет антиеврейских законов, нацеленных на подготовку к принудительной ариизации в ноябре 1938 г., еврейское население было уже в значительной мере отстранено от экономики.

Первыми давление кампании по ариизации ощутили на себе небольшие еврейские компании и промышленные предприятия. К июлю 1938 г. от 60 до 70 процентов еврейских предприятий, существовавших в начале 1933 г., перешло в собственность других лиц. От 50 тысяч магазинов розничной торговли и торговых точек еврейских ремесленных предприятий осталось только 9 тысяч. К количественному сокращению следует добавить резкий спад объема производства на уцелевших еврейских предприятиях. Таким образом, за несколько месяцев до «Хрустальной ночи» еврейский экономический сектор был уже радикально урезан, а экономические основы существования евреев были всерьез поставлены под вопрос²⁶.

На уровне крупных компаний процесс ариизации проходил гораздо медленнее, чем в средних и малых предприятиях, которые составляли непосредственный объект арийской конкуренции и были сильнее подвержены нападкам и угрозам местных отделений партии и органов власти. В крупных еврейских предприятиях ариизация, как правило, происходила при формальном соблюдении юридических принципов, на что оказали влияние ведущие банки, особенно Deutsche Bank и Dresdner Bank. Это было связано с тем, что только через банки можно было перевести необходимые средства для переоформления собственности, несмотря на резко сниженную стоимость ее продажи²⁷.

Официально ариизация проходила на добровольной основе, однако, ввиду многочисленных экономических и налоговых ограничений, наложенных на еврейские предприятия, это в той или иной мере не соответствовало истине. Недвижимость продавалась по ценам гораздо ниже реальной стоимости. В некоторых случаях совершались попытки осуществить передачу еврейских предприятий на хотя бы в некоторой степени приемлемых условиях, но всё чаще дело доходило до нарушения норм и использования коррупционных методов²⁸. При этом среди руководителей были представлены различные позиции. Пожилое поколение предпринимателей относилось к нацистской расовой политике скорее сдержанно, хотя почти без сопротивления уступало приходившим из самих трудовых коллективов требованиям об увольнении работников и членов советов директоров еврейского происхождения. В то же время более молодое поколение дельцов не испытывало угрызений совести, используя чрезвычайное положение еврейских партнеров в корыстных целях²⁹.

Мотивы для участия в ариизации были весьма разнообразны; ключевыми, как правило, являлись деловые интересы. Некоторые фирмы действовали в согласии со своими еврейскими партнерами и по возможности добивались честных условий³⁰. Данную ситуацию Авраам Баркай охарактеризовал как «молчаливое соучастие» в преступлениях режима³¹. Антисемитские мотивы часто не имели главного значения. Зарубежные фирмы иногда выступали в роли конкурентов в кампании по ариизации³².

Решающий импульс в вопросе ариизации исходил от региональных и локальных организаций НСДАП. При этом сыграл роль тот факт, что партия как массовое движение практически не зависела от решений правительства. Примечательно, что представители корпуса политических руководителей, которых Рудольф Гесс как заместитель фюрера регулярно собирал у себя после окончания партийных съездов, жаловались на то, что новое государство, как и прежде, находилось в руках далекой от жизни, реакционной бюрократии и являлось абсолютистской системой³³. Вытесненный из других политических сфер, накопленный в нацистском движении протестный потенциал мог быть в активной форме использован в «еврейском вопросе». Для фанатичных национал-социалистов антисемитское поле деятельности стало своего рода «заменой революции»³⁴.

Из-за этого сравнительно рано стали возникать ситуации, когда на еврейских владельцев оказывалось массивное давление со стороны НСДАП, чтобы добиться ариизации их предприятий. Особого внимания заслуживает смена владельца на оружейных фабриках Зимсона в Зуле. Когда, даже будучи арестованным, владелец-еврей отказался осуществить продажу по предложенной цене, руководство гау, получив однозначное разрешение Гитлера, в октябре 1935 г. провело экспроприацию. Получив новое название «Заводы Вильгельма Густлоффа», предприятие оказалось в весьма ограниченном числе компаний, отошедших к государству из еврейской собственности³⁵. Лишение евреев собственности повсеместно сопровождалось вопиющей коррупцией и обогащением участников. Местные ячейки партии и экономические советники использовали любую возможность, чтобы подsunуть еврейские предприятия давним членам партии и таким образом увеличить партийный капитал³⁶. После 1938 г. это стало всеобщим явлением.

Помимо НСДАП и входивших в нее объединений, в кампанию по отстранению евреев включились государственные чиновники, которые начали создавать специальные «еврейские отделы» и придали ей отсутствовавший до этого системный характер. В то же время Геббельс усилил антиеврейскую пропаганду и способствовал тем самым созданию атмосферы, напоминавшей предпо-

громную. Негласное противостояние публичного управления и НСДАП очевидным образом лишь ускоряло процесс. В открытой форме это проявилось на заседании министров в августе 1935 г., когда Вильгельм Фрик заявил о закреплении за собой «лидерства в еврейском вопросе»³⁷.

Так Фрик стал одной из ключевых фигур в кампании по экономическому вытеснению евреев. В письме от 14 июня 1938 г. он требовал придания еврейской собственности статуса, лишившего ее экономического потенциала³⁸. В действительности только министерством внутренних дел и задействованными отделами велась систематическая подготовка законодательно оформленной конфискации имущества оставшихся в Германии евреев. Через четыре дня после того, как 22 апреля 1938 г. была издана поправка, которая запрещала содействие маскировке еврейских промышленных предприятий и должна была положить конец сокрытию имущественных отношений, появилась новая поправка об обязательной регистрации еврейской собственности³⁹. Она была нацелена на безостаточное изъятие имущества, находившегося в еврейских руках, и в ноябре 1938 г. объединена с начислением «компенсационного сбора».

Геринг и Функ не хотели, чтобы еврейские фирмы тихо и беззвучно перешли в руки партии или близких к ней заинтересованных лиц по стоимости значительно ниже реальной, и стремились к тому, чтобы перенаправить прибыль от ариизации в казну рейха. В то же время партия с помощью экономических советников гау преследовала цель объединить ариизацию с поддержкой среднего класса, что практически выражалось в наделении заслуженных членов партии имуществом, для которого они сами не могли собрать необходимый капитал. Так, Мартин Борман в циркуляре, разосланном гауляйтерам 2 августа 1938 года, указывал, что «передача еврейских компаний в немецкие руки партии дает возможность осуществлять правильную политику в отношении среднего класса и оказывать помощь при обретении самостоятельного статуса согражданам, имеющим необходимую политическую и профессиональную подготовку». Одновременно он выступал против отдельных атак на еврейские предприятия⁴⁰.

Возникновение при ариизации системы незаконного обогащения партийных функционеров косвенно подтверждается циркуляром Бормана от 2 августа 1938 г., согласно которому приватизация еврейских предприятий партийными референтами требует его личного разрешения, а также из заявления казначея НСДАП, согласно которому партия и связанные объединения не могут принимать административные сборы, пожертвования, подарки и иные дотации⁴¹. Однако полученное в ходе ариизации руководителями и экономическими советниками гау, а также торговыми и индустриальными палатами право проведения допросов открывало перед партией новые возможности.

Классическим примером были методы, которые были использованы гауляйтером Гамбурга Эрихом Кауфманом для того, чтобы получить контроль над частью перешедшей в немецкое владение собственности. Ответственный экономический советник контролировал каждую сделку, пытался снизить цены продажи и обязывал покупателей выплачивать ариизационный сбор⁴². Практикуемая в Гамбурге схема была столь же бесцеремонна, сколь и эффективна. Еврейских владельцев недвижимости обязывали явиться в комитет партии, где под массивным физическим давлением представителей НСДАП их вынуждали к продаже имущества по невероятно низкой цене. Партия определяла доверенных лиц, которые должны были управлять компанией, пока сделка не была завершена. Доверенные лица либо сами занимали должность в партийном аппарате, либо имели личные связи с руководством гау.

Чтобы замаскировать очевидную коррупцию в руководстве гау, в 1937 г. был основан так называемый Гамбургский фонд, который в значительной степени контролировался гауляйтером Кауфманом и, кроме того, как общественное учреждение был освобожден от уплаты налогов. Под видом поддержки патриотических институтов, а также нуждавшихся партийных товарищей и других граждан фонд обеспечивал дополнительное финансовое снабжение гамбургского партийного аппарата и его клиентуры.

Таким образом, первоначальная идея Геринга – лишить партию доступа к выручке по итогам ариизации – провалилась по всем фронтам. Напротив, на местном уровне возникло слаженное

сотрудничество между торговыми и индустриальными палатами, городским управлением и руководством гау. Пример Гамбурга наглядно показывал, что во второй половине тридцатых годов тяга к захвату еврейской собственности распространялась с огромной скоростью и в равной степени охватывала городские власти. Даже СС и гестапо, используя подставных лиц, участвовали в соревновании «охотников» за еврейским имуществом⁴³.

Характеризуя ситуацию в Гамбурге, можно сделать вывод, что 40 процентов тех, кто приобрел еврейскую собственность, получили прибыль, не испытывая никаких угрызений совести, еще 40 процентов были «бенефициарами-молчунами», в то время как только 20 процентов покупателей были добропорядочными деловыми партнерами, которые провели сделки с еврейскими коллегами на честных условиях и при сохранении нормальной формы торговых отношений. Уровень коррупции, сопровождавшей вынужденные сделки, был неописуемо велик, так же как и использование методов давления и физических угроз. Схожее положение дел складывалось повсюду, например в Эссене, Тюрингии или Саарпфальце, где партия запрашивала у покупателей тот или иной процент от выручки, полученной в рамках ариизации, что в результате опускало мизерные цены продажи еще ниже.

В высшей степени эта тенденция проявилась в гау Франкония, где уже летом начала использоваться «австрийская» модель бесконтрольной ариизации марта 1938 г. Вскоре, однако, правительство рейха сочло нужным вмешаться и остановить процесс. После ноябрьских погромов гауляйтер Юлиус Штрейхер реанимировал инициативу и распорядился, чтобы ариизацию проводили не местные органы власти, а партия. Еврейских торговцев и предпринимателей обязывали прийти в отдел Германского рабочего фронта, где под физическим и психическим давлением их вынуждали подписать заявление об отказе от прав собственности в пользу партии или избранных ею доверенных лиц⁴⁴.

Вследствие использованных руководством гау Франкония методов еврейская собственность продавалась по стоимости значительно ниже рыночной; во многих случаях цена продажи не составляла от нее и десяти процентов. С юридической точки зрения операции, проводимые партией, были крайне сомнительными, но

главное кадастровое управление отказывало в регистрации только в исключительных случаях, хотя гау Франкония не имело особого правового статуса. Беспрецедентная слабость рейхсминистерства финансов проявилась в том, что оно, вместо того чтобы вмешаться в процесс, приняло оправдание операций главным прокурором Нюрнберга. Он утверждал, что гау Франкония в особенной степени проявило себя в «еврейском вопросе» и поэтому вправе располагать исключительными полномочиями. В качестве дополнительного довода он привел странное замечание о том, что следует также учитывать заслуги гау при проведении партийных съездов в Нюрнберге.

На встрече ведущих руководителей в рейхсминистерстве авиации 12 ноября 1938 г. Геринг завел речь о нелегальных сделках, в которые были вовлечены члены партии, и учредил комиссию для выяснения обстоятельств дела. Она сразу же прекратила грабежи в Нюрнберге и Фюрте и весной 1939 г. выпустила отчет, согласно которому в Франконии сложилась неясная правовая ситуация, вызванная полностью противоречившими закону мерами партии по ариизации. В итоге верховный суд партии постановил, что Юлиус Штрейхер непригоден к выполнению обязанностей руководителя. Гауляйтер был снят со всех партийных постов, однако сохранил за собой выпуск «Штюмера».

Ситуация во Франконии отражала всеобщее ужесточение поведения партийных ячеек в «еврейском вопросе», происходившее одновременно с массовой коррупцией. «Хрустальная ночь» значительно ускорила эту тенденцию и дала повод участникам ариизации продолжить бесцеремонный вывод предприятий из-под еврейского контроля с новой силой, в то время как рейх конфисковал еврейское имущество с помощью «паутины из налогов и принудительных сборов» и почти полностью лишил евреев средств в ходе их эмиграции⁴⁵.

Ключевые решения были приняты на обсуждении в рейхсминистерстве авиации 12 ноября 1938 года. Их целью была полная экспроприация собственности немецких евреев. Вел заседание Герман Геринг, который, сославшись на соответствующую договоренность с Гитлером, взял на себя полномочия по урегулированию вопроса. Совместными усилиями был разработан ряд указов

и поправок, предусматривавших окончательное отстранение евреев от экономической жизни. Евреям запрещалось владение розничными магазинами и мастерскими, они также не могли больше занимать руководящих должностей. При увольнении руководители теряли все сопутствующие права. Счета с еврейскими ценными бумагами были заблокированы, и даже драгоценные украшения перешли под государственный контроль.

Потребовалось бы слишком много времени, чтобы описать все параллельно или впоследствии принятые законодательные постановления, запрещавшие участие евреев в общественно-культурных мероприятиях, лишавшие ученых-евреев доступа к публичным библиотекам и исследовательским институтам и накладывавшие определенные ограничения на перемещение еврейских граждан⁴⁶. Сохранившиеся еврейские предприятия были взяты под контроль арийских доверенных лиц. Эти и многие другие меры, ограничивавшие пространство профессиональной и социально-культурной деятельности евреев, в соответствии с ожиданиями чиновников привели к массовой безработице, которая дала удачный повод принудить евреев к выполнению общественных работ⁴⁷.

Цинизм Германа Геринга проявился в наглom и возмутительном решении обязать еврейских владельцев магазинов и домов немедленно ликвидировать последствия погромной ночи с 9 на 10 ноября 1938 года и в то же время конфисковать причитающиеся им страховые выплаты. Кроме того, Геринг заявил, что на евреев накладывается компенсационный сбор в размере миллиарда рейхсмарок. Впоследствии он был переведен в форму 20-процентной, а затем 25-процентной прибавки к подоходному налогу, причем по расчетам от апреля 1938 года. Таким образом, совершая непосредственную атаку на еврейское имущество, Геринг пытался компенсировать серьезное сокращение поступлений валюты, имевшее место после разгрома универмагов и розничных магазинов. При этом он получил поддержку страховой индустрии, представители которой не стеснялись присоединиться к антисемитской позиции властей⁴⁸.

В назначенном на 6 декабря «обсуждении еврейского вопроса с гауляйтерами, обер-президентами и полномочными представи-

телями», то есть, по сути, внутривнутрипартийном заседании, Герман Геринг защищал точку зрения, согласно которой партия не должна вмешиваться в экономическое урегулирование «еврейского вопроса», так как оно входит в исключительную компетенцию государственных структур. В качестве аргумента он привел соответствующие распоряжения Мартина Бормана и казначейства рейха, которые закрепляли экономическую сторону вопроса «исключительно» за органами государственной власти⁴⁹. Вдобавок он требовал перепроверки мер по ариизации, которые были предприняты партийными органами и способствовали личному обогащению⁵⁰. В то же время он отметил, что ариизация жилой недвижимости должна быть произведена в последнюю очередь, а потому ее осуществление следует отложить⁵¹.

Геринг планировал перенаправить выручку от ариизации, которая доставалась преимущественно партии, на оборонные расходы, но его намерение удалось осуществить лишь частично. Обновленный вариант процедурных правил при ариизации и ликвидации еврейских предприятий по-прежнему предусматривал участие партии в выборе новых владельцев⁵². 2 февраля 1939 г. вышла поправка, которая предполагала изъятие дополнительной прибыли, полученной в ходе ариизации, и вводила обязательные отчисления в бюджет в размере 70 процентов от разницы между рыночной стоимостью и реальной ценой продажи⁵³. Однако уже 10 июня 1940 г. потребовалось издание дополнительного постановления о «повторной проверке мероприятий по ариизации»⁵⁴.

Неприкрытый террор, охвативший после 9 ноября 1938 года еврейские магазины, универмаги и частные владения, дал основание для полного отстранения евреев от экономической жизни, их исключения из социального сектора и конфискации их имущества. События «Хрустальной ночи» стали кульминацией процесса, направленного на систематическое уничтожение материального благосостояния евреев и окончившегося резким обеднением оставшегося в Германии еврейского населения, которое было лишено средств и возможностей, для того чтобы вовремя покинуть страну, и теперь было вынуждено надеяться на помощь еврейских отделов социального обеспечения. «Хрустальная ночь»

послужила последним толчком для этого процесса, который с весны 1938 года проходил в ускоренном темпе, но экономическое вытеснение ужесточилось бы и без акции Геббельса, даже если с некоторой отсрочкой⁵⁵. Серьезные экономические потери в результате погромов вызвали непосредственную реакцию государственного аппарата, а всеобщая радикализация, которую они спровоцировали, сняла для властей все барьеры, преграждавшие их путь к открытому нарушению прав собственности еврейского населения.

Экспроприация еврейского имущества принесла материальную выгоду, в первую очередь, четырехлетнему плану. Последствия «Хрустальной ночи» не могли обеспечить финансовую поддержку партии – напротив, набор антисемитских постановлений Геббельса принес практически нулевой эффект. Более того, было очевидно, что динамика конфискации еврейской собственности не требует радикальных акций.

Для оставшихся в рейхе евреев изъятие сохранившегося у них имущества финансовыми органами привело к острой материальной нужде, смягчить которую имевшимися средствами еврейских общин было невозможно. Многие евреи избегали взглядов своих враждебно настроенных соседей, пользуясь анонимностью больших городов. Большинство немцев не замечало их жалкого существования до тех пор, пока введенные Геббельсом в сентябре 1941 г. отличительные знаки не дали им понять, что евреи продолжают жить рядом с ними. Личные отношения сохранились только в очень редких случаях. Атмосфера дискриминации полностью уничтожила человечность.

С другой стороны, от ариизации и фактического лишения имущества еврейских сограждан выиграли не только нееврейские предприниматели и партийные функционеры. В крупных городах освободившаяся недвижимостью евреев пользовалась высоким спросом. Имелось также намерение Альберта Шпеера продолжить архитектурное обновление Берлина за счет еврейских арендаторов, которые должны были освободить жилье и переселиться в квартиры, предназначенные под снос⁵⁶.

Во время войны началась публичная распродажа мебели, посуды и предметов быта из квартир, владельцы которых были

депортированы, существенно улучшившая состояние немецкого населения. На многочисленных аукционах были распроданы сотни тысяч предметов интерьера из еврейской собственности, часть которых была привезена в немецкие города из Франции и Бельгии. Происхождение лотов не подлежало сомнению⁵⁷ – таким образом, их покупатели становились соучастниками преступления. О сопротивлении геноциду еврейских сограждан не было и речи⁵⁸.

В процессе экспроприации еврейского имущества помимо антисемитских мотивов существенную роль играли алчность и соображения материальной выгоды. Импульсы поступали, с одной стороны, из фанатичных кругов в НСДАП, с другой – из традиционно антисемитских групп интересов. Созданная в ходе ариизации антисемитская атмосфера и равнодушная реакция широких слоев населения, в свою очередь, дали повод радикально настроенным функционерам, прежде всего Йозефу Геббельсу, продолжить преследование евреев, в том числе используя нелегальные методы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *H. Höhne. Die Zeit der Illusionen. Hitler und die Anfänge des Dritten Reiches 1933–1936.* – Düsseldorf, 1991. – S. 78–79.

² *J. Goebbels. Tagebücher.* – Teil I, Bd. 2. – München, 1987. – S. 398 (записи от 26 и 27 марта); *H. Höhne. Die Zeit der Illusionen.* – S. 87–88.

³ Там же. – S. 88.

⁴ *J. Goebbels. Tagebücher.* – Teil I, Bd. 2. – München, 1987. – S. 400 (запись от 31 марта); *E. Black. The Transfer Agreement. The Untold Story of the Secret Agreement between the Third Reich and Jewish Palestine.* – New York, 1984. – P. 80–82. Cp. *Akten der Reichskanzlei der NSDAP. Regierung Hitler 1933–1938.* – Teil I, Bd. 1. – Boppard, 1983. – S. 271, 276–277 (протоколы заседания министров от 29.3.1933, № 78 и от 31.3.1933, № 80).

⁵ *H. Höhne. Die Zeit der Illusionen.* – S. 91–92; cp. также *E. Black. Transfer Agreement.* – P. 85–87.

⁶ Cp. *U.D. Adam. Judenpolitik im Dritten Reich.* – S. 65–66.

⁷ Там же. – S. 64.

⁸ *A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933–1943.* – Frankfurt a. M., 1987. – S. 41.

⁹ Там же. – S. 39.

¹⁰ J. Walk. Das Sonderrecht für Juden im NS-Staat. – Karlsruhe, 1991. – S. 52–53, 55.

¹¹ H. Höhne. Die Zeit der Illusionen. – S. 117.

¹² Akten der Reichskanzlei der NSDAP. Regierung Hitler 1933–1938. – Teil I, Bd. 1. – S. 631; ср. A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 63.

¹³ Там же.

¹⁴ A. Fischer. Hjalmar Schacht und Deutschlands «Judenfrage». Der «Wirtschaftsdiktator» und die Vertreibung der Juden aus der deutschen Wirtschaft. – Köln, 1995; W.A. Boelcke. Die deutsche Wirtschaft 1930–1945. – Düsseldorf, 1983. – S. 10.

¹⁵ F. Bajohr. «Arisierung» in Hamburg. Die Verdrängung der jüdischen Unternehmer 1933–1945. – Hamburg, 1998. – S. 64; A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 65–67.

¹⁶ F. Bajohr. Verfolgung aus gesellschaftsgeschichtlicher Perspektive. Die wirtschaftliche Existenzvernichtung der Juden und die deutsche Gesellschaft // Geschichte und Gesellschaft 26 (2000). – S. 634–635.

¹⁷ См. подробное описание: A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 74–76.

¹⁸ Там же. – S. 76–78.

¹⁹ Там же. – S. 71–72; см. подробное описание: S. Friedländer. Das Dritte Reich und die Juden. – S. 156–158.

²⁰ Письмо Шахта Фрику от 7 июля 1938 г., цит. по: H. Genschel. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich. – Göttingen, 1966. – S. 169.

²¹ Там же. – S. 105–107.

²² A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 71.

²³ Там же.

²⁴ Цит. по: A. Fischer. Hjalmar Schacht und Deutschlands «Judenfrage». – S. 214.

²⁵ Ср. S. Friedländer. Das Dritte Reich und die Juden. – S. 156–158.

²⁶ A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 123–125.

²⁷ A. Barkai. Die deutschen Unternehmen und die Judenpolitik im Dritten Reich // U. Büttner (Hrsg.). Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich. – Hamburg, 1992. – S. 207–229. Ср. также: H. James. Die Deutsche Bank und die «Arisierung». – München, 2001. – S. 38–39.

²⁸ F. Bajohr. «Arisierung» als gesellschaftlicher Prozess. Verhalten, Strategien und Handlungsspielräume jüdischer Eigentümer und «arischer» Erwerber // I. Woyak, P. Hayes (Hrsg.). «Arisierung» im Nationalsozialismus. – Frankfurt a. M., 2000. – S. 24–25.

²⁹ D. Ziegler. Die Verdrängung der Juden aus der Dresdner Bank 1933–1938 // VfZ 47 (1999). – S. 187–216.

³⁰ Ср. P. Hayes. Big Business and Aryanization in Germany, 1933–1939 // Jahrbuch für Antisemitismusforschung 3 (1994). – S. 261–263; P. Hayes. Die «Arisierungen» der Degussa AG. Geschichte und Bilanz // «Arisierung» im Nationalsozialismus. – S. 89–90.

³¹ A. Barkai. Die «stillen Teilhaber» des NS-Regimes // L. Gall, M. Pohl (Hrsg.). Unternehmen im Nationalsozialismus. – München, 1998. – S. 117–120.

³² Там же. – С. 27.

³³ Ср. речь Рудольфа Гесса на партийном съезде в Нюрнберге 16.9.1935 (Bundesarchiv Potsdam NS 26/vorl. 1183).

³⁴ *H. Höhne*. Die Zeit der Illusionen. – С. 85.

³⁵ *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 99–101.

³⁶ Ср. *G. Kratzsch*. Der Gauwirtschaftsapparat der NSDAP. Menschenführung – «Arisierung» – Wehrwirtschaft im Gau Westfalen-Süd. – Münster, 1989. – С. 150–152.

³⁷ Заседание 20.8.1935 в рейхсминистерстве экономики (ВА, R18/5513).

³⁸ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – С. 176, 181; *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 152; *G. Neliba*. Der Legalist des Unrechtsstaates. – С. 228–229.

³⁹ Подробно об этом см.: *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 151.

⁴⁰ Цит. по: Там же. – С. 157.

⁴¹ Там же. – С. 159.

⁴² Подробно об этом см.: *F. Bajohr*. «Arisierung» in Hamburg. – С. 308–310.

⁴³ *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 140–142; *A. Barkai*. Vom Boykott zur «Entjudung». – С. 312; ср. *J. Wollenberg*. The Expropriation of the «Rapacious» Capital // *J. Wollenberg (ed.)*. The German Public and the Persecution of the Jews. – New Jersey, 1996. – P. 134–136.

⁴⁴ Подробно об этом см.: *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 240–242.

⁴⁵ *F. Bajohr*. «Arisierung» in Hamburg. – С. 344–345.

⁴⁶ См. обзор в: *J. Walk*. Das Sonderrecht für Juden im NS-Staat. – С. 254–256.

⁴⁷ *W. Gruner*. Der geschlossene Zwangseinsatz deutscher Juden. Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung 1938 bis 1943. – Berlin, 1997.

⁴⁸ *G.D. Feldman*. Die Allianz und die deutsche Versicherungswirtschaft 1933–1945. – München, 2001. – С. 244–246, 262–263.

⁴⁹ *S. Heim, G. Aly*. Staatliche Ordnung und «organische Lösung». Die Rede Hermann Görings über die «Judenfrage» vom 6. Dezember 1938 // *Jahrbuch für Antisemitismusforschung*. – Bd. 2. – 1993. – С. 400–401, также С. 391–392.

⁵⁰ Там же. – С. 383–384.

⁵¹ Там же. – С. 384; ср. *W. Gruner*. Die Grundstücke der «Reichsfeinde». Zur «Arisierung» von Immobilien durch Städte und Gemeinden 1938–1945 // «Arisierung» im Nationalsozialismus. – С. 125–156; *G. Kratzsch*. Der Gauwirtschaftsapparat der NSDAP. – С. 182, 184.

⁵² *P. Longenrich*. Politik der Vernichtung. – С. 216.

⁵³ *H. Genschel*. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – С. 196–197.

⁵⁴ RGBl. I (1940). – S. 891.

⁵⁵ A. Barkai. Vom Boykott zur «Entjudung». – S. 146.

⁵⁶ S. Willems. Stadtmodernisierung, Wohnungsmarkt und Judeverfolgung in Berlin 1938 bis 1943. Diss. phil. – Bochum, 1999.

⁵⁷ F. Bajohr. «Arisierung» in Hamburg. – S. 331–333; W. Dreßen. Betrifft: «Aktion 3». Deutsche verwerten jüdische Nachbarn. – Berlin, 1998. – S. 45–47.

⁵⁸ F. Bajohr. Verfolgung aus gesellschaftsgeschichtlicher Perspektive. – S. 651.

Глава 5

9 ноября 1938 года и публичное оскорбление еврейского народа

События, произошедшие в Германии 9–10, частично также 11 ноября 1938 года и окрещенные жителями Берлина «Хрустальной ночью», вызвали ощущение ужаса и растерянности уже у многих современников и очевидцев. Поджоги, ограбления, истязание и унижение незащищенных еврейских граждан совершались в центрах крупных и малых городов на глазах всех жителей. Каждый, кто сохранил критическое восприятие и не стал жертвой геббельсовской пропаганды, должен был понять, какая судьба угрожала евреям, хотя предвидеть политику уничтожения евреев, начатую гитлеровским режимом после 1941 г., было тогда еще невозможно.

Значение жестоких оскорблений и унижений, которым были подвергнуты все без исключения немецкие евреи во время насильственных акций СА и НСДАП, состояло в том, чтобы продемонстрировать, что для них больше нет места в народном сообществе. В рядах активистов было распространено представление о том, что только погромные настроения и нападения могут убедить евреев покинуть Германию, хотя было давно ясно, что без достаточных средств они не смогут уехать, особенно если добавить к этому ограниченные квоты приема в западных странах и Палестине.

В предыдущие годы количество стихийных акций сократилось на фоне постепенного ужесточения антиеврейского законодательства. После лета 1935 года и принятия Нюрнбергских законов этот путь был выбран вполне определенно. Атаки на евреев прак-

тически прекратились, и гестапо активно поддерживало этот курс. Главная задача состояла в том, чтобы проведение Олимпийских игр в Берлине и Гармиш-Партенкирхене не было поставлено под сомнение в результате антисемитских эксцессов, из-за которых Соединенные Штаты могли отозвать свою сборную. Немецкие члены Олимпийского комитета в итоге заручились личным согласием Гитлера на уступки по «еврейскому вопросу», чтобы уничтожить почву для ожидаемых в противном случае международных протестов¹.

По этой причине в 1936 г. официальная антиеврейская агитация практически прекратилась. В то же время Гитлер решил не превращать убийство национал-социалиста Вильгельма Густлоффа в Швейцарии в повод для общественных демонстраций и не проводить уже подготовленного показательного процесса над Давидом Франкфуртером, который совершил преступление. Чтобы избежать протестов за рубежом, он также отказался от дополнительного повышения «еврейского компенсационного сбора», которое могло бы повредить пропагандистскому проекту Олимпийских игр². Гестапо же согласилось косвенно поддерживать сионистские спортивные объединения, одновременно препятствуя деятельности еврейско-реформаторских организаций³. Впрочем, с окончанием Олимпийских игр всё это в один момент завершилось.

Из внутренних документов полиции безопасности и СД также следовало, что тактическое отступление режима не продлится долго. Об этом свидетельствует запись от января 1937 г. с заголовком «О еврейской проблеме», автором которой считается Адольф Эйхман⁴. «Самым эффективным средством, для того чтобы лишить евреев чувства безопасности, – указывалось там, – является народный гнев, выражающийся в форме массовых беспорядков». Хотя этот метод являлся нелегальным, как показали «случаи на Курфюрстендамм»⁵, он обладал «долгосрочным влиянием». При этом Эйхману должно было быть очевидно, что стихийные акции никак не могли способствовать ускорению эмиграции, которое еврейский отдел СД рассматривал в качестве своей основной задачи.

Уже в 1937 г. давление на еврейские сферы занятости снова усилилось. Форсированная ариизация, систематическое вытеснение еврейских промышленников и предпринимателей, а также дискриминирующие схемы налогообложения сложились в единый фронт наступления, однако принятие законодательных мер по отстранению евреев от экономической жизни, которого добивались радикалы в НСДАП, пока было отложено. В определенном смысле наступила фаза спокойствия, которая была прервана только в начале 1938 года новой волной дискриминирующих постановлений в разных областях. В марте 1938 г. этот период постепенного сужения жизненного пространства евреев сменился резко начавшейся антисемитской мобилизацией.

Решающим импульсом послужили события в Австрии после провозглашения «аншлюса» 13 марта 1938 года. Еще до того, как немецкие войска пересекли австрийскую границу, страну охватила волна антисемитского насилия, которая выразилась – прежде всего, в Вене – в неприкрытых нападениях на евреев и еврейское имущество, в разбоях и грабежах, в истязаниях и унижениях евреев в чудовищной форме. Потенциал ненависти, накопившийся у австрийских нацистов и других антисемитски настроенных групп населения, вылился в беспрецедентный взрыв насилия и ограбления еврейских магазинов и предприятий. В конечном счете более 8000 еврейских розничных магазинов сменили владельцев или попросту были закрыты, хотя немецкие органы власти не оказали на это никакого влияния. Впрочем, это не помешало им продолжить политику грабежей в целях финансирования депортаций⁶.

Спонтанный выплеск неконтролируемого антисемитского насилия принял форму, которой не ожидала ни одна из сторон. Он во многом предвосхитил ход развития событий в рейхе после ноября 1938 года⁷. Массовые хищения еврейского имущества в аннексированной Австрии членами НСДАП, СА и СС превзошли всё, что случилось в рейхе ранее. В апреле рейхскомиссар Йозеф Бюркель предпринял меры, для того чтобы вернуть хотя бы часть украденного имущества и получить «ариизационный сбор» от новых владельцев, но они оказались по большей части безуспеш-

ными. То же самое касалось начатых еще в марте попыток легализовать задним числом вынужденный трансфер собственности⁸.

Сложно переоценить то влияние, которое эти события и последовавшее за ними вскоре полное отстранение евреев от экономической жизни оказали на дальнейшую ситуацию в рейхе. Они дали мощный толчок проходившей в то время кампании по ариизации. Однако в то же время они вызвали увеличение масштабов коррупции, которое распространилось на «старый рейх». Колоссальная добыча партийных товарищей в Австрии усилила желание многих функционеров захватить еврейское имущество – особенно после того, как было официально объявлено, что ариизация будет связана с компенсациями для заслуженных членов партии. Однако это заявление было незамедлительно отозвано Германом Герингом, уполномоченным по четырехлетнему плану, который таким образом выразил собственные претензии на использование еврейской собственности⁹.

Как показали переговоры в министерстве авиации 12 ноября 1938 г., Австрия являлась полигоном для преследования евреев в рейхе. Это касалось не только техники принудительной депортации, благодаря которой Адольф Эйхман, как руководитель центрального отдела эмиграции в Вене, обрел сомнительную славу. Принятые весной постановления о регулировании еврейского хозяйства также отталкивались от австрийских событий, в том числе указ о регистрации еврейской собственности от апреля 1938 г. и многочисленные поправки, которые еще сильнее ограничивали экономическую и профессиональную свободу деятельности евреев. Фактически еще до 9 ноября 1938 года быстрым темпом шел процесс окончательного легального отстранения евреев от экономической жизни, и для того чтобы ускорить процесс ариизации, «Хрустальная ночь» не требовалась¹⁰.

В ужесточении антисемитских мер, которые теперь открыто были нацелены на полномасштабную экспроприацию, помимо нагнетания антисемитских настроений, важную роль сыграли возросшие после венских событий материальные интересы НСДАП. Локальные и региональные партийные организации находились в довольно тяжелом материальном положении, что было вызвано, в первую очередь, жестким контролем заведующего финансами

НСДАП Франца Ксавера Шварца, который распорядился о переводе большей части членских взносов в центральный комитет¹¹. Именно поэтому руководители НСДАП в провинции искали дополнительные денежные средства из других источников. Идея о том, чтобы пополнить бюджет за счет еврейского имущества, напрашивалась сама собой.

Особого внимания в данном случае заслуживают попытки гауляйтера Юлиуса Штрейхера пополнить казну гау Франкония с помощью захвата еврейской собственности, что постепенно приобретало характер систематического ограбления еврейских граждан. После 9 ноября 1938 года в ситуацию вмешалось руководство НСДАП, а Герман Геринг создал комиссию по расследованию дела, которая не могла не обнаружить массовые нарушения в администрации гау. Штрейхер сначала пытался свалить вину на своего заместителя Хольца¹². Однако прежде чем это произошло, события в Франконии, которые быстро стали всюду известными, разогрели спрос других партийных кадров. Симптоматичным было заявление Мартина Бормана, который рекомендовал функционерам «в усиленном масштабе» подключать партию к решению экономических вопросов¹³. В то же время отдельные акции против еврейских предприятий были запрещены с отсылкой на готовившиеся Герингом всеохватные меры. Экономические советники НСДАП активно участвовали в процессе ариизации, что способствовало протекции партийных товарищей и выплате «пожертвований» в адрес партии¹⁴.

Характерными для обострения антисемитских эмоций в политической общественности были попытки Йозефа Геббельса сделать выразителем ее настроений. Инициированный им меморандум, который был издан в мае 1938 года начальником полиции Берлина фон Хельддорфом, предусматривал радикальный план полного отстранения берлинских евреев от общественной и экономической жизни. Как только стало известно об идее меморандума, между Геббельсом и службой безопасности (СД) возникло (поначалу скрываемое) противостояние. СД настаивала на согласовании предложенных мер с ключевой задачей – депортацией¹⁵.

Это не помешало Геббельсу распространять призывы к насилию: «Наш лозунг не закон, а сила»¹⁶. Геббельс использовал объявленную СД в середине июня «акцию против асоциальных элементов», которая привела к аресту нескольких сотен человек, для того чтобы связать с ней организованную операцию против евреев. 10 июня 1938 г. он лично запустил волну насилия, которая была направлена против берлинских магазинов и универмагов еврейских владельцев и привела к оскорблениям еврейских граждан и повреждениям их имущества – как и уже упоминавшиеся погромы на Курфюрстендамм в 1935 году. Геббельс и другие активные деятели в «еврейском вопросе» ожидали в качестве результата увеличение потока эмиграции евреев, не осознавая объективных препятствий на их пути. Между тем пропагандируемые Геббельсом террористические методы вызывали всё большее сопротивление, поэтому в итоге Геббельс был вынужден отозвать своих радикальных сторонников и, повинаясь желанию фюрера, прекратить акцию¹⁷.

В ситуации проявились заметные разногласия по «еврейскому вопросу» между гестапо и СД с одной стороны и Геббельсом с фанатичными активистами НСДАП – с другой. Руководитель II управления РСХА Франц Зикс высказывался однозначно: «Первоосновой практического решения еврейского вопроса являются планы по депортации», – а любую инициативу, препятствовавшую эмиграции, следовало отклонять¹⁸. В письме центрального отдела СД высшему руководству от 5 июля сообщалось, что руководитель полиции безопасности «ввиду берлинских событий оставляет регулирование проведения отдельных акций против евреев за собой лично». Граф Хелльдорф также считал необходимым объяснить, что целью должно являться «принуждение евреев к эмиграции, а не бесцельные нападения на евреев без оглядки на достижение этого результата». Тем не менее это не помешало ему составить длинный список рекомендуемых дискриминирующих мер¹⁹.

Этому конфликту между СД и партией суждено было повториться 9 ноября и позже. Партийные активисты атаковали еврейские магазины и учреждения в определенном смысле «вслепую» и словно не замечали государственных мер преследования, кото-

рые были гораздо более эффективны, чем индивидуальный террор. В общем и целом радикальное меньшинство, постоянно усиливая притеснение еврейского населения, пыталось добиться более активных действий от индифферентного большинства и нерешительных властей рейха. События «Хрустальной ночи» необходимо рассматривать с учетом этого обстоятельства.

Несмотря на уравнивающую политику СД, давление фанатичных членов партии с требованием форсирования антиеврейских мер не спадало и летом 1938 года. Уже в июле 1938 г. началось разрушение еврейских синагог в Мюнхене и Нюрнберге. В сентябре нападения на евреев были осуществлены, прежде всего, в традиционно антисемитских городах, таких как Кассель и Ротенбург-на-Фульде, но также во Франкфурте, Магдебурге, Ганновере и Вене. К октябрю у части партийных активистов можно было наблюдать настоящие погромные настроения²⁰.

Ряд фактов говорит в пользу того, что сложившаяся в партийных кругах перед Мюнхенским договором военная атмосфера после заключения соглашения с западными державами вылилась в большое количество антиеврейских акций. Ощутимое в населении «всеобщее облегчение» после новости о сохранении мира, напротив, огорчило фанатичных нацистов²¹. Во время мобилизации в ходе Судетского кризиса партия также была частично приведена в военную готовность, но затем напряженность быстро спала. Кажется характерным для нацистского режима, что именно периоды внешнеполитической разрядки и внутривнутриполитического затишья вызывали вспышки радикализации.

К этому добавился еще один побочный фактор, который способствовал тому, чтобы неустойчивое равновесие по «еврейскому вопросу» до осени 1938 года уступило место новой волне агрессии. Речь шла о непредвиденных осложнениях, возникших из-за польского закона «О лишении гражданства» от 31 марта 1938 г. Закон был направлен против депортации проживавших в Австрии 20 тысяч польских граждан иудейского вероисповедания, а вскоре также польских евреев на территории рейха. После безрезультатных переговоров с немецкой стороной польское правительство 6 октября заявило о лишении польских граждан, находившихся за границей, государственного подданства до 31 октября (при ряде

условий) и распорядилось о том, чтобы польские граждане не могли въехать на территорию страны из-за рубежа без соответствующего разрешения²².

СД отреагировала высылкой 12 тысяч польских евреев к границе с Польшей. Однако ввиду того, что польские пограничники отказали высланным во въезде, некоторое время они были вынуждены жить в ужасных условиях либо между демаркационных линий, либо в палаточных лагерях до тех пор, пока СД не пошла на попятную и не разрешила части евреев вернуться в свои прежние места проживания²³. Безусловно, эта неудача властей рейха только разогрела антисемитские настроения.

В сущности, для того чтобы поджечь бочку с порохом, было достаточно лишь одного удобного внешнего импульса. Им стало покушение на немецкого дипломата Эрнста фон Рата в посольстве рейха в Париже, совершенное Гершелем Гриншпаном. Оно было сразу же раздутье геббельсовской пропагандой до целенаправленного нападения международного еврейства, что побудило Гитлера отдать приказ о повышении тяжело раненного секретаря до дипломатического советника I класса. Мотивы Гриншпана, на которого могло также повлиять известие о депортации его родителей через германо-польскую границу, остались по большей части невыясненными²⁴.

Временное совпадение новости о смерти фон Рата вечером 9 ноября – Геббельс сознательно отложил передачу сообщения – и традиционной встречи «старых бойцов» в мюнхенской ратуше стало удачным поводом для того, чтобы в полной мере – и теперь во всём рейхе, а не только в Берлине, как летом – рассчитаться с евреями. Здесь также скрывалось намерение снова вовлечь в игру партию и активно задействовать ее в текущем процессе экспроприации еврейской собственности.

События вечера 9 ноября 1938 года восстанавливаются довольно точно. Гитлер продемонстрировал, что «сильно впечатлен» известием о смерти фон Рата и, вопреки сложившемуся обычаю, отказался выступить перед собранием. Во время ужина за столом фюрера состоялся напряженный разговор между Геббельсом и Гитлером, после чего диктатор покинул зал ратуши и отправился в свою квартиру на Принцрегентенштрассе²⁵. Гипоте-

за, согласно которой Гитлер только в этот момент узнал о смерти фом Рата, весьма сомнительна, поскольку имелся ряд источников, откуда он мог получить поступившую около 17:30 новость²⁶.

По всей видимости, Геббельс проинформировал Гитлера об уже начавшихся акциях протеста в Курхессене и сообщил о всеобщей мобилизации народного недовольства, а также выразил свое намерение не препятствовать акциям подобного рода и приказать органам безопасности не вмешиваться²⁷. Остается открытым вопрос о том, была ли согласована с Гитлером яростная речь Геббельса, которой он призвал присутствовавших нацистских функционеров к тому, чтобы организовать еще больше акций. В любом случае диктатор принял решение не появляться на сцене. В выступлении, которое он сделал на следующий день перед немецкой прессой, чтобы перевести общественное мнение в состояние военной готовности, об антиеврейских акциях не было сказано ни слова²⁸.

Уже в ночь на 8 ноября были совершены схожие с погромами нападения на еврейские магазины и синагоги в Ротенбурге, Бемре, Сонтре, а через день – в Бад Херсфельде, где в ночь на 9 ноября сгорела синагога. В других частях Курхессена также имели место антиеврейские выступления, которые руководство гау организовало в качестве реакции на случай в Париже²⁹. Очевидно, Геббельс имел в виду эти происшествия, когда пытался создать у своих слушателей впечатление, что после парижского убийства уже возникло массовое спонтанное протестное движение.

Инициированные Геббельсом акции ночью 9 ноября были от начала и до конца осуществлены партией. Расчет Геббельса на то, чтобы превратить провокации партийных работников, которые должны были действовать в гражданском (что не соблюдалось), во всеобщее народное движение, не оправдался. О выплеске «народного недовольства», объявленном пропагандой, не могло быть и речи. Вряд ли в Германии можно было найти кого-либо, кто не знал бы о том, что акты насилия, поджоги и ограбления были организованы НСДАП, СА, частично СС и другими партийными организациями³⁰. Безусловно, в некоторых местах – в том числе в Вене – к делу подключились погромщики, которые использовали

уничтожение еврейской собственности и еврейских магазинов для того, чтобы пополнить личные финансы или удовлетворить свои садистские наклонности, но в целом акции проходили без участия народа.

Поскольку пропаганда держалась за версию о стихийных проявлениях «народного недовольства», а прессе было разрешено сообщать только о локальных происшествиях, но не о событиях в полном объеме, акция не получила официального названия и жители Берлина дали ей ироничное наименование «Хрустальная ночь»³¹. В этом термине отражалось бессмысленное и бесцельное уничтожение «народной собственности». Преднамеренные разрушения и имущественный ущерб вызвали среди населения однозначное возмущение и осуждение. Ключевым мотивом для этих эмоций было не столько сочувствие к еврейским жертвам, сколько расхождение с моральными представлениями граждан о недопустимости нарушения общественного порядка и целенаправленного уничтожения имущественных ценностей³².

10 ноября те же самые граждане спокойно стояли на обочине и смотрели, как по улицам ведут арестованных еврейских граждан и отправляют в концентрационные лагеря. В отношении этих мер имелось формальное постановление руководителя гестапо, поэтому они рассматривались как легальные. Приказ подготовить арест до 25 тысяч мужчин-евреев в возрасте до 50 лет был разослан по отделениям полиции шефом гестапо Генрихом Мюллером еще до полуночи 9 ноября, возможно даже до согласования с Рейнхардом Гейдрихом, который также находился в Мюнхене. Гейдрих чуть позже отправил детальное сообщение, предписывавшее немедленное осуществление арестов и в остальном повторявшее положения рекомендованной Гитлером сотрудникам гестапо, СС и СД политики непрепятствования³³.

Причиной для этих арестов, очевидно, послужило намерение ввиду взятого партией курса на завершение начинаний задействовать также СС и гестапо в предстоящем лишении собственности еврейских граждан и поиске средств для финансирования депортаций. Арест наиболее состоятельных евреев и их отправка в концлагеря были нацелены на то, чтобы принудить их к передаче части собственности в распоряжение СС. С точки зрения Гейдри-

ха, этот подход был более конструктивен, чем бессмысленные угрозы, которые он рассматривал лишь как препятствие для успешной «еврейской политики».

Руководство СС действительно не сразу было введено в курс дела, хотя местные объединения СС участвовали в незаконных акциях. Когда Гиммлер после церемонии принятия военной присяги СС встретился с Гитлером в его квартире, у него возникло впечатление, что фюрер не знал подробностей о ходе событий. Гитлер распорядился о том, чтобы СС не вмешивались и применяли меры только в случае однозначно криминальных действий. Гейдрих, руководитель СД, также только косвенным путем узнал о текущих акциях, на которые сотрудникам гестапо, согласно указанию мюнхенского отдела пропаганды, не следовало обращать внимания³⁴.

На совещании, состоявшемся в час ночи в гостинице «Vier Jahreszeiten», Гиммлер приказал присутствовавшим старшим руководителям СС держать подчиненных подальше и «только в случае необходимости оказывать поддержку сотрудникам полиции при защите лиц еврейской национальности и пресечении любых попыток мародерства на еврейских объектах»³⁵. Эти распоряжения были разосланы той же ночью, однако получили на местах разную трактовку, что не исключало участия локальных отрядов СС в акциях насилия³⁶.

С точки зрения Гиммлера и Гейдриха, инициатива Геббельса была совершенно излишней, а главное, весьма убыточной. Хотя она резко ускорила процесс принятия политических решений, который был близок к тому, чтобы застрять в паутине конкурировавших интересов различных ведомств, она никоим образом не облегчила ключевую задачу нацистской еврейской политики – форсирование эмиграции евреев. Гиммлер еще ночью крайне жестко раскритиковал «властные амбиции» и «пустоголовость» рейхсминистра пропаганды³⁷. В руководстве СС самовольное поведение Геббельса также встретили в штыки. Не меньше был возмущен Геринг, который, согласно его более позднему свидетельству, во время беседы с Гитлером утром 10 ноября «в очень резких словах» охарактеризовал преднамеренное уничтожение «материальных благ»³⁸.

После того как Геббельс в 10 часов утра встретился с Гитлером в кафе «Остерия» и доложил фюреру об обстановке, он был вынужден занять оборонительную позицию³⁹. Вечером 10 ноября он сообщил гауляйтеру Мюнхена – Верхней Баварии, что «все акции против евреев следует считать оконченными» и добавил: «Фюрер санкционирует меры, принятые на данный момент, и не высказывает против них возражений»⁴⁰. В то же самое время, заняв характерную позу «держите вора», он обратился к населению с настойчивой просьбой «не принимать во внимание все дальнейшие демонстрации и акции мести против евреев, в какой бы форме они ни проходили. Окончательный ответ на совершенное [в Париже] преступление евреи получают в виде закона или поправки к закону»⁴¹.

Между тем прессе было рекомендовано не предоставлять подробного описания погромов, только в краткой форме сообщать о локальных происшествиях и отрицать существование беспорядков⁴². В своем дневнике министр пропаганды также счел необходимым не преувеличивать значение событий и оставил замечание о том, что «теперь еврейский вопрос продвинулся на несколько шагов вперед»⁴³. Косвенно он признал негативные последствия, когда 13 ноября отметил, что «смог снова вернуться в наступательную позицию»⁴⁴.

Однако Гиммлер потерпел неудачу, когда, заручившись поддержкой Геринга, попытался убедить Гитлера в том, что рейхсминистр пропаганды утратил политическую дееспособность. Геббельс также чувствовал неблагоприятное отношение диктатора. Но Гитлер опроверг распространившиеся слухи о том, что Геббельс попал в опалу, и 15 ноября появился вместе с ним на публике в почетной ложе театра Шиллера⁴⁵. Делать выбор между конфликтующими сторонами было против привычки фюрера.

С другой стороны, на совещании в рейхсминистерстве авиации 12 ноября Геббельс был вынужден признать, что его амбициозная идея снова вовлечь в игру партию не встретила никакой поддержки. Ему принадлежала инициатива обязать евреев к выплате коллективного компенсационного сбора за нанесенный ущерб, который должен был поступить в распоряжение администраций гау. Геринг отбросил последнее предложение в сторону и принял

решение о направлении полученных средств исключительно на нужды четырехлетнего плана. Когда участники заседания приступили к распределению доходов, партия осталась ни с чем. Тем не менее она получила возможность – вопреки желанию Геринга – компенсировать дефицит бюджета за счет ускоренной ариизации еврейских промышленных предприятий⁴⁶. Гестапо и СД обрели полномочия по контролю процесса решения «еврейского вопроса». Административные меры значительно сократили количество «жестоких» акций, с помощью которых активисты партии пытались закрепить за собой лидерскую позицию в «еврейском вопросе».

Масштаб разрушений, нанесенных еврейским магазинам, предприятиям, синагогам и другим религиозным учреждениям, едва ли можно переоценить. 11 ноября Гейдрих подвел предварительный итог погрома и насчитал 815 разрушенных магазинов, 29 разгромленных универмагов, 171 уничтоженное жилое здание и 267 сожженных или снесенных синагог⁴⁷. Позже появились сведения о 7500 разграбленных магазинах⁴⁸. Помимо материальных потерь следует учитывать и акты насилия против евреев: 91 человек был убит и множество ранено. Банда подстрекателей действовала столь активно, что даже в тех местах, где к 10 ноября еще не произошло никаких беспорядков, их учинили местные отряды СА, хотя к этому моменту уже существовал блокирующий приказ Геббельса⁴⁹.

Атаки не обошли стороной и частную сферу. Убийства и ранения были у всех на слуху, а унижение жертв дало Петеру Лёвенбергу повод назвать события «нанесением публичного оскорбления»⁵⁰. Садистские склонности зачинщиков нападений словно не имели границ. Особенно драматично ситуация развивалась в тех регионах, где акции насилия опирались на распространенные среди населения антисемитские предубеждения, такие как в Австрии. С другой стороны, детальный анализ мышления зачинщиков нападений показывает, что действия нацистских оперативных групп были продиктованы не столько антисемитскими эмоциями, сколько военной субординацией, неверным пониманием товарищеских отношений, удовольствием от осуществления насилия и стереотипами о мужественности и мужских союзах.

Некоторые отряды СА воспринимали акции насилия против евреев как своего рода испытание, в котором должен был поучаствовать каждый, кто не желал утратить товарищеские связи с сослуживцами. Тот факт, что в тех местах, где ночь на 10 ноября прошла спокойно, в последующие дни, несмотря на наличие соответствующего запрета, для «наверстывания упущенного» совершались беспорядки, указывает на распространенность сознательного преступного поведения, оправдать которое должно было максимально возможное число сообщников. Характерно, что устраивавшие погромы отряды СА, как правило, приказывали соседям-владельцам закрыть свои витрины и угрозами заставляли зевак уйти как можно дальше⁵¹.

Во время погромов каждый независимый наблюдатель мог сделать вывод, что евреев в Германии перевели на птичьи права, хотя большинство населения не поддерживало произвольные акты насилия. Общий масштаб запуганности общества проявился в том, что только в редчайших случаях местные чиновники, мэры, губернаторы и главы правительств имели мужество выступить против акций и остановить беспорядки.

Самая неприятная роль в этом публичном отказе от ответственности выпала на долю рейхсминистерства юстиции и судебной власти. Франц Гюртнер узнал о распоряжении центрального отдела гестапо ни в коем случае не наказывать за поджоги и нанесение ущерба, а подвергать преследованию только зачинщиков насилия, разбойных нападений и подобных преступлений лишь утром 10 ноября⁵². Он был вынужден отдать соответствующие указания работникам прокуратуры, наложить запрет на аресты лиц, задержанных в ходе погрома, и отменить судебные процессы, связанные с еврейской акцией⁵³. В результате расследование соответствующих преступлений перешло исключительно в ведомство гестапо.

Франц Гюртнер вынужден был также смириться с тем, что немногие возбужденные дела рассматривал Верховный партийный суд. Обычные суды, таким образом, были противозаконным образом лишены своих полномочий. Однако партийный суд был не в состоянии гарантировать правосудие даже в оставшихся вопиющих случаях. Из 91 дела об убийствах лишь небольшая часть

дошла до формального рассмотрения, большинство же было прекращено⁵⁴. Роль Гюртнера ограничивалась тем, чтобы просить рейхсканцлера об остановке судебных процессов против критиков погрома, обвинявшихся в предательстве. Режим не мог допустить публичного обсуждения ноябрьских актов насилия, потому что в этом случае ответственность партии стала бы достоянием гласности⁵⁵.

По этой причине к последствиям «Хрустальной ночи» относится и тяжелое поражение судебной власти, которая до этого упорно защищала свои полномочия от натиска конкурентов из гестапо, но теперь уступила сразу все позиции. Вывод из-под юрисдикции и прекращение почти всех уголовных дел, связанных с погромом, создали веский стимул для тех, кто поощрял применение насилия против евреев и лишение их прав. Однако главную выгоду из акции извлекли не радикалы вроде Геббельса. Это стало понятно в ходе переговоров в рейхсминистерстве авиации 12 ноября.

На фоне ужесточения антиеврейской политики произошло уравнивание конкурировавших интересов НСДАП, СД, гестапо, четырехлетнего плана, страховой сферы и других как-либо задействованных ведомств. Уже наметившееся полное исключение евреев из жизни рейха предполагало уничтожение основ их существования. В этой аморальной кампании травли каждый из участников пытался получить свой куш, становясь сообщником всеобщей радикализации преследований.

Помимо двух ключевых постановлений, предложенных Герингом, – первой поправки к закону об отстранении евреев от экономической жизни и указе о регистрации еврейской собственности, которые были изданы 3 декабря 1938 г., – а также указа о восстановлении порядка на еврейских торговых предприятиях и о наложенном на немецких евреев «компенсационном сборе», был принят целый пакет дискриминирующих или ограничительных правовых норм в различных сферах⁵⁶. Еще более далеко идущие меры, такие как предложенные Гейдрихом введение отличительных знаков для евреев и закладка основ для создания гетто, пока не были приняты – вероятно потому, что Гитлер не хотел закры-

вать возможность для продолжения еще не законченных переговоров с комитетом Рабли⁵⁷.

Акция 9 ноября 1938 года была выдана нацистской пропагандой за большой успех в борьбе с еврейством, однако этим было сложно оправдать тяжелые материальные потери. Отстранение евреев от экономической жизни вполне могло быть осуществлено и без этого катализатора. Поэтому довольно сложно рассматривать геббельсовскую стратегию погрома, решающие задачи которой не были выполнены, как «целенаправленные действия»⁵⁸. Столь же неверно было бы считать события ноября 1938 года «выражением радикально антисемитских настроений значительной части немецкого общества»⁵⁹.

Следствием акции не в последнюю очередь стала усилившаяся запуганность рядовых граждан, которая выразилась также в том, что негативное отношение к действиям активистов СА не вылилось в более широкое сопротивление⁶⁰. После «Хрустальной ночи» рубикон был перейден, и, лишившись даже ограниченных возможностей жизнедеятельности, евреи столкнулись с радикальной сегрегацией, экспроприацией, правовым произволом и общественным презрением. Хотя правовое государство частично еще продолжало существовать, евреи оказались вне закона и стали «санитарной проблемой», решить которую вызвались СД и гестапо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *H. Bernett. Sportpolitik im Dritten Reich. Aus den Akten der Reichskanzlei. – Schorndorf, 1971; F. Bohlen. Die XI Olympischen Spiele 1936. Instrument der innen- und außenpolitischen Propaganda und Legitimierung des faschistischen Regimes. – Köln, 1979.*

² О Вильгельме Густлоффе см.: *U.D. Adam. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 153–154.*

³ *H. Mommsen. Der nationalsozialistische Polizeistaat und die Judenverfolgung von 1938 // VfZ 12 (1962). – S. 68–70.*

⁴ *M. Wildt. Die Judenpolitik des SD 1935–1937. Eine Dokumentation. – München, 1995. – S. 99.*

⁵ Там же. – S. 21–22; *P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 85–87.*

⁶ G. Botz. Nationalsozialismus in Wien. Machtübernahme und Herrschaftssicherung 1938/39. – Buchloe, 1988.

⁷ Cp. K. Schleunes. The Twisted Road to Auschwitz. – Illinois, 1990. – P. 229.

⁸ H. Safrian. Expediting Expropriation and Expulsion: The Impact of the «Vienna Model» on Anti-Jewish Policy in Nazi Germany 1938 // Holocaust and Genocide Studies 14 (3). – 2000. – P. 390–414.

⁹ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 168–169.

¹⁰ A. Barkai. Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933–1938 // A. Paucker (Hrsg.). Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland. – Tübingen, 1986. – S. 165.

¹¹ U. Lükemann. Der Reichsschatzmeister der NSDAP. Ein Beitrag zur inneren Parteistruktur. – Berlin, 1963.

¹² K. Höffkes. Julius Streicher: Gauleiter des Gaus Franken // K. Höffkes. Hitlers politische Generale. – Tübingen, 1997. – S. 337–343; H. Genschel. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – S. 240–242.

¹³ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 168.

¹⁴ A. Barkai. Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden. – S. 158; H. Genschel. Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft. – S. 247.

¹⁵ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 174; M. Wildt. Die Judenpolitik des SD 1935–1937. – S. 55–56.

¹⁶ J. Goebbels. Tagebücher. Teil I. – Bd. 5. – S. 355. Геббельс теперь винил во всём Хелльдорфа, но считал, что «этот вид народного правосудия еще принесет пользу».

¹⁷ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 179–180.

¹⁸ Там же. – S. 181.

¹⁹ Там же. – S. 182.

²⁰ Там же. – S. 193–194.

²¹ Там же. – S. 190. Лонгерих ссылается на внутренний отчет СД, в котором провокационное поведение евреев во время Судетского кризиса называется причиной начала «антиеврейской кампании».

²² T. Maurer. Abschiebung und Attentat. Die Ausweisung der polnischen Juden und der Vorwand für die «Kristallnacht» // W.H. Pehle (Hrsg.). Der Judenpogrom 1938. Von der «Reichskristallnacht» zum Völkermord. – Frankfurt a. M., 1988. – S. 59–61.

²³ Там же. – S. 67–69.

²⁴ Cp. интерпретацию: H. – J. Döscher. «Reichskristallnacht». Die Novemberprogrome 1938. – München, 2000. – S. 168–170 в связи с отменой показного судебного процесса (S. 165–166). Согласно этой версии, причиной могли быть гомосексуальные отношения фом Рата и Гриншпана и давление, которое Гриншпан оказывал на дипломата, с требованием выдать ему разрешение на въезд.

²⁵ Отчет начальника полиции Мюнхена фон Эберштейна, см. в: H.-J. Döscher. «Reichskristallnacht». – S. 93.

²⁶ Там же. – S. 88.

²⁷ Cp. D. Obst. «Reichskristallnacht». Ursachen und Verlauf des antisemitischen Pogroms vom November 1938. – Frankfurt a. M., 1991. – S. 81. Obst

ставит под сомнение интерпретацию, в соответствии с которой существовала однозначная предварительная договоренность, см.: *H. Graml. Der 9. November 1938: «Reichskristallnacht»*. – Bonn, 1958. – С. 25; *H. Graml. Reichskristallnacht. Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich*. – München, 1988. – С. 17–19.

²⁸ *W. Treue (Hrsg.)*. Rede Hitlers vor der deutschen Presse (10. November 1938) // *VfZ 6* (1958). – С. 175–191.

²⁹ *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 65–67. Obst считает возможным, что только после этих случаев Геббельс перешел к усилению антиеврейской кампании в прессе.

³⁰ Так, 10 ноября к участию в погромах многократно призывались отряды «гитлерюгенда» и школьные классы, но всюду эти призывы встречали сопротивление. Ср. *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 267–269.

³¹ В нацистских источниках иногда встречается выражение «еврейская акция».

³² *W.S. Allen*. Die deutsche Öffentlichkeit und die «Reichskristallnacht»: Konflikte zwischen Werthierarchie und Propaganda im Dritten Reich // *D. Peukert, J. Reulecke (Hrsg.)*. Die Reihen fast geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus. – Wuppertal, 1981. – С. 401–403.

³³ *A. Faust*. Die Kristallnacht im Rheinland. Dokumente zum Judenpogrom im November 1938. – Dsseldorf, 1987. – С. 58–60. Ср. также: *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 84–85.

³⁴ Ср. там же. – С. 82–83.

³⁵ Свидетельство Луитпольда Шаллермайера // *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof (IMT)*. Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946. – Bd. 42. – С. 512 (далее – ИМТ).

³⁶ *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 88.

³⁷ См. сноску 35.

³⁸ Высказывание Геринга // ИМТ. – Bd. 9. – С. 313–314.

³⁹ *J. Goebbels*. Tagebücher. Teil I. – Bd. 6. – С. 182 (запись от 11.11.1938).

⁴⁰ Цит. по: *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 93.

⁴¹ *Völkischer Beobachter*. – 11. November 1938. – С. 1. Обращение рейхсминистра Геббельса к наслению от 10.11. см. в: *A. Faust*. Die Kristallnacht im Rheinland. – С. 66.

⁴² *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 94–95.

⁴³ *J. Goebbels*. Tagebücher. Teil I. – Bd. 3. – С. 532.

⁴⁴ Там же. – С. 533.

⁴⁵ Там же. – С. 536.

⁴⁶ *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 99–100.

⁴⁷ Телеграмма Гейдриха Герингу от 11 ноября 1938 г. // ИМТ. – Bd. 32. – С. 1–2.

⁴⁸ Реплика Геринга на совещании в рейхсминистерстве авиации 12 ноября // ИМТ. – Dok. 1816-PS.

⁴⁹ *D. Obst*. «Reichskristallnacht». – С. 194–196.

⁵⁰ P. Loewenberg. The Kristallnacht as Public Degradation Ritual // Leo Baeck Yearbook 32 (1987). – S. 323.

⁵¹ D. Obst. «Reichskristallnacht». – S. 243–245; 175–177.

⁵² Ср. подробное описание: L. Gruchmann. Justiz im Dritten Reich 1933–1940. Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gürtner (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 28). – München, 1988. – S. 487–489.

⁵³ См. телеграмму Гейдриха в государственные отделы полиции от 10.11.1938 в: A. Faust. Die Kristallnacht im Rheinland. – S. 65–66.

⁵⁴ Ср. P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 200–201.

⁵⁵ Именно поэтому за этим – с точки зрения партии – «несуществующим событием» парадоксальным образом закрепилось придуманное критиками название «Хрустальная ночь».

⁵⁶ См. обзор в: J. Walk. Das Sonderrecht für Juden im NS-Staat. – S. 254–256.

⁵⁷ Ср. P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 107–109; Y. Bauer. Freikauf von Juden. – Frankfurt a. M., 1996. – S. 52–54.

⁵⁸ Ср. P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 202.

⁵⁹ Там же. – S. 204; ср. I. Kershaw. The Persecution of the Jews. – P. 260–262.

⁶⁰ Ср. подобное предположение в: P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 206.

Глава 6

Переселение евреев и мнимая возможность территориального «окончательного решения»

В системе представлений Гитлера и властей нацистского режима война являлась универсальным ключом к решению назревших политических проблем. Война освобождала нацистское руководство от соблюдения действующих международных и внутригосударственных правовых норм. На совещании высших чинов в рейхсминистерстве авиации 12 ноября 1938 г. Геринг с отсылкой на слова Гитлера особо отметил, что война безусловно предполагает «масштабную расплату с евреями»¹. Подобное заявление может также быть найдено в статье в газете «Das Schwarze Korps» от 24 ноября 1938 г. – согласно ему в случае войны возникла бы «отчетливая необходимость искоренить еврейское подполье так же, как мы всегда истребляли преступников в нашем государстве порядка: огнем и мечом. Итогом станет окончательный и бесповоротный конец еврейства в Германии, его полное уничтожение»².

Однако угрозы подобного рода продолжали носить спекулятивный характер. Это касалось также пресловутых высказываний Адольфа Гитлера во время речи в рейхстаге 30 января 1939 г., которые он повторял и в дальнейшем: «Если международное финансовое еврейство сможет развязать в Европе и за ее пределами новую мировую войну, то ее результатом станет не большевизация планеты и победа евреев, а истребление еврейской расы в Европе»³. Было бы неверно выводить из этого тезиса – несмотря на то что позже Гитлер несколько раз дословно повторял его – непо-

средственную готовность начать уничтожение. Его следует рассматривать в контексте Эвианской конференции и попыток добиться финансирования депортации евреев через переговоры с комитетом Рабли⁴. За угрозой Гитлера скрывалась идея о том, чтобы использовать местное еврейское население в качестве заложников и принудить западные державы к должному поведению.

Важным в этом заявлении было упоминание войны, которого Гитлер до осени 1938 года старался избегать в публичных выступлениях. Насильственный курс, взятый национал-социалистами, подразумевал, что война и уничтожение еврейства – это одно и то же, и в конечном итоге так действительно и оказалось. Тем не менее до начала лета 1941 года перспектива уничтожения еще не связывалась с реальной программой действий. Задача целенаправленного физического уничтожения евреев возникла только при обстоятельствах, сложившихся после начала войны с Советским Союзом 22 июня 1941 года.

В то же время военная опасность, которая впервые стала реальной в сентябре 1938 г. – тогда СА были частично приведены в боевую готовность⁵, – оказала влияние на процесс решения «еврейского вопроса». В партийных кругах закрепились идеи о том, что с началом войны евреи будут отправлены в концентрационные лагеря и окончательно отделены от общества. Это соответствовало постепенно распространявшимся антисемитским представлениям, согласно которым внутреннее единство нации, критически необходимое для ведения военных действий, могло быть достигнуто лишь путем полного устранения еврейского влияния.

Как политический рубеж, начало войны подводит черту под достигнутыми к тому моменту результатами вытеснения евреев. Если рассматривать преследования немецких евреев в период с 1933 по 1939 годы, то колоссальное наслоение насилия, дискриминации, экспроприации и лишения прав предстает в качестве предвестника и подготовительного этапа последовавшей политики уничтожения. Ретроспективный взгляд на события позволяет увидеть определенную логичность в порядке принятия отдельных репрессивных мер. Однако расовой политике национал-социа-

листов ни в коей мере не было присуще единство; напротив, во многом она была нескоординированной, и различные стратегии противоречили друг другу. При оценке масштаба применения физического насилия, законодательных репрессивных мер и экономической блокады общий курс выглядит малорациональным. Если наложить на это степень внешней эффективности, в целом можно говорить о политическом провале.

Реальным показателем успеха, с точки зрения задействованных лиц, могло стать только ускорение еврейской эмиграции. Несмотря на встречные удары и беспокоящий огонь со стороны фанатичных членов партии, после 1933 года с помощью поддержанного Ялмаром Шахтом соглашения Хаавара были заложены основы для достаточно конструктивной эмиграционной политики. Количество немецких переселенцев в Палестину до 1939 г. было весьма высоким и в середине тридцатых годов составляло треть от общего потока эмигрантов⁶. В то же время, особенно после Олимпиады, в стане членов партии и чиновников укрепились оппозиционные силы. В роли главного противника соглашения выступил политический отдел рейхсминистерства иностранных дел, который получил поддержку Зарубежной организации НСДАП под руководством Вильгельма Боле, одновременно являвшегося статс-секретарем рейхсминистерства иностранных дел⁷. Благодаря твердой позиции рейхсминистерства экономики, получившего поддержку статс-секретаря министерства внутренних дел Штукарта, соглашение оставалось в силе до конца 1938 г., тем более что Гитлер, который в принципе высказывался в защиту еврейской эмиграции, вопреки всем усилиям оппонентов Шахта не выражал своего мнения по данному вопросу⁸. Рейхсминистерство экономики предприняло небезуспешную попытку уничтожить поводы для обвинений в косвенной поддержке сионистского государственного строительства, создав фидуциарную компанию *Altreu*⁹. В длительной перспективе, однако, эмиграционная политика министерства экономики оказалась неэффективной из-за ускорившейся экспроприации еврейского имущества и недостатка финансов.

Последняя конкретная попытка добиться прогресса по вопросу эмиграции на международном уровне была предпринята во время

лондонских переговоров с созданным в Эвиане комитетом Рабли, которые были инициированы Ялмаром Шахтом вопреки желанию министерства иностранных дел. Обсуждавшийся там план предусматривал переселение 150 тысяч евреев в пока не определенные страны с последующим переездом еще 250 тысяч членов их семей. Для этого 25 процентов еврейского имущества в Германии должно было быть передано в доверительный фонд для постепенного осуществления трансфера¹⁰.

После ухода Шахта с поста рейхсминистра экономики переговоры с межправительственным комитетом в Лондоне продолжил назначенный Герингом Гельмут Вольтат, однако они не принесли никаких ощутимых результатов из-за возражений со стороны еврейских участников, а также отказа немецкой стороны предоставить необходимые для эмиграции денежные средства в иностранной валюте. В действительности переговоры были продолжены Герингом (с разрешения Гитлера) только потому, что он надеялся с их помощью уменьшить хронический недостаток валюты в рейхе, который угрожал процессу вооружения¹¹.

В конце 1938 г. к осуществлению эмиграционной политики, до этого находившейся в ведении рейхсминистерства экономики, подключилось гестапо. 24 января 1939 г., по образцу учреждений, открытых Эйхманом в Вене и Праге, было создано «Центральное бюро еврейской эмиграции». Как значилось в соответствующем указе, его задача состояла в том, чтобы «всеми средствами» поспособствовать эмиграции евреев из Германии и создать организационную базу для «ускоренного и единого процесса выселения при желательном принятии во внимание малоимущих евреев»¹². Этот шаг должен был устранить взаимные препятствия, учиняемые конкурирующими органами и группами интересов при обработке заявлений на выезд.

Первое заседание центрального бюро состоялось 11 февраля 1939 года¹³. На нем Гейдрих заявил, что Германия, в дополнение к плану Рабли, реализация которого еще не была гарантирована, должна «безотносительно этого плана способствовать эмиграции всеми доступными средствами». Процесс отправки за границу, который до этого «по многим пунктам сам себе противоречил», должен был быть упрощен и передан под контроль отделов внут-

ренных дел¹⁴. В этой связи Гейдрих также отметил, что не следует пресекать нелегальную эмиграцию в Палестину.

Сосредоточение эмиграционной политики в руках главы полиции безопасности являлось ответом на сравнительно скромные достижения задействованных исполнительных органов. Хотя после «Хрустальной ночи» темпы еврейской эмиграции снова значительно ускорились, в сопоставлении с потерями народного хозяйства, последовавшими за законными и незаконными операциями по ариизации, а также отстранением евреев от экономики, они были количественно ограничены¹⁵. Так, по данным переписи мая 1939 г., численность еврейского населения в Германии сократилась до 213930 евреев иудейского вероисповедания, к которым следует добавить 19716 «расовых евреев», не принадлежавших к религиозной общине. Кроме того, было насчитано 52000 лиц с 1/2 еврейской крови и 32669 лиц с 1/4 еврейской крови¹⁶.

Таким образом, около двух третей немецких евреев, части которых пришлось лишиться всего своего имущества, смогли избежать намечавшейся катастрофы. Среди оставшегося в Германии еврейского населения была крайне высока доля пожилых людей, а от общего числа работоспособных граждан профессионально востребованы были менее 20 процентов, в то время как остальные были вынуждены жить на попечение еврейских касс взаимопомощи или за счет распродажи остатков собственного имущества. После создания «Объединения немецких евреев рейха», которое включало в себя отдельные культурные объединения и предполагало принудительное членство также и нерелигиозных евреев, произошло почти полное официальное обособление еврейских граждан от общей массы населения. Культурные объединения превратились в исполнителей заказов, поступавших от гестапо, которое централизовало и закрепило за собой основной круг полномочий, одновременно установив практически тотальный контроль и наблюдение.

За исключением операций по «ариизации», после декабря 1938 г. НСДАП во многом утратила инициативу в «еврейском вопросе». Вероятно, главный итог переговоров в рейхсминистерстве авиации после «Хрустальной ночи» состоял в том, что членам

партии было окончательно запрещено проведение незаконных акций, а основные полномочия по «еврейскому вопросу» перешли к гестапо и СД. В декабре 1939 г. руководство «еврейским вопросом» было сосредоточено в отделе IV-D-4 недавно созданного Главного управления имперской безопасности и переведено под начальство Адольфа Эйхмана, который до этого возглавлял Центральное бюро по эмиграции¹⁷.

В то же время радикально антисемитскому крылу партии при значимом содействии Йозефа Геббельса, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера и Адольфа Вагнера удалось создать крайне расистскую атмосферу, которая охватила также те части населения, в которых до этого не имелось предубеждений против евреев. Постоянная пропагандистская активность НСДАП, а также становившееся нормой ущемление прав еврейских граждан не в последнюю очередь были связаны с тем, что партия как массовая организация утратила свои прежние политические функции, и антисемитские акции играли роль вентиля, через который можно было выпустить накопившуюся в активистском ядре партии социально-революционную энергию. Мартин Брошат удачно охарактеризовал это термином «отрицательная селекция элементов мировоззрения»¹⁸.

Ставшая вездесущей радикально антисемитская атмосфера, не обошедшая стороной ни одну общественную сферу, была усугублена угрозой террористического насилия, так что та часть населения, которая скептически или негативно относилась к антисемитским акциям и законодательным ограничениям жизнедеятельности евреев, не решалась – во всяком случае, публично – высказать свою позицию. К этому следует добавить, что еврейские граждане во многом утратили социальные связи – особенно после того, как им пришлось перейти к анонимному существованию в больших городах, гарантировавших определенную степень защиты от антиеврейских нападений, которая отсутствовала в сельской местности и малых городах.

В партийных кругах закрепилось представление о том, что все евреи в случае войны будут интернированы, чего, однако, не произошло. На фоне усилившихся репрессий было выдвинуто требование о всеобщей трудовой повинности для немецких евреев, что

обосновывалось сомнительным аргументом о их недопуске к военной службе¹⁹. С исчезновением евреев из поля зрения их существование почти полностью перестало быть предметом общественного сознания. Характерно, что только введение особых отличительных знаков для евреев в сентябре 1941 г. заставило снова о них вспомнить. Задача непрерывной антисемитской индоктринации состояла в том, чтобы создать абстрактную враждебность к евреям, которая могла бы усилить индифферентное отношение к обращению с евреями, преобладавшее в морали большинства населения.

Единый курс на ограничение жизнедеятельности евреев, который не исключал казавшихся бессмысленными проявлений произвола, продолжился после 1939 г. в ускоренном темпе. Созданные в государственных и местных органах еврейские отделы, а также инициативы радикально антисемитски настроенных представителей власти заложили основу как для поэтапного сужения еврейского жизненного пространства, начавшегося с объединения еврейских квартир под одной крышей в так называемых «еврейских домах» с ограниченной площадью и условиями жилья, так и для планомерного ограничения свободы. К нему относились введение комендантского часа, ограничение времени покупок, запрет на владение автотранспортом и телефоном, изъятие радиоприемников, квоты на использование общественного транспорта, запрет на посещение бассейнов, ресторанов, общественных библиотек и парков, сокращение ассортимента продуктов и одежды, неравное распределение дефицитных товаров, а также набор произвольных и дискриминационных мер, регулирующих повседневную жизнь, вплоть до запрета на содержание канареек.

Более серьезными были отмена любых налоговых льгот, введение принудительного труда и экспроприация или секвестирование оставшегося у евреев имущества. Частично подобные меры оправдывались освобождением евреев от военной службы. Эта законно осуществлявшаяся дискриминация дополнялась произволом всевозможных органов и служб на местах. Наглядное свидетельство тому предоставляют дневники Виктора Клемперера²⁰.

Наложившиеся друг на друга дискриминационные меры можно рассматривать как компенсацию того факта, что начало войны

никоим образом не приблизило решение «еврейского вопроса», в то время как депортация становилась практически невозможной. Прежняя эмиграционная политика стала непригодной еще и потому, что в ходе территориальной экспансии третьего рейха – особенно после оккупации Польши – произошло заметное увеличение числа евреев в областях под немецким влиянием, которое требовало выработки решений, отличных от депортации, последовательно осуществлявшейся до этого.

Оккупация Польши изменила исходные условия для решения «еврейского вопроса» в рамках нацистской системы. Форсирование эмиграции Главным управлением имперской безопасности плавно превратилось в задачу отправки евреев в еще не созданную резервацию. Такую концепцию Гейдрих представил уже 21 сентября 1939 г. в письме, адресованном руководителям оперативных групп. В нем он проводил различие между «конечной целью, требующей более длительных сроков», и промежуточными мерами. Они включали в себя концентрацию евреев в крупных городах, причем аннексированные области, Вартегау и гау Данциг – Западная Пруссия, должны были быть по возможности освобождены от евреев, а в остальных частях Польши до демаркационной линии с Советским Союзом предполагалось создание только нескольких пунктов сосредоточения вблизи железной дороги для облегчения дальнейшей транспортировки. Одновременно Гейдрих распорядился о немедленном образовании еврейских советов старейшин, на которые налагалась ответственность за исполнение поступающих приказов. Эти указания имели предварительный характер, и окончательное территориальное решение еще, очевидно, требовало большей ясности²¹.

Распоряжению Гейдриха предшествовало обсуждение в министерстве обороны 19 сентября и заседание руководителей ведомств полиции безопасности двумя днями позже, на котором рассматривалась возможность выселения евреев из рейха в течение одного года²². К этому моменту Гейдрих планировал создание «еврейской резервации» в окрестностях Кракова, чуть позже – в Люблинской области, то есть на польской территории, полученной от Советского Союза взамен на прибалтийские государства. На совещании руководителей ведомств 29 сентября он говорил

о создании «заповедника» или «гетто», «куда попадут все польские и еврейские элементы, которые подлежат переселению из будущих немецких гау»²³.

Эти еще очень общие планы пересекались с видением, которое Гитлер в то же время представил Альфреду Розенбергу и согласно которому евреи на территории рейха и «все в какой-либо степени ненадежные элементы» должны быть отправлены в генерал-губернаторство. В качестве восточного рубежа выступала Висла, на бывшей немецко-польской границе предполагалось создание широкого германского пояса заселения, а между ними находилась «польская государственность»²⁴.

К масштабным планам Гейдриха добавилось распоряжение генерал-квартирмейстера Верховного командования сухопутных войск выселить всех евреев из Восточной Верхней Силезии в область восточнее Сана, входившую в советскую сферу интересов²⁵. Вскоре после этого начальник полиции безопасности протектората Богемии и Моравии Франц Вальтер Шталекер предложил депортировать несколько тысяч евреев в восточные окрестности Кракова. Эйхман, как руководитель Центрального бюро в Праге, был подключен к этим инициативам и получил от РСХА указание вместе с гауляйтером Силезии Йозефом Вагнером подготовить в Катовице депортацию 70–80 тысяч евреев из Верхней Силезии и Мериш-Острау на другой берег Вислы. Этому приказу, который был издан 6 октября 1939 г., предшествовали переговоры с начальником полиции безопасности в Мериш-Острау. Так или иначе, Эйхман, который с июля 1939 г. возглавлял «Центральное бюро еврейской эмиграции» в Праге, сразу же начал подготовительные работы и незамедлительно приступил к обсуждению с рейхскомиссаром Йозефом Бюркелем возможности распространения принятых мер на австрийских евреев²⁶.

В следующие недели Эйхман проявил чрезвычайную активность, чтобы пустить в ход план депортации, который предполагал строительство перевалочного лагеря в Люблинской области. После лично предпринятой разведывательной поездки вместе с Шталекером Эйхман выделил для запланированного лагеря равнину рядом с деревней Зажече вблизи железнодорожной станции Ниско на реке Сан. Уже 18 октября он распорядился об отправке

первой еврейской подготовительной команды из Мериш-Острау, за которой 20 октября последовала вторая из Вены. В обоих случаях он потребовал, чтобы прежде всего были отправлены рабочие и квалифицированные кадры, а также необходимые инструменты и строительные материалы. При этом членам бригад сознательно давали понять, что депортация будет осуществляться в более-менее цивилизованной форме. Так, им разрешили взять с собой багаж и ограниченные денежные суммы. Однако непосредственно на месте назначения отсутствовали какие-либо условия для жилья и снабжения даже тех депортированных, которые должны были строить бараки. К строительным работам была подключена только малая часть евреев, в то время как большинство были лишены наличных, украшений и ценностей, а также привезенного багажа и угрозами отправлены за демаркационную линию с Советским Союзом.

После эшелонов из Мериш-Острау и Вены, которые состояли из двух-трех тысяч человек, новые уже не формировались, построенные в Ниско бараки были закрыты в апреле 1940 г., а оставшийся коллектив работников из около 500 человек был отправлен обратно в свои прежние места жительства. Таким образом, операция в Ниско окончилась фиаско – по сути, еще до того, как успела начаться. Однако причинами, по которым главное управление полиции безопасности уже 19 октября запретило дальнейшие высылки (хотя Эйхман смог осуществлять их целую неделю после этого), были не негуманное обращение или отсутствие всех санитарных и инфраструктурных условий. Принимая решение о запрете на продолжение операции, Гиммлер гораздо в большей степени отталкивался от отказа вермахта предоставить вагоны для осуществления депортаций²⁷. Кроме того, руководство вермахта считало неверным создавать на восточной границе зону постоянной опасности, поскольку это противоречило идее об использовании генерал-губернаторства в качестве оборонительного рубежа для предстоящего наступления на восточные территории²⁸.

Точка зрения Петера Лонгериха, согласно которой операция в Ниско была «черновым вариантом масштабного плана «окончательного решения»», предполагавшего «физическое уничтожение

евреев, проживавших на территориях под немецким влиянием», преувеличивает значение имеющихся фактов. Намерение «выгнать большую часть евреев за демаркационную линию» или «высадить» их в люблинской резервации и «предоставить самим себе» без снабжения и условий существования действительно имело место. Массовая смерть депортированных также учитывалась изначально. Нацистские чиновники, в том числе Артур Зейсс-Инкварт, Ганс Франк и Одило Глобочник, цинично принимали в расчет, что депортированное еврейское население будет умирать от голода²⁹. Несмотря на это, между установками подобного рода и систематическим уничтожением, начатым год спустя, видна качественная разница. Операция в Ниско представляла собой образцовую попытку продолжить деятельность по выселению иными методами и использовать положение, сложившееся после разгрома Польши, для «генеральной чистки». В упомянутом сообщении гауляйтеру Вагнеру от 6 октября указывалось, что планируемая депортация «служит в первую очередь для того, чтобы набрать опыт и на основе сделанных выводов осуществлять дальнейшую эвакуацию более крупных групп населения»³⁰.

Для Адольфа Эйхмана неудача операции была тяжелым поражением, однако она не была связана с провалом в его карьере. Энтузиазм, с которым он в кратчайшие сроки осуществил высылку эшелонов в Ниско, дал его начальникам повод найти для него более серьезные задания. Поэтому 19 декабря 1939 г. Эйхман был назначен «специальным уполномоченным» в IV управлении недавно учрежденного Главного управления имперской безопасности (РСХА). Гейдрих поручил ему заниматься «централизованной обработкой чрезвычайных политических дел на Востоке», а также логистикой депортаций. Находясь на этом посту, он выстроил строго иерархичный аппарат, в который взял подчиненных из личного круга доверия. Эйхман, таким образом, занимался отнюдь не только депортацией евреев, он отвечал также за выселение польского населения в Вартегау и Западной Пруссии, которое было остро необходимо для того, чтобы освободить место для уже прибывавших немецких переселенцев. В ходе этой деятельности он сформировал навыки, пригодившиеся ему позже при организации эшелонов для «окончательного решения»³¹.

В начале октября 1939 г. Генрих Гиммлер занял должность рейхскомиссара по вопросам консолидации германского народа. Он незамедлительно начал осуществлять масштабную программу переселения, которая, с одной стороны, заключалась в депортации коренного польского населения и евреев в аннексированных областях, а с другой – в размещении «возвращавшихся» прибалтийских немцев и других немецких национальных групп из Восточно-Центральной и Восточной Европы на присоединенных территориях. Программа была следствием закрепленного в германо-советском договоре о дружбе и границе положения о переселении немецких меньшинств из зоны советских сфер интересов. Нагрузку, которую власти рейха взвалили на свои плечи после договора с Советским Союзом, в значительной степени оказывала влияние на процесс решения «еврейского вопроса» в следующие месяцы.

Вынужденная необходимость обеспечить сотни тысяч переселенцев квартирами и рабочими местами, что в итоге достигалось путем экспроприации польской или еврейской собственности и насильственной депортации польских крестьян, создала значительный импульс для усиления репрессий против евреев, хотя в первую очередь дискриминационные меры были направлены против польских крестьян и рабочих. Программа переселения Гиммлера выступала в роли катализатора вытеснения евреев сначала из присоединенных регионов, а затем с территории рейха и протектората Богемии и Моравии. Организационные отделы СД пока не брали в расчет всеохватные депортации, однако постепенно их осуществление входило в повседневную практику и становилось наиболее подходящим методом, чтобы вывести решение «еврейского вопроса» из тупика, в котором оно оказалось.

Радикализация, ставшая следствием депортационной политики Гиммлера, проявилась среди прочего в том, что органы, занятые расселением этнических немцев, не постеснялись задействовать работников программы умерщвления «Т-4» и использовать средство «эвтаназии», для того чтобы освободить необходимые больницы и дома престарелых. Как показал Гётц Ализ³², в ходе операции переселения оперативные группы СС убили более 10 тысяч душевнобольных в окрестностях портовых городов Сви-

немюнде, Гданьска (Данцига) и Штеттина, а позже – в Вартегау. Связь программы умерщвления с планом переселений очевидна, хотя задействованные лица практически не оставили письменных подтверждений, а формальный приказ для осуществления операций также отсутствовал³³. На старой территории рейха программа умерщвления в этот момент находилась лишь на первичном этапе. Всё говорит в пользу того, что и в этом случае депортационная политика стала фатальным обстоятельством, ускорившим осуществление начатых мер.

Чтобы подготовиться к запланированному расселению немецких меньшинств, возвращавшихся из прибалтийских государств, 30 октября 1939 г. Гиммлер отдал приказ о выдворении около 500 тысяч поляков и евреев из Вартегау и гау Данциг – Западная Пруссия³⁴. Евреи подлежали депортации в пока еще не точно определенную местность между Вислой и Западным Бугом. Все мероприятия по переселению следовало осуществить до февраля 1940 года³⁵. И то и другое оказалось совершенно невыполнимым, поскольку необходимый транспорт был недоступен и перемещения таких людских масс не могли быть произведены столь быстро. Гейдрих был вынужден дать обратный ход и скорректировать предыдущие распоряжения. В первом детальном плане, представленном им 28 ноября, предусматривалась депортация 80 тысяч лиц из аннексированных провинций Западной Польши на территорию генерал-губернаторства.

Однако Гейдрих не отказывался от общего проекта, который он хотел осуществить в несколько этапов. Созданный им «Генеральный план переселения в восточных провинциях», помимо депортации евреев и польских элит, предусматривал расовую проверку польского населения. Наиболее «ценные» с расовой точки зрения группы должны были «на длительный срок» устранить нехватку рабочей силы в рейхе, в то время как низшие слои польского населения должны были быть задействованы во временных работах или депортированы в генерал-губернаторство³⁶.

В этой программе, ставшей основой для «Списка германского населения» («фолькслист»), который классифицировал местное население по критерию пригодности к германизации, все без исключения евреи занимали низший уровень. Даже если они вре-

менно не могли быть депортированы, главное доверительное управление «Ост» лишало их имущества и средств существования, что согласовывалось с антисемитским стереотипом о еврейских спекулянтах и позволяло пропаганде заклеить евреев как разносчиков инфекций и морально опустившихся «низших людей»³⁷.

После того как в середине декабря 1939 г. был успешно выполнен первый детальный план с депортацией 87 тысяч человек, Гейдрих представил второй, который соответствовал «генеральному плану» и в соответствии с которым с января до конца апреля 1940 г. вместо прежних 220 тысяч должны были быть выдворены 600 тысяч поляков и евреев, для того чтобы выполнить принятую в конце ноября программу переселения³⁸. Во время этих операций высылка евреев отступала на задний план перед необходимостью освободить пространство для прибалтийских, а позже также волынских и проживавших в Восточной Галиции этнических немцев. Кроме того, почти тотальное лишение имущества еврейского населения в Вартегау снижало материальную заинтересованность задействованных органов в проведении депортации. Результатом стало создание Лодзинского гетто, которое рассматривалось как временная мера, рассчитанная на ближайшие пять месяцев. В первую очередь, оно отвечало задаче внутригородского расселения с приоритетом для этнических немцев. Однако после того как в марте 1940 г. провалился проект «Люблинской резервации», Лодзь стала местом концентрации еврейских жителей Вартегау. Примечательно, что Лодзь была включена в состав Вартегау, и за счет выдворения городского населения, в том числе около 320 тысяч евреев, планировалось обеспечить необходимым жильем иммигрировавших этнических немцев.

Как продемонстрировал Гётц Али, операция переселения в Штеттине, которая затронула почти всю еврейскую общину – более 1100 человек, – проводилась 12 и 13 февраля 1940 г. в первую очередь для того, чтобы разместить немецких иммигрантов с морскими профессиями. Те же самые поезда, на которых переселенцы приезжали в Штеттин, использовались для депортации евреев, проходившей при ужасных внешних условиях и ставшей

причиной нескольких десятков смертей. Схожим образом события развивались во время предпринятой месяц спустя депортации 160 евреев из Шнейдемуля³⁹.

Возраставшее сопротивление депортациям на территорию генерал-губернаторства со стороны Ганса Франка привело к тому, что Гейдрих, несмотря на полученную поддержку Гиммлера, не смог даже приблизиться к выполнению заявленной цели второго детального плана – депортации 600 тысяч евреев и поляков из присоединенных восточных областей. Еще более масштабные планы, включавшие перспективу выдворения 3,4 миллиона поляков, остались существовать только на бумаге. За исключением депортаций из Штеттина и Шнейдемуля, высылка в генерал-губернаторство была приостановлена и в итоге запрещена указом Геринга от 23 марта 1940 г., что было связано с отказом от плана концентрации евреев в Люблинской резервации⁴⁰.

Остановка программ депортации и неудача при создании резервации на восточных территориях нанесли существенный урон репутации РСХА. В письме Риббентропу от 24 июня 1940 г., которое являлось реакцией на вставший между тем на повестку «Мадагаскарский план», Гейдрих должен был признать, что «депортация уже не сможет решить общую проблему около 3,25 миллиона евреев»⁴¹. В созданной в РСХА в конце июля – начале августа 1940 г. концепции «Мадагаскарского проекта» также указывалось, что «решение еврейской проблемы на территории рейха (включая протекторат Богемии и Моравии) путем депортации в ближайшее время не может быть доведено до конца»⁴².

В записке, которую Эйхман приложил к представленному Гиммлером 10 декабря 1940 г. «Докладу о расселении», под заголовком «Депортация как первичное решение еврейского вопроса» также признавалось, что решение может быть достигнуто только «путем выселения евреев с европейского экономического пространства немецкого народа на еще подлежащую согласованию территорию». Так как: «После прибытия масс с Востока устранение еврейской проблемы путем депортации стало невозможным». При этом Эйхман скорректировал реальные данные, противопоставив 873 тысячам выселенных поляков и евреев полмиллиона иммигрировавших этнических немцев. В действитель-

ности, несмотря на использование насильственных методов, были депортированы лишь около 300 тысяч евреев. Для находившегося на рассмотрении всеохватного решения он также подсчитал (с учетом еврейского населения в Западной Европе и Словакии) общее количество евреев в немецкой зоне влияния – 5,8 миллиона⁴³.

Симптоматично, что, несмотря на преходящую конъюнктуру «Люблинского проекта», идея о трансфере за пределы континента не была окончательно отвергнута, как показывают первые приказы о концентрации. Содержательной была также реплика, которую Гитлер сделал в интервью американскому журналисту Колину Россу (симпатизировавшему режиму) 12 марта 1940 г. и в которой проявилось его инстинктивно скептическое отношение к проекту резервации рядом с Люблином: «Создание еврейского государства в окрестностях Люблина также никогда бы не решило проблему, потому что и там евреям пришлось бы существовать в слишком тесных условиях, не соответствующих нормальному жизненному стандарту»⁴⁴. Последние слова, безусловно, не были сказаны искренне, однако они свидетельствовали о неготовности Гитлера принять какой-либо конкретный план.

Фактически депортационная программа Гимmlера и Гейдриха завершилась полным провалом весной 1940 года, и это касалось высылки как польских жителей Вартегау, так и еврейского населения. Вскоре стало понятно, что продолжить депортации в течение ближайшего времени не удастся. В этой ситуации «Мадагаскарский проект» казался искомым выходом из тупикового положения. Идея отправки евреев на Мадагаскар давно существовала в европейском антисемитском движении и была изначально предложена Полем де Лагардом. Когда в мае-июне стало очевидным скорое падение Франции, такая возможность стала прорабатываться различными немецкими ведомствами, однако конкретную форму концепция приобрела только после того, как руководитель отдела D-III (еврейский вопрос) министерства иностранных дел, советник-посланник Франц Радемахер 3 июня представил проект, о котором быстро стало известно в нацистском руководстве⁴⁵. В отделе IV-D-4 инициатива Радемахера вызвала длительную заинтересованность и стала поводом для нача-

ла собственных подготовительных работ, в то же время будучи воспринята как вторжение министерства иностранных дел в закрепленные полномочия РСХА.

При создании проекта Радемахер опирался на экспертизу демографа Фридриха Бургдёрфера, согласно которой на острове могло бы разместиться до 6,5 миллиона человек, то есть почти всё еврейское население в немецкой зоне влияния. Эта оценка была крайне сомнительна и совершенно не учитывала пригодность для европейцев климатических условий⁴⁶.

Поднятие на поверхность «Мадагаскарского плана», который по факту являлся устаревшей концепцией антисемитских идеологов, было не просто маскировочным ходом, для того чтобы скрыть подготовку к физическому «окончательному решению», как неоднократно указывалось в исследованиях. Если Лонгерих из-за утопических черт проекта еще считает его «сознательно предпринятым отвлекающим маневром»⁴⁷, то Гётц Али уместно характеризует его как «план преодоления конфликта»⁴⁸.

Для нацистской системы действительно было типично нейтрализовать конфликты в визионерском ключе. Однако Мадагаскар стал также предметом масштабных организационных работ, как следует из описания проекта, которое Теодор Даннекер 15 августа 1940 г. отправил в министерство иностранных дел по просьбе Гейдриха. В подготовке был задействован целый ряд ведомств⁴⁹. Эйхман также принял активное участие и обращался с запросами в бюро эмиграции и другие службы, чтобы получить более подробную информацию о Мадагаскаре⁵⁰.

Гитлер поддерживал проект. Уже 20 июня 1940 г. он высказал свою положительную оценку гросс-адмиралу Эриху Редеру, а также Бенито Муссолини⁵¹. В августе Геббельс записал по результатам разговора с Гитлером: «Евреев мы хотим позже отправить на Мадагаскар. Там они смогут построить собственное государство»⁵². В преддверии «Мадагаскарского проекта» при однозначном одобрении Гитлера с июля по сентябрь 1940 г. на неоккупированную французскую территорию были депортированы 25 тысяч французских граждан из Эльзаса и Лотарингии, в том числе большое число евреев, а 22–23 октября туда же были высланы 6502 еврея из Бадена и Саарпфальца⁵³.

Осознание того, что Великобритания не готова принять сомнительные мирные предложения Гитлера, а также поражение рейха в воздушной битве над каналом привели к тому, что «Мадагаскарский план», который требовал контроля над морем, стал – по крайней мере, в обозримой перспективе – нереализуемым. Однако идея проекта продолжала существовать и оказывать влияние на конкретные меры в связи с «еврейским вопросом». Ганс Франк удовлетворенно сообщил своим служащим в Кракове, что «после заключения мира планируется транспортировать евреев в африканскую или американскую колонию», возможно в Мадагаскар⁵⁴, и распорядился об отсрочке закрытия Варшавского гетто.

Различные заверения, которые были даны подчиненным Гитлера (включая Ганса Франка), о том, что их территория будет «освобождена от евреев», свидетельствуют о поиске будущего решения за пределами континента. «Мадагаскарский проект» действительно, даже после отказа от операции «Морской лев»*, оставался в повестке дня⁵⁵. Окончательно проект был отправлен в архив в начале 1942 г., хотя Гитлер упоминал возможность депортации еще 2 июня 1942 г. Так, в письме посланнику Бильфельду от 10 февраля Радемахер сообщал, что война с Советским Союзом «предоставила возможность найти другие территории для окончательного решения» и что фюрер принял решение об отправке евреев «не на Мадагаскар, а на восточные территории»⁵⁶.

Летом 1940 года «Мадагаскарский проект» стал последним шансом решить проблему, после того как планы по созданию резервации в генерал-губернаторстве провалились, а слепая отправка еврейского населения на эту территорию столкнулась с упорным сопротивлением Ганса Франка и его подчиненных, поскольку продолжение этой политики подрывало усилия по стабилизации экономики генерал-губернаторства и его превращения в «придаток» рейха. Во всяком случае, 8 июля 1940 г. Франк добился – впрочем, позже частично снова нарушенной – остановки депортаций⁵⁷. В начале января 1941 г., при открытом одобрении

---

* Неосуществленная десантная операция по высадке на Британские острова.

Гитлера, Франку действительно был навязан так называемый третий детальный план Гейдриха, который предусматривал высылку в генерал-губернаторство в общей сложности 831 тысячи поляков и евреев. Однако в марте 1941 г. программу пришлось свернуть из-за нехватки транспорта в связи с готовившимся нападением вермахта на Советский Союз⁵⁸. Доля евреев в этих депортациях, которые казались необходимыми из-за переселения бессарабских немцев, была крайне мала.

«Мадагаскарский проект» являлся предметом активной деятельности Главного управления имперской безопасности, которое считало министерство иностранных дел посягателем на собственную прерогативу. Несмотря на то что проект не вышел за рамки подготовительной стадии, он стал важным катализатором дальнейшего процесса решения «еврейского вопроса». В ходе планирования возникла общая концепция, которая допускала географическую вариативность и выглядела гораздо конкретнее, чем предыдущие планы по созданию резервации, хотя сама цель по ряду причин имела утопический характер. Она выполняла важную функцию перехода к разработке последовавшего «окончательного решения», но пока не содержала в себе идею систематического уничтожения. Мадагаскар со временем всё больше становился синонимом территориального решения за пределами континента.

Ввиду ненадежности этой перспективы в СС начался поиск альтернатив «Мадагаскарскому плану», которые бы не выходили за границы нацистской зоны влияния в Европе. Это следует из письма Теодора Даннекера начала 1941 г., в котором указывалось: «В соответствии с желанием фюрера после окончания войны еврейский вопрос должен быть окончательно решен в пределах занятой или контролируемой части Европы». Эта «колоссальная работа» должна была потребовать «крайне тщательной подготовки, включающей в себя как задания, связанные с процессом депортации, так и организацию продуманной операции расселения на территории, подлежащей дальнейшему определению»⁵⁹.

Очевидно, эта целевая установка легла в основу проекта, который Гейдрих представил Герингу 26 марта 1941 г., и предшествовала распоряжению, отданному Гейдриху 31 июля 1941 г.: «начать

подготовку к общему решению еврейского вопроса в немецкой зоне влияния в Европе». Тогда еще для него отводились сроки после окончания военной операции на Восточном фронте⁶⁰. Всё говорит в пользу того, что этот план возник вслед за тем, как весной 1941 года у Гитлера сформировалось твердое намерение атаковать Советский Союз. Тем самым открывались новые географические возможности для реализации намеченного территориального «окончательного решения еврейского вопроса» путем «депортации на восточные территории».

Предпосылки для этого имелись уже в конце осени 1939 года. При взгляде на динамику развития событий с начала Второй мировой войны становится ясно, что совпадение «еврейского вопроса» с возвращением немецких меньшинств из Восточной Европы стало решающим импульсом для депортации еврейского населения сначала в присоединенных восточных областях, а затем и за их пределами. Вытеснение евреев образовало неразрывную связь с намеченной целью этнической консолидации на востоке Европы, нашедшей выражение в генеральном плане «Ост» Гиммлера. Необходимость разместить массы немцев, прибывавших из прибалтийских стран, Волыни, Галиции, Буковины и Бессарабии, запустила карусель «переселения народов», которое осуществлялось в первую очередь за счет евреев. В то же время процесс национальной консолидации придавал депортации, а позже также ликвидации еврейского населения псевдоморальный смысл, который мог служить оправданием для действий нацистских преступников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИМТ. – Bd. 18. – S. 499–501.

² Das Schwarze Korps. – 24.11.1938; ср. *P. Longenrich*. Politik der Vernichtung. – S. 220.

³ *M. Domarus*. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. – Bd. II. – München, 1965. – S. 1058. Ср. также схожее высказывание в 1931 г.: «Если, несмотря на нашу справедливую политику, дело дойдет до военной конфронтации, потому что мировое еврейство захочет повернуть колесо истории вспять, то это колесо его раздавит»; см. *J. Lukacs*. Hitler. Geschichte und Geschichtsschreibung. – München, 1997. – S. 209. Ср. *H. Mommsen*. Hit-

ler's Reichstag Speech of 30 January 1939 // *History & Memory. Passing into History: Nazism and the Holocaust beyond Memory.* – Vol. 9 (1997). – P. 147–161.

⁴Ср. также детальное описание в: *H.G. Adler. Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland.* – Tübingen, 1974. – S. 9–11; *R. Weingarten. Die Hilfeleistung der westlichen Welt bei der Endlösung der deutschen Judenfrage. Das «Intergovernmental Committee on Political Refugees (IGC)» 1938–1939.* – Bern / Frankfurt a. M., 1981. – S. 124–126. Ср. далее: *M. Brechtken. «Madagaskar für die Juden». Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945.* – München, 1998. – S. 193–194.

⁵Письмо Кейтеля в штаб заместителя фюрера от 27.9.1938 // IMT. – Bd. 25. – S. 484–485; *Sopade-Berichte.* – Bd. V (1938). – S. 1062–1071.

⁶*H.A. Strauss. Jewish Emigration from Germany. Nazi Policies and Jewish Responses. Part I* // *Leo Baeck Year Book XXV* (1980). – S. 326.

⁷*C.R. Browning. Referat Deutschland. Jewish Policy and the German Foreign Office (1933–1940)* // *Yad Vashem Studies XII* (1977). – S. 37–77.

⁸См. запись Клодиуса от 27.1.1938 // ADAP. Serie D. – Bd. V, Nr. 579. – S. 659–661; а также заметку на полях фон Вайцзекера.

⁹Ср. *D. Yisraeli. The Third Reich and the Transfer Agreement* // *Journal for Central European History.* – No. 6/1971. – S. 142; *W. Feilchenfeld, D. Michaelis, L. Pinner. Haavara-Transfer nach Palästina und Einwanderung deutscher Juden 1933–1939.* – Tübingen, 1972. – S. 79–81.

¹⁰ADAP. Serie D. – Bd. V, Nr. 654–655. – S. 767–769, 774–776; *R. Weingarten. Die Hilfeleistung der westlichen Welt.* – S. 132–134.

¹¹Там же. – S. 139–140; *R. Vogel. Ein Stempel hat gefehlt. Dokumente zur Emigration deutscher Juden.* – München, 1977. – S. 234–236.

¹²NG-2586; ср. *H. Krausnick. Judenverfolgung* // *H. Buchheim, M. Broszat, H. – A. Jacobsen, H. Krausnick. Anatomie des SS-Staates.* – München, 1997. – S. 594–595.

¹³ADAP. Serie D. – Bd. V, Nr. 665. – S. 786–788.

¹⁴*U.D. Adam. Judenpolitik im Dritten Reich.* – S. 230–232. Создание центрального бюро опиралось на инициативу Гейдриха от 15 ноября 1938 г., ср. *R. Vogel. Ein Stempel hat gefehlt.* – S. 290.

¹⁵*K. Schleunes. The Twisted Road.* – P. 184–186.

¹⁶*B. Blau. Das Ausnahmerecht für die Juden in Deutschland 1933–1945.* – Düsseldorf, 1954. – S. 9–10.

¹⁷*I. Wójak. Die Memoiren Adolf Eichmanns.* – Frankfurt a. M., 2001. – S. 116–117.

¹⁸*M. Broszat. Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus.* – S. 28.

¹⁹*W. Gruner. Der geschlossene Arbeitseinsatz deutscher Juden. Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung 1938–1943.* – Berlin, 1997; *D. Maier. Arbeitseinsatz und Deportation. Die Mitwirkung der Arbeitsverwaltung bei der nationalsozialistischen Judenverfolgung 1938–1945.* – Berlin, 1994.

²⁰*V. Klemperer. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1941.* – Berlin, 1995.

²¹ *W. Röhr (Hrsg.)*. Die faschistische Okkupationspolitik in Polen (1939–1945). – Köln, 1989. – S. 120–122; PS-3363.

²² PS-2852 // ИМТ. – Bd. 31. – S. 230; ср. *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 252–253.

²³ Цит. по: Там же. – S. 254–255.

²⁴ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/1935 und 1939/1940, hrsg. von Hans-Günther Seraphim. – Göttingen, 1956. – S. 51; ср. *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 255.

²⁵ *H. Krausnick, H. – H. Wilhelm*. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. – Stuttgart, 1981. – S. 40.

²⁶ *H. Safran*. Eichmann und seine Gehilfen. – Wien, 1993. – S. 73–74.

²⁷ Там же. – S. 78–80.

²⁸ См. соответствующие высказывания Гитлера, адресованные Кейтелю 1 октября 1939 г. (PS-864 // ИМТ. – Bd. 26. – S. 377–378.)

²⁹ *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 260–261.

³⁰ *H.G. Adler*. Der verwaltete Mensch. – S. 128; *I. Wojak*. Eichmanns Memoiren. Ein kritischer Essay. – Frankfurt a. M., 2001. – S. 108–109; *M. Wildt*. Radikalisierung und Selbstradikalisierung. Die Geburt des Reichssicherheitsamts aus dem Geist des völkischen Massenmords // Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. – S. 25–26.

³¹ *I. Wojak*. Eichmanns Memoiren. – S. 115–117.

³² *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 114–116.

³³ Там же. – S. 125.

³⁴ *W. Röhr (Hrsg.)*. Die faschistische Okkupationspolitik. – S. 135–136.

³⁵ NO-5586; ср. подробности в: *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 4–6; см. также: *H.G. Adler*. Der verwaltete Mensch. – S. 109–110.

³⁶ *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 70–71.

³⁷ Там же. – S. 130.

³⁸ Там же. – S. 67; *W. Röhr (Hrsg.)*. Die faschistische Okkupationspolitik. – S. 154–156.

³⁹ *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 97–98; *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 267.

⁴⁰ Ср. *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 268–269.

⁴¹ *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 327.

⁴² Письмо Даннекера Радемахеру от 15.8.1940, см.: Там же – S. 341–342; *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 132.

⁴³ Там же. – S. 198.

⁴⁴ ADAP. Serie D. – Bd. VIII. – S. 714–716; ср. *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 114.

⁴⁵ *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 320–321; гипотеза Янсена о том, что меморандум Гимmlера «о политике в отношении этнически

чуждых элементов на Востоке» писался с учетом мадагаскарского проекта, не находить точного подтверждения (S. 318); ср. также *M. Brechtken*. «Madagaskar für die Juden». – S. 228–230.

⁴⁶ *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 273–275.

⁴⁷ Там же. – S. 277; ср. *L. Yahil*. Madagascar. Phantom of the Solution for the Jewish Question // *B. Vago, G.L. Mosse (Hrsg.)*. Jews and non-Jews in Eastern Europe 1918–1945. – New York, 1974. – P. 315–374; см. также *R. Breitman*. – Heinrich Himmler. Der Architekt der «Endlösung». – Zürich, 2000. – S. 191–192.

⁴⁸ *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 134.

⁴⁹ *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 340–342.

⁵⁰ *M. Brechtken*. «Madagaskar für die Juden». – S. 234–235.

⁵¹ *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 326–327; *A. Hillgruber (Hrsg.)*. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. – Frankfurt a. M., 1967. – S. 534–535.

⁵² *J. Goebbels*. Tagebücher. Teil I. – Bd. 4. – S. 284 (запись от 17.8.1940).

⁵³ *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 282–283.

⁵⁴ *H. Frank*. Das Diensttagebuch des Deutschen Generalgouverneurs in Polen. – Stuttgart, 1975. – S. 252.

⁵⁵ *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 360–362; по свидетельству Энгеля, Гитлер упоминал мадагаскарский план в переговорах с Кейтелем, Борманом, Хевелем, Леем и Шпеером 2 февраля 1941 г. (Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Die Aufzeichnungen des Majors Engel, hrsg. von Hildgard von Kotze. – Stuttgart, 1974. – S. 94–95).

⁵⁶ Цит. по: *M. Brechtken*. «Madagaskar für die Juden». – S. 279; ср. также письмо Радемахера Вёрманну от 24 февраля (Там же. – S. 280).

⁵⁷ *G. Eisenblätter*. Grundlinien der Politik des Reichs gegenüber dem Generalgouvernement, 1939–1945. Diss.phil. – Frankfurt a. M., 1969. – S. 187–188.

⁵⁸ Там же. – S. 192–193.

⁵⁹ *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 269; ср. также *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 383–384.

⁶⁰ *G. Aly*. «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – S. 271–272; *H. Jansen*. Der Madagaskar-Plan. – S. 384.

Глава 7

«Война на уничтожение расы» против СССР

Решение атаковать Советский Союз весной 1941 года было принято в тот момент, когда относительно конкретной реализации намеченного «окончательного решения еврейского вопроса» не было никакой ясности. Планы отделить часть бывшей польской территории от генерал-губернаторства и депортировать туда еврейское население и другие «расово непригодные» этнические группы не вышли за рамки предварительной стадии. Спасительное решение – отправление более шести миллионов евреев на Мадагаскар – всё больше отходило в область фантастики, хотя по-прежнему не исключалось осуществление этого или подобного ему «заморского» проекта после ожидаемого в скором времени окончания войны. Идея Гитлера напасть на Советский Союз еще до завоевания Англии изменила перспективы «окончательного решения еврейского вопроса». Казалось, что огромное пространство СССР сможет предоставить неограниченные возможности, для того чтобы депортировать «излишние» славянские этнические группы, в том числе «неподлежащие германизации» части чешского и польского населения, но прежде всего – находившихся в нацистской зоне влияния евреев.

С начала 1941 года, когда шла подготовка к германскому наступлению, Рейнхард Гейдрих занимался проработкой решения «еврейского вопроса» в Европе уже не за пределами континента, а путем создания еврейской резервации «на Востоке», на советской территории за Уралом. Иллюзорное представление о контролируемом РСХА округе особого назначения в Северной Сибири, образцом для которого служили трудовые лагеря ГУЛАГа, возникло именно из этих планов. На реализацию этого проекта

отводились сроки после предполагаемого окончания военных действий на Западном фронте и разгрома Советского Союза в молниеносной атаке.

Стратегическая и логистическая подготовка нападения Германии на СССР оказала влияние на нацистский подход к решению «еврейского вопроса» и в ином ключе. Расчет на то, что в ближайшие месяцы будет завоевана советская империя и тем самым весь европейский континент, стали причиной безграничного высокомерия нацистских руководителей и вызвали слепую уверенность в скором начале образования «великого германского рейха», не принимавшую во внимание судьбу подчиненных восточных народов. Предпосылкой для этого, по мнению Генриха Гиммлера, должна была стать этническая «расчистка» в Восточной Европе, с помощью которой могло быть создано «жизненное пространство на Востоке», за которое ратовала нацистская пропаганда. Еще в июле 1941 г. штандартенфюрер СС Конрад Мейер получил от Гиммлера приказ незамедлительно приступить к разработке генерального плана «Ост»¹. Решение «еврейского вопроса», которое временно, в форме «Мадагаскарского проекта», было отделено от гигантских планов переселения на Востоке, теперь являлось непосредственной составляющей этой инициативы, несмотря на полную неясность относительно ее реализации.

Надменность, с которой нацисты добивались своих целей путем бесцеремонного применения насилия, проявилась уже в действиях в оккупированной польской республике. Она привела к систематической ликвидации польских элит и интеллигенции, а также к лишению имущества, дискриминации и выдворению еврейского населения. Впрочем, тогда еще имелись определенные границы дозволенного. Некоторые военные начальники выступили против преступлений в отношении поляков и евреев, учиненных айнзацгруппами СС и в особенности отрядом специального назначения под командованием группенфюрера СС Удо фон Войрша². Военные суды возбудили несколько дел, однако верховное главнокомандование вермахта оказывало поддержку ответственным армейским начальникам, а вскоре Гитлер также объявил амнистию, под действие которой попали преступления, совершенные против польского мирного населения, в том числе против многих евреев³.

Но в свете предстоящей военной операции против СССР рухнули все барьеры. Нацистские элиты охватило чувство безграничной власти и осуществления идеологических стремлений. Гиммлер был решительно настроен на то, чтобы всеми средствами выполнить порученное ему особое задание. Еще до германского наступления Рейнхард Гейдрих в содействии с генерал-квартирмейстером Эдвардом Вагнером успешно занимался устранением всевозможных противоречий между армией и службами безопасности. В отличие от ситуации в Польше образованные айнзацгруппы СД и полиции безопасности были подчинены не армейским начальникам, а руководителям СС и полиции, которые были разделены по планируемым рейхскомиссариатам. В то же время, согласно «Инструкции об особых областях к директиве № 21 плана “Барбаросса”» от 13 марта 1941 г., команды особого назначения, выделяемые от айнзацгрупп, во время операции могли «осуществлять исполнительные меры в отношении мирного населения самостоятельно, на свою ответственность». Оккупированная территория не получала собственного военного управления (как это было сделано в Польше), а сразу переходила под контроль генерал-комиссаров⁴.

Одновременно с переговорами о специальных задачах Гиммлера, которые, как указывалось в «Инструкции об особых областях к директиве № 21 плана “Барбаросса”», вытекали из «окончательной борьбы двух противоположных политических систем»⁵, Адольф Гитлер объяснял методы постулируемой им «войны мировоззрений» руководству армии. 30 марта 1941 г. он представил 250 высокопоставленным офицерам вермахта сценарий непрерывно жесткой «войны на уничтожение расы», которая предполагала не только разгром Красной армии и советской власти, но и полную ликвидацию советской государственности и физическое устранение части советского населения. Гитлер подчеркивал, что все без исключения политические комиссары и представители коммунистической элиты, являясь носителями большевистской идеологии, должны быть уничтожены и что, как «азиатские преступники», они требуют особо жестокого обращения. «На Востоке жестокость мягка для будущего», – заявил диктатор и нарисовал затем образ врага: «еврейского большевизма», подлежащего уничтожению⁶.

Речь Гитлера не встретила никакого сопротивления присутствовавших командиров войск, и позже также высказывались лишь единичные возражения по поводу его приказа абстрагироваться от гражданско-правовых основ ведения войны. Подавляющее большинство военных начальников разделяло представление о том, что в советском руководстве была велика доля евреев. Особенно в генералитете отождествление большевизма и еврейства пробудило укоренившиеся антисемитские и антикоммунистические стереотипы, которые зародились в период свержения монархии и Ноябрьской революции. Давние антисемитские предубеждения в высшем офицерстве объясняют, почему тирады Гитлера не вызвали достойных упоминания протестов. Они также нашли широкое отражение в приказах некоторых командующих войсками. Так, в приложении № 2 к подписанному Эрихом Гёпнером «Наступательному и боевому руководству 4-й танковой группы» от 2 мая 1941 г. значилось, что предстоящая операция – это «всё та же битва германцев и славян, оборона европейской культуры от московско-азиатского потопа, ниспровержение жидобольшевизма», для представителей которого «не может быть пощады»⁷. Антисемитская направленность этого и многих других подобных заявлений командующих войсками была очевидна.

Верховное главнокомандование вермахта проявило самостоятельную инициативу, облекая идеологические установки Гитлера в форму конкретных приказов. Давление со стороны Гиммлера или Гейдриха для этого не понадобилось. Последний был гораздо в большей степени занят тем, чтобы устранить возможные конфликты с армией. «Комплекс преступных законов», который был разработан Верховным главнокомандованием вермахта и Главным командованием сухопутных войск во многом по собственной инициативе, являлся важной предпосылкой для участия вермахта в аморальной политике режима. Указ о военном судопроизводстве в районе Барбаросса от 13 мая 1941 г. эксплицитно выводил служащих вермахта, совершивших преступления против вражеских гражданских лиц, из-под уголовного преследования. Так же, как приказ о комиссарах от 6 июня и распоряжения об обращении с советскими военнопленными, которые тоже были изданы по инициативе верховного главнокомандования, указ являлся

очевидным нарушением военного права⁸. Отдельные возражения нацистских офицеров и генералов касались опасений по поводу разлагающего действия на армию, но не противоправного характера указа. Приказ о комиссарах также исполнялся повсеместно и никогда не скрывался от войск.

За непрерывное осуществление антисемитской и антибольшевистской программы уничтожения отвечал репрессивный аппарат, который Рейнхард Гейдрих сформировал еще до начала боевых действий и отправил на местность сразу вслед за войсками. Договоренности с генерал-квартирмейстером Эдуардом Вагнером от марта и апреля 1941 г. закрепляли за айнзацгруппами⁹ необычайно широкое пространство деятельности и позволяли им действовать «на собственную ответственность» также и в операционной зоне армии. На практике это приводило к тому, что отряды особого назначения от айнзацгрупп часто продвигались вперед вместе с боевыми подразделениями. Верховное главнокомандование вермахта и командование сухопутных войск были готовы уступить требованиям Гимmlера прежде всего для того, чтобы по возможности избежать «неприятных» происшествий, которые возникали во время операции в Польше, и не нагружать армию политически мотивированными заданиями. Однако этот расчет оказался ошибочным. В действительности с самого начала имело место тесное сотрудничество между армейскими штабами и айнзацгруппами, доставкой которых на места занимался вермахт.

Созданные айнзацгруппы А, В, С и D были распределены по зонам действий отдельных групп войск и подчинены новообразованным комендатурам «Север», «Центр» и «Юг». К ним также следует добавить ряд особых подразделений РСХА: айнзацгруппу особого назначения в Восточной Польше, айнзацкоманды полиции безопасности в Тильзите и Алленштейне, а также оборонные подразделения, которые Гимmlер сформировал из этнических немцев. Айнзацгруппы были разбиты на айнзацкоманды и зондеркоманды, в которые входили служащие войск СС, полиции порядка и местные добровольцы. Таким образом, их состав – особенно в ходе развития военных действий – был крайне разнороден. В то же время командирские должности, как правило, получали руководители СС из гестапо, крипо и СД. Айнзацгруппы

возглавлялись высокопоставленными представителями РСХА, в том числе Отто Олендорфом, Францем Зиксом, Артуром Небе, или заслуженными работниками полиции безопасности, такими как Франц Вальтер Шталекер и Отто Раш. Этот персонал состоял из личностей, тесно связанных с режимом и прошедших идеологическое обучение; многие из них потом также получили высокие посты в аппарате СС.

Анализ биографий начальников айнзацгрупп и непосредственно подчиненных им командиров показывает, что большинство из них занимали должности в аппарате СС и их откомандирование служило проверкой их способностей. Находясь под соответствующим давлением, многие были вынуждены покинуть свой пост в ходе сокращения расходов на военную подготовку¹⁰. Антисемитский настрой был свойственен всему начсоставу, члены которого прошли идеологическую обработку в аппарате СД¹¹. Важную группу составляли претенденты на руководящие должности в СС, дальнейшая судьба которых зависела от успехов при управлении командами айнзацгрупп и которые являлись выраженными карьеристами¹². Они представляли собой квалифицированный, политически мотивированный и идеологически однородный кадровый ресурс, который, за редкими исключениями, мог безоговорочно быть задействован в осуществлении политики уничтожения¹³.

Сразу же после вторжения в Советский Союз возникла конкуренция намерений отдельных айнзацгрупп, которые стремились к тому, чтобы по максимуму «зачистить» свой район. Необходимость регулярно составлять отчеты о проведенной деятельности, которые должны были затем отправляться Гитлеру, только усилила эту тенденцию. Отчеты содержали сведения о достижениях айнзацкоманд и являлись отражением «соревнования за лучшие показатели», которое шло между ними¹⁴. При этом сыграл роль тот факт, что дополнительно задействованные в ликвидации еврейского населения полицейские батальоны и бригады СС многократно демонстрировали более высокие результаты.

В четырех айнзацгруппах служило не более 3000 человек. В айнзацгруппу А входило 990 человек, в айнзацгруппу В – 655, в айнзацгруппу С – 700–800 и в айнзацгруппу D – около 500.

В 1944 году к ним добавились айнзацгруппа F в Венгрии, айнзацгруппа G в Румынии, которая, однако, не успела приступить к работе, и айнзацгруппа H в Словакии, а также непостоянное число айнзацкоманд, дополнительно образованных на позднем этапе военных действий¹⁵. Пугающий кровавый след, который они оставили на оккупированной территории Восточной Польши и Советского Союза, несоизмерим с их общей численностью. Это свидетельствует о косвенной и часто также прямой поддержке акций уничтожения отрядами вермахта, в первую очередь тайной полевой полицией, полевой жандармерией, военно-полевыми командирами и защитными дивизиями, следовавшими за армией. В подготовке транспортных средств, ограждении местности и военном обеспечении участвовали как регулярные воинские подразделения, так и местное военное управление. В Литве и Латвии айнзацгруппы получали существенную поддержку местных сил, которые часто приступали к действиям еще до прибытия немецких войск. Это касалось также Украины и Буковины. В то же время при вторжении на русскую территорию айнзацгруппы сталкивались с тем, что местное население было настроено против преследования евреев, и все усилия, предпринимаемые для того, чтобы склонить жителей к погромам, оставались безуспешными.

В исследованиях долго упускалось из виду, что с июля 1941 г., помимо айнзацгрупп, Гиммлером были подготовлены дополнительные подразделения для выполнения охранных функций, например 1-я бригада СС из 4000 и кавалерийская бригада СС из приблизительно 7200 человек. Рекрутированные из отрядов «Мертвая голова», эти бригады, в отличие от войск СС, не сражались в составе армии, а были подчинены непосредственно штабу рейхсфюрера СС¹⁶. К ним также присоединились сначала 11, а затем в общей сложности 26 полицейских батальонов и отряды местных коллаборационистов. В 1942 г. их общая численность составляла более 160 тысяч, а в 1943 г. – 300 тысяч человек¹⁷. В полицейские батальоны входили далеко не только, как в случае 101-го гамбургского полицейского батальона, отряды пожилых резервистов. Большинство составляли молодые, активные служащие, которые были подвергнуты необходимой антисемитской

индоктринации, для того чтобы успешно выполнять операции по уничтожению¹⁸.

Неоднократно высказывалось предположение о том, что командиры айнцагрупп еще до начала своей деятельности получили якобы существовавший приказ фюрера об уничтожении советских евреев. Такое мнение основывалось на реплике Отто Олендорфа, высказанной им в свою защиту в Нюрнберге, которую он позже сам подкорректировал¹⁹. О приказе фюрера не может быть и речи – так же, как и об устном распоряжении о ликвидации еврейских женщин и детей. На собрании в полицейской академии в Прече незадолго до вторжения и на предшествовавшем ему совещании в дворце Принца Карла 17 июня Рейнхард Гейдрих дал командирам айнцагрупп подробные инструкции, однако подобный приказ об уничтожении ни там, ни там не озвучивался. Хотя разговор шел о «борьбе мировоззрений», которая должна вестись с особой жестокостью и в которой евреи выступали в качестве главных представителей большевистской системы, сами инструкции оставались в рамках, заданных комплексом преступных законов²⁰.

Гейдрих уточнил свои распоряжения в письме руководителям СС и полиции на оккупированной территории Советского Союза от 2 июля 1941 г. и в сообщении Шталекеру, командиру айнцагруппы А. Он указывал, что предусмотренные чистки должны затронуть представителей коминтерна, политиков-коммунистов и высокопоставленных партийных чиновников, народных комиссаров, «евреев на партийных и государственных должностях», а также прочие радикальные элементы²¹. «Самостоятельные попытки ликвидации, предпринимаемые антикоммунистическими или антисемитскими движениями в подлежащих оккупации областях», в том числе направленные против евреев погромы, не должны были пресекаться, однако в то же время командам не следовало открыто их поддерживать и упускать инициативу в пользу местных антисемитов. Приказ позволял достаточно свободно истолковывать круг тех лиц, которых необходимо было незамедлительно уничтожить.

Сравнительный анализ поведения отдельных айнцагрупп показывает, что поначалу они действовали в рамках полученных

указаний и лишь с августа 1941 г. – в некоторых случаях уже в июле – приступили к ликвидации еврейского населения включая женщин и детей²². Это изменение произошло не одновременно и, очевидно, не основывалось на каком-либо едином распоряжении в письменном виде. Согласно общему представлению, основную массу евреев позже ожидала депортация.

На вопрос о том, каким образом мог произойти переход к радикализации айнзацгрупп, исследователи отвечают по-разному. Гипотеза о появлении в середине июля соответствующего приказа, расширявшего первоначальные инструкции и, вероятно, исходившего от Гитлера, не подтверждается источниками. Всё более бескомпромиссный характер применения насилия и расширение круга жертв во многом были самопроизвольными явлениями. Важным фактором при этом было полное отсутствие уголовно-правовых мер и наказаний за бесосновательные нападения и бесчеловечные акты насилия. Идеологическое клише о «жидобольшевизме» и мнимое отождествление еврейства и большевизма были усилены антисемитскими погромами литовских, латышских и украинских жителей, которые чаще всего происходили до появления немецких войск и являлись ответом на террор отступавших отрядов НКВД. Акты саботажа или неповиновения нацистской оккупационной власти в условиях разогретой антисемитской атмосферы приписывались евреям, а ощущение угрозы со стороны еврейских партизан служило оправданием для невмешательства в погромы, которые организовывались местным населением.

Силы безопасности привыкли к тому, чтобы, не выявляя зачинщиков, отвечать на каждое происшествие, которое можно было истолковать как нападение на армию, требованием «покаяния» еврейского населения. Так начались массовые расстрелы. Развитие этой тенденции ускорило, после того как в оккупированных областях, во многом вследствие нацистской политики насилия и устрашения, стала активно вестись партизанская деятельность, которая, впрочем, первоначально не была принята советским правительством²³. По мнению Клауса-Михаэля Маллманна, «убийство евреев, выполнявшее профилактическую функцию борьбы с партизанами, стало важнейшим катализатором эскалации насилия»²⁴.

Так или иначе, в «процессе самовольного расширения полномочий» айнзацгруппы начали убивать не только «евреев на партийных и государственных должностях», но и всех остальных евреев, включая женщин и детей. При этой смене парадигмы сыграл роль тот факт, что конкурировавшие друг с другом бригады СС и полицейские батальоны уже в июле, вероятно получив указание Гиммлера, приступили к зачистке гетто и систематической ликвидации местного еврейского населения, на фоне чего достижения айнзацгрупп стали выглядеть весьма слабо. Активное содействие Гиммлера, который 30 июля 1941 г. распорядился о том, чтобы 2-й кавалерийский полк СС начал расстреливать евреев и загонять женщин в Припятские болота, а в начале августа через Фридриха Еккельна отдал айнзацгруппе С приказ уничтожать всех неработающих евреев, в том числе женщин и детей, ускорило процесс радикализации, который к сентябрю охватил все службы безопасности²⁵.

При взаимодействии РСХА и функционеров на местах была выработана общая целевая установка: предвосхищая предстоящее всеохватное решение, в максимально возможном объеме сократить численность еврейского населения или полностью его ликвидировать. В ответе командира айнзацгруппы А Шталекера на инструкции по урегулированию «еврейского вопроса», пришедшие рейхскомиссаром Остланда Генрихом Лозе 27 июля 1941 г., содержалось упоминание о том, что «на восточных территориях появились новые возможности для решения еврейского вопроса», которые Лозе не предусмотрел. Вместо долгосрочного существования гетто, по мнению Шталекера, положение требовало «почти стопроцентного, полного очищения Остланда от евреев». Таким образом можно было существенно облегчить дальнейшую массовую «депортацию в еврейскую резервацию за пределами Европы»²⁶. При этом Шталекер ссылаясь на несохраняющуюся директиву РСХА по «еврейскому вопросу» от лета 1941 года. Отклоняясь от общей направленности своего письма, он также предложил, возможно по тактическим причинам, создать на территории рейхскомиссариата Остланд временные концентрационные лагеря для евреев²⁷.

Позиция Шталекера указывает на то, что задействованными лицами был достигнут определенный компромисс, предполагавший возможность промежуточного решения для евреев, не затронутых первой смертоносной волной²⁸. Характерным кажется также заявление командира айнзацгруппы В Артура Небе, который уже 23 июля 1941 г. писал в отчете: «Решение еврейского вопроса во время военных действий на этой территории представляется неосуществимым, поскольку из-за чрезмерно большого числа евреев оно может быть достигнуто только путем выселения»²⁹. Это замечание показывает, что, помимо намерения ликвидировать максимально возможное количество евреев, по-прежнему существовало представление о возможной реализации депортаций после окончания военной операции «на Востоке». Такая же амбивалентность на этом этапе присутствовала в высказываниях Гиммлера. Использование военного положения для того, чтобы, опережая общее решение, уничтожить максимально возможное число евреев (как представителей большевизма и зачинщиков сопротивления) на оккупированной части Советского Союза, не являлось для исполнителей противоречием плану депортации евреев в еще не определенную резервацию; напротив, план служил для них оправданием предпринимаемых мер.

Систематические расправы над еврейскими военнопленными и комиссарами, а также бойни, учиняемые в ответ на мнимые акты саботажа, создали атмосферу, в которой прямого приказа об убийстве уже не требовалось. По этой причине часто встречаемые в исследованиях утверждения о том, что обострение деятельности айнзацгрупп стало следствием охотно отданного Гиммлером приказа или же «сигнала» Гитлера³⁰, не соответствуют действительности. Гораздо более вероятным является процесс «саморадикализации», который вписывался в общую тенденцию ужесточения военных действий. При этом следует отметить, что ближе к концу лета, после того как являвшиеся первичными задачи по задержанию и аресту представителей советской власти потеряли актуальность, айнзацкоманды были полностью переориентированы на карательные операции против евреев.

Еще одним фактором, повлиявшим на ужесточение ликвидационной политики в отношении советских евреев, стала всеобщая

нервозность, которая распространилась уже к середине июля 1941 г. на фоне опасений возможной неудачи запланированного блицкрига. На заседании 16 июля в главной ставке в Растенбурге Гитлер представил к обсуждению стратегическое положение и в особенности последствия, вызванные русской партизанской войной³¹. В присутствии Альфреда Розенберга, Ганса-Генриха Ламмера, Вильгельма Кейтеля, а также Геринга и Бормана диктатор возложил на евреев ответственность за упорное сопротивление Советского Союза и потребовал «расстреливать каждого, кто хотя бы косо взглянет»³². Чуть позже Кейтель подчеркнул, что «численность войск, имеющихся в распоряжении для защиты восточных территорий», учитывая размеры пространства, окажется достаточной только в том случае, если «оккупационные силы вызовут ощущение ужаса, которое отнимет у населения всякое желание сопротивляться»³³. Многие говорят в пользу того, что Гиммлер использовал сложившуюся ситуацию, для того чтобы форсировать политику уничтожения на оккупированных территориях³⁴.

Невозможно описать в деталях все стороны процесса реализации курса на уничтожение. Как правило, айнзацкоманды могли опираться на предварительную работу полевых командиров, которые регистрировали евреев и выдавали им особые знаки, лишали их имущества, в ряде случаев – собирали в гетто или трудовых лагерях и привлекали к разного рода работам, а также распоряжались о создании юденратов. Кроме того, айнзацкоманды могли рассчитывать на поддержку служащих сил безопасности при решении задач по транспортировке. В первые месяцы было типичным обосновывать расстрелы мужчин-евреев отсылками на партизанскую деятельность, мародерство, нелегальную торговлю, протесты против оккупационного режима и мнимые или реальные советские преступления. Кроме того, в качестве оправдания акций уничтожения использовались опасность распространения инфекций и подобные аргументы. Если поначалу расправы затрагивали в первую очередь представителей интеллигенции и раввинов, то с конца лета репрессии охватывали уже целые деревни и еврейские общины и были направлены на пла-

номерное сокращение численности еврейского населения путем массовых операций.

Согласно многим признакам, общий переход к систематическим массовым убийствам, которые вплоть до конца июля были лишь исключительным явлением, как правило, связанным с погромами местных группировок, произошел не спонтанно, а осуществлялся в соответствии с обширными планами. К ним относится начавшееся в конце лета 1941 года усиление отрядов, которые были задействованы в ликвидации еврейского населения, путем привлечения бригад СС. При этом кавалерийская бригада СС провела смертоносную операцию в Припятских болотах уже в конце июля: в ходе нее 13788 «грабителей» были расстреляны и еще 714 человек – взяты в плен³⁵. Вслед за ней были осуществлены еще несколько «акций», которые придали преследованию евреев новый масштаб. В то же время ряд «крупных операций» был реализован в зоне действий айнцацгруппы В 322-м полицейским батальоном, кульминацией которых стала особая операция в Могилеве, унесшая жизни 2000 «евреев обоих полов», в том числе, очевидно, и детей. Согласно данным высшего руководителя СС и полиции в Центральной России Эриха фон дем Бах-Зелевски, всего в этих открыто поддержанных Гиммлером акциях до 4 августа уже было убито 30 тысяч человек³⁶.

Эти крупные операции стали отправной точкой для процесса радикализации айнцацгрупп и стратегии создания «зон, свободных от евреев». Во всяком случае, с конца лета айнцацкоманды постепенно стали приступать к массовым расстрелам, которые осуществлялись в тесном сотрудничестве с полицейскими батальонами. Так, айнцацгруппа В к 13 сентября отчиталась о 23804 убитых. Расстрелы женщин и детей постепенно входили в ежедневную практику, а методы проведения крупных операций распространялись повсеместно. Эта стратегия уничтожения была применена и в зоне действий айнцацгруппы С, и в конце августа она привела к резне в Каменце-Подольском, во время которой в течение трех дней были убиты 23600 человек. Главным ответственным за операцию являлся высший руководитель СС и полиции Еккельн. Чудовищные акции под его командованием на Ук-

раине, унесшие жизни 44125 человек за один август месяц, стали предтечей массовых расстрелов в Бабьем Яру.

Среди бесчисленных карательных акций расстрелы в овраге Бабьего Яра под Киевом приобрели печальную известность. В качестве ответа на взрыв нескольких бомб замедленного действия в черте Киева, которые были заложены перед отступлением советских войск, высший руководитель СС и полиции в Южной России Еккельн, командир айнзацгруппы С Раш, начальник зондеркоманды 4а Блобель и городской комендант договорились провести акцию возмездия против киевских евреев. Под предлогом переселения им удалось завести подавляющее большинство евреев в овраг Бабьего Яра и там расстрелять. Согласно данным из отчетов об операции, в течение двух дней 29 и 30 сентября 1941 г. были убиты 33771 человек³⁷.

Особое внимание получило происшествие в украинском городе Белая Церковь, где зондеркоманда 4а вместе с войсками СС расстреляла несколько сотен еврейских мужчин. После расстрелов без всякого попечения и в плачевном состоянии остались 90 сирот в возрасте от одного месяца до шести лет. Когда об этом доложили подполковнику штаба 295-й пехотной дивизии Гельмуту Гроскурту, он потребовал от 6-й армии группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рейхенау предотвратить убийство детей, но оказался не услышан и даже был вынужден принять выговор. Полевому командиру, который настаивал на расстреле «этого отродья», напротив, удалось добиться своего. Этот случай демонстрирует крайний упадок моральных норм, характерный для всех участников преступлений, и в то же время – невозможность оказания какого-либо сопротивления в одиночку, с которой на своем опыте столкнулся Гроскурт³⁸.

Радикальное ужесточение практики расстрелов наблюдалось с конца июля – начала августа и в айнзацгруппе А, которая вместе с несколькими полицейскими батальонами действовала на территории Литвы, Латвии и Белоруссии. Вскоре расстрелы затронули и сельских жителей. Городское еврейское население – за исключением работоспособных граждан, труд которых являлся неотъемлемым для местной экономики – также последовательно уничтожалось. Каратели всё чаще собирали в гетто еврейских жителей,

не вошедших в число жертв ликвидаций, но и обитатели гетто многократно подвергались расстрелам.

Общий масштаб убийств превосходит силу человеческого воображения. Айнзацгруппа А отчиталась о 118 тысячах жертв к середине октября, айнзацгруппа В – о 47467 до 31 октября 1941 г., айнзацгруппа С доложила о 5000 убитых евреев, а айнзацгруппа D 12 декабря 1941 г. сообщила о ликвидации 54696 евреев. К концу осени 1941 года были уничтожены более полумиллиона человек. В то же время расстреливались многие еврейские военнопленные, а еврейские беженцы умирали от голода, эпидемий или оказавшись между фронтами. Холокост начался задолго до того, как он официально стал программой нацистского режима. Общий процесс, описанный здесь лишь схематично, не может рассматриваться как простое следствие «приказа фюрера» или «подписанного Гитлером распоряжения Гиммлера»³⁹.

Столь же неверно было бы ограничивать круг участников массовых расстрелов только айнзацгруппами и прикрепленными к ним Гиммлером бригадами СС и полицейскими батальонами. В действительности повсеместно сформировалось тесное сотрудничество между силами безопасности СС и СД, полицейскими батальонами, тайной полевой полицией, военным управлением, резервными дивизиями, а также гражданским управлением (сразу после того как оно было учреждено). Прямое участие 707-й пехотной дивизии в карательных операциях безусловно – во всяком случае, до конца 1941 года – было исключением, однако косвенная поддержка войск вермахта во время осуществляемых отрядами СС и полиции массовых расстрелов являлась обычной практикой. Солдаты вермахта регулярно участвовали в ограждении территории и исполнении расстрелов, а на уровне локального военного управления имела место «постоянная равная кооперация»⁴⁰.

Менее чем за полтора месяца целенаправленные расстрелы превратились в массовые расправы, и в связи с этим изменились также и техники убийства. Дело доходило до всё более жестоких методов, при использовании которых каратели во многих случаях преступали границу, отделявшую рядовые преступления от более или менее осознанного садизма. Вместо обычных расстрелов, при

которых число жертв равнялось числу стрелков, стали применять более изощренные и зверские методы, для того чтобы уничтожить максимальное число человек с наименьшими усилиями. Евреев заставляли снимать одежду и спускаться в ямы, которые им иногда приходилось вырывать самим и где их убивали выстрелом в затылок или очередь из скорострельного оружия. Жертвами расстрелов становились и дети. Организаторы расправ не задумывались о том, что значило такое жестокое обращение для жертв, а старались лишь смягчить психологически негативные последствия для палачей, оказывая им моральную поддержку в виде алкоголя, премий или внеочередных отпусков либо заменяя их на ненемецких милиционеров.

Когда Гиммлер в середине августа 1941 г. лично присутствовал на одном из расстрелов в Минске – жертвами были сто мнимых партизан, которых Артур Небе, командир айнзацгруппы В, специально для этой цели приказал вывести из тюрьмы, – его реакция была весьма нервной. По окончании операции он произнес речь, в которой заявил о «борьбе как законе природы» и о необходимости защищаться от «паразитов»⁴¹. После этого он озабочился поиском менее психологически травматичных способов убийства и поставил такую задачу перед Небе. Чуть позже к операциям по ликвидации, которые Одило Глобочник проводил в Люблине, были подключены работники программы умерщвления «Т-4». Однако до конца осени преследование осуществлялось крайне неорганизованно, и во многих случаях для увеличения числа карательных акций использовались банальные поводы.

Ликвидационная политика в отношении советских евреев, которая с ноября 1941 г. приобрела всеохватывающий характер, проходила на фоне обостренной антисемитской атмосферы. Пропагандистская идея о «низших людях», таким образом, оказалась действенной. Тем не менее было бы неверно ограничивать этим описание мотивов преступников. Ненависть к евреям не всегда служила первопричиной участия в акциях уничтожения или их оправданием; как правило, речь шла о комбинации идеологических предубеждений и материальных интересов. В «отчетах о событиях» эти установки учитывались и каждый раз для конкретных операций назывались особые причины, как то: саботаж,

поджог, нелегальная торговля, опасность эпидемий, нехватка квартир или связь с партизанами. Подобные причины всегда фигурировали в отчетах, поскольку каратели ощущали инстинктивную потребность во вторичных обоснованиях преступного поведения⁴².

Особенно распространились социальные предрассудки в отношении еврейского населения. По сравнению с местным населением, евреи получали меньший продуктовый рацион и были вынуждены жить впроголодь. Лишившись работы и заработка и оказавшись в крайне жалком положении, евреи зачастую начинали заниматься контрабандой или попрошайничеством, чтобы выжить. Они также не имели возможности следить за одеждой, что дало почву для пропагандистского клише о «люмпен-пролетариате» и во многих случаях приводило к утрате моральных ограничений у большинства населения. Еще большее распространение получили существовавшие стереотипы о евреях как о «лишних ртах», а решением проблемы всё чаще становилось «устранение» по крайней мере той части еврейского населения, которая относилась к числу неработоспособных, – в том числе женщин и детей. Тот факт, что каратели сами создали предпосылки, которые якобы вынудили их действовать подобным образом, является темой отдельного разговора⁴³.

Эти обстоятельства помогают объяснить, почему даже те, кому не были близки идеи нацистского расизма, равнодушно реагировали на жестокие расправы с евреями у всех на глазах и почему нашлось так мало людей, которые, как Бертольд Байц, занимавший тогда должность коммерческого директора компании «Karrathen-Öl», пытались сопротивляться⁴⁴. Пассивное поведение местного населения – особенно в прибалтийских странах и Украине, где жители разделяли позицию карателей, – облегчало организацию расстрелов.

Информация о насильственной политике распространялась быстро. Чиновники немецкого гражданского управления, сотрудники экономических штабов, работники Рейхсбана, ведомства по вопросам труда и Организации Тодта, а также служащие и уполномоченные партии и органов власти знали о происходящем и часто принимали по меньшей мере косвенное участие в создании

гетто, принуждении к труду и начавшейся в итоге ликвидации⁴⁵. Моральная глухота, которая проявилась в этой ситуации и которая приобрела массовый характер всего за несколько недель, поистине ужасает.

Таким образом, сценарий реализации Холокоста существовал уже в октябре 1941 г., однако окончательное решение превратить антиеврейские лозунги Адольфа Гитлера в повседневную практику еще не было принято. После всех предшествовавших событий теперь оно всё больше подразумевало не предварительную подготовку, а непосредственное осуществление преступления, не имеющего аналогов в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *K.H. Roth*. «Generalplan Ost» – «Gesamtplan Ost». Forschungsstand, Quellenprobleme, neue Ergebnisse // *M. Rössler, S. Schleichermacher (Hrsg.)*. Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. – Berlin, 1993. – S. 59–60.

² *K.-M. Mallmann*. Menschenjagd und Massenmord. Das neue Instrument der Einsatzgruppen und Kommandos 1938–1945 // *G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.)*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. Heimatfront und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – S. 295–297.

³ Ср. *G. Eisenblätter*. Grundlinien der Politik des Reichs. – S. 31–33; *H. Krausnick, H.-H. Wilhelm*. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. – S. 80–82.

⁴ «Инструкция об особых областях к директиве № 21 плана “Барбаросса”» от 13 марта 1941 г., см. в: *H. Buchheim et al.* Anatomie des SS-Staates. – S. 478–480.

⁵ Там же. – S. 479.

⁶ Generaloberst Halder. Kriegstagebuch, bearb. von H.A. Jacobsen. – Bd. II. – Stuttgart, 1963. – S. 337.

⁷ *P. Steinkamp*. Die Haltung der Hitlergegner Wilhelm Ritter von Leeb und Generaloberst Erich Hoepner zur verbrecherischen Kriegsführung bei der Heeresgruppe Nord in der Sowjetunion 1941 // *G.R. Ueberschär (Hrsg.)*. NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. – Darmstadt, 2000. – S. 47–61 (приказ Гёппнера см.: S. 162).

⁸ См. в: *H. Buchheim et al.* Anatomie des SS-Staates. – S. 493–495.

⁹ *K.-M. Mallmann*. Menschenjagd und Massenmord // *G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.)*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. – S. 303.

¹⁰ *K.-M. Mallmann*. Die Türöffner der «Endlösung» // *G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.)*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. – S. 455–457.

¹¹ J. Matthäus. Ausbildungsziel Judenmord? Zum Stellenwert der «weltanschaulichen Erziehung» von SS und Polizei im Rahmen der «Endlösung» // ZfG 47 (1999). – S. 667–699; K. Kwiet. Erziehung zum Mord. Zwei Beispiele zur Kontinuität der deutschen «Endlösung der Judenfrage» // M. Grüttner, R. Hachtmann, H. – G. Haupt (Hrsg.). Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. – Frankfurt a. M., 1999. – S. 435–437.

¹² K.-M. Mallmann. Die Türöffner der «Endlösung». – S. 460–461.

¹³ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 304–305.

¹⁴ K.-M. Mallmann. Die Türöffner der «Endlösung». – S. 450.

¹⁵ K.-M. Mallmann. Menschenjagd und Massenmord. – S. 310–312.

¹⁶ Там же.

¹⁷ C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». Entscheidungen und Täter. – Bonn, 1998. – S. 87–88.

¹⁸ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 306–308.

¹⁹ K.-M. Mallmann. Die Türöffner der «Endlösung». – S. 43–45; ср. R. Ogorreck. Die Einsatzgruppen und die «Genesis der Endlösung». – Berlin, 1996. – S. 47–48.

²⁰ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 314–316.

²¹ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 315.

²² Там же. – S. 319–320; K.-M. Mallmann. Die Türöffner der «Endlösung». – S. 438–440; C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». – S. 86–87; A. Streim. Zur Eröffnung des allgemeinen Judenvernichtungsbefehls gegenüber den Einsatzgruppen // E. Jäckel, J. Rohwer (Hrsg.). Der Mord an den Juden im Zweiten Weltkrieg. – Stuttgart, 1985. – S. 107–119.

²³ H. Heer. Die Logik des Vernichtungskrieges. Wehrmacht und Partisanenkampf // H. Heer, K. Naumann (Hrsg.). Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944. – Hamburg, 1995. – S. 104–138; см. также M. Cooper. The Phantom War. The German Struggle against Soviet Partisans 1941–1944. – London, 1979. – S. 17–19.

²⁴ K.-M. Mallmann. Die Türöffner der «Endlösung». – S. 447.

²⁵ C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». – S. 88–89; ср. также C. Gerlach. Die Einsatzgruppe B // P. Klein (Hrsg.). Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeitsberichte und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. – Berlin, 1997. – S. 57. Герлах указывает на то, что такое истолкование фактов может быть не совсем верным, т. к. после встречи с Гиммлером 15 августа Небе сообщал о снижавшихся показателях убийств.

²⁶ C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». – S. 90; письмо Шталекера от 6.8.1941 см. в: H. Mommsen, S. Willems (Hrsg.). Herrschaftsaltag im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1988. – S. 467–469.

²⁷ C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». – S. 110.

²⁸ P. Longerich. Politik der Vernichtung. – S. 396.

²⁹ Цит. по: W. Benz, K. Kwiet, J. Matthäus (Hrsg.). Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und Weißrussland 1941–1944. – Berlin, 1998. – S. 46–48; ср. C.R. Browning. Der Weg zur «Endlösung». – S. 85–86.

³⁰ Там же. – S. 86–87, 95. Браунинг ссылается на высказывания Гитлера во время переговоров с Герингом, Ламмером и Розенбергом о задачах на Восточном фронте 16 июля 1941 г. (IMT. – Bd. 32. – S. 86–94); ср. *R. Breitman*. Der Architekt der «Endlösung». – S. 262–264; *Ph. Burrin*. Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. – Frankfurt a. M., 1993. – S. 142–144.

³¹ Ср. *C. Dieckmann*. Der Krieg und die Ermordung der litauischen Juden // *U. Herbert (Hrsg.)*. Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 326–327.

³² Запись от 16 июля 1941 г. // IMT. – Bd. 38. – S. 86–92.

³³ Дополнение к директиве 33 от 23.7.1941 // IMT. – Bd. 34. – S. 259.

³⁴ *I. Kershaw*. Hitler 1936–1945. – München, 2000. – S. 638–639; *C.R. Browning*. Der Weg zur «Endlösung». – S. 86–87; *M. Burleigh*. Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. – Frankfurt a. M., 2000. – S. 707–708.

³⁵ *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 568.

³⁶ Там же. – S. 371.

³⁷ Там же. – S. 378.

³⁸ *H. Groskurth*. Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940, hrsg. von Helmut Krausnick und Harold Deutsch. – Stuttgart, 1980. – S. 534–536; ср. *C. Streit*. Angehörige der militärischen Widerstands und der Genozid an den Juden im Südabschnitt der Ostfront // *G.R. Ueberschär*. NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. – Darmstadt, 2000. – S. 96–98.

³⁹ Цит. по: *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 417.

⁴⁰ Там же. – S. 407.

⁴¹ *R. Breitman*. Der Architekt der «Endlösung». – S. 280–282; *R. Hilberg*. Die Vernichtung der europäischen Juden. Die Gesamtgeschichte des Holocaust. – Berlin, 1982. – S. 236.

⁴² Там же. – S. 237–238.

⁴³ *U. Herbert*. Vernichtungspolitik. Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des Holocaust // *U. Herbert (Hrsg.)*. Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 59–60.

⁴⁴ *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. – Bonn, 1996. – S. 388–390.

⁴⁵ Ср. прежде всего: *U. Herbert*. Neue Antworten und Fragen. – S. 56.

Глава 8

Восток Европы как полигон для уничтожения евреев

Драматичный сценарий ликвидации большей части коренного еврейского населения на оккупированной территории Советского Союза, жертвами которой к октябрю 1941 года стали более 500 тысяч человек, неизбежным образом оказывал влияние на развитие событий в генерал-губернаторстве, ставшем с начала 1942 г. ключевым центром уничтожения евреев Европы. В генерал-губернаторстве евреи также находились в отчаянном положении, даже если не принимать во внимание расстрелы польской интеллигенции, среди которой было много евреев. Возраставшее число евреев, «выселенных» из Вартегау и Западной Пруссии в генерал-губернаторство, лишь с трудом находили убежище во всё более обособленных от внешнего мира гетто. Хотя 15 марта 1941 г. Герман Геринг отдал приказ о прекращении депортаций, который в определенной степени разрядил ситуацию, преследование евреев быстро усиливалось, и всё более частым явлением становились бессистемные массовые расстрелы евреев полицией безопасности.

Как председатель совета министров по обороне рейха, Геринг, находясь под давлением руководства вермахта, распорядился об остановке выдворения евреев из аннексированных областей. Тем самым он одновременно удовлетворил интересы Ганса Франка, который выступал против использования генерал-губернаторства в качестве «человечьей свалки» и в свою очередь стремился к тому, чтобы каким-либо образом избавиться от живших там евреев. Когда казалось, что Мадагаскарский план был близок к осуществлению, он притормозил процесс образования гетто, и только после того как план был отправлен в архив, решение о создании

гетто в Варшаве и других крупных городах генерал-губернаторства стало окончательным.

Франк надеялся на депортацию «своих» евреев на восточную окраину генерал-губернаторства и прежде всего в Припятскую область, с которой он связывал «сильное сокращение числа евреев» ввиду неблагоприятных климатических условий¹. По этой причине он попытался присоединить к генерал-губернаторству части украинской территории и Белостокского округа, но столкнулся с сопротивлением рейхсминистра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга и рейхсминистра Украины Эриха Коха. Площадь Восточной Галиции, прежде входившей в советскую зону влияния и присоединенной к генерал-губернаторству 17 июля 1941 г. после долгого промедления Гитлера, составляла 37 процентов от довоенной польской территории. Ее включение в состав рейха означало существенное увеличение численности еврейского населения². Франк всё больше предавался иллюзии о возможности депортации еврейских жителей генерал-губернаторства «на восток» после ожидаемого разгрома Советского Союза, однако 14 октября 1941 г. Альфред Розенберг кратко уведомил его о том, что в ближайшее время этот вариант реализовать не удастся³.

Помимо крупнейших гетто в Варшаве и Лодзи, большая часть польских евреев проживала в малых и средних городах или в сельской местности. Операции по выселению евреев из крупных городов (в первую очередь из Кракова), а также из Вартегау и Западной Пруссии повлекли за собой ужасные условия жизни, безработицу и массовую нищету. Распространившиеся случаи экспроприации и дискриминации создавали угрозу базовым правам еврейского населения. Евреи всё чаще становились жертвами репрессий, актов насилия и жестоких нападений. Следующим этапом стали бессистемные расстрелы, которые проводились местной полицией безопасности или другими органами. После введения особых отличительных знаков 11 декабря 1939 г. евреи уже фактически были лишены свободы передвижения. Однако поступающие с различных сторон запросы на образование гетто удовлетворялись лишь частично. Идея о полном отстранении евреев от экономической жизни также по большей части оказалась несостоятельной⁴.

В то же время ситуация в Восточной Галиции после присоединения к рейху приняла драматичный характер. Сразу после появления немецких войск отряды ОУН-Б (организации украинских националистов) под руководством Степана Бандеры смогли беспрепятственно начать резню еврейского населения. Немецкие власти не пресекали их деятельность. Погромы во Львове, которые начались 29 июля 1941 г. при содействии ОУН и продолжались несколько дней, унесли жизни более 10 тысяч евреев. Схожие преступления повторились в Тарнополе, Станиславе* и многих других местах. Погромы подавались как акция возмездия за расстрелы политических заключенных, которые до этого проводились сотрудниками НКВД⁵. Бойни, которые устраивали местные националисты, ничем не уступали смертоносным операциям айнзацгрупп.

В этой же связи следует упомянуть принятые военным управлением и осуществленные полицией безопасности меры по образованию гетто. Им часто сопутствовали систематические убийства. Во Львове рядом с железнодорожным мостом (так называемым «мостом смерти») были расстреляны несколько тысяч евреев⁶. Жестокость, с которой во время переселения уничтожали евреев, не поддается воображению, и эти преступления совершались на глазах у всех жителей⁷. Жертвами становились в первую очередь женщины, дети и пожилые люди, то есть «непродуктивные» группы населения. Акция возле «моста смерти» во Львове была связана с попыткой переселить более 50 тысяч человек и загнать их в маленькое гетто. Однако эту операцию, унесшую огромное количество человеческих жизней, пришлось прекратить на полпути.

Так же, как и строительство концлагерей, раннее образование гетто в Галиции было особым явлением. Еще в условиях военной оккупации были заложены первые основы для систематического преследования еврейского населения. 12 июля 1941 г. военный начальник тыловой зоны армии генерал Карл фон Рокес распорядился о введении отличительных знаков для евреев и установлении денежных сборов. В то же время оккупационные власти

---

* С 1962 г. — Ивано-Франковск.

переняли от генерал-губернаторства контроль деятельности, направленной против евреев, включая введение всеобщей трудовой повинности и строительство трудовых лагерей⁸. Здесь евреи также утратили свободу передвижения. Кроме того, они почти полностью лишились материальных основ существования и были постоянно подвержены репрессиям. Если не считать расстрелов представителей еврейской интеллигенции, проведенных в конце июля в ходе так называемой «акции Петлюры», после ряда эксцессов на первой неделе оккупации области вермахтом ситуация в определенной степени нормализовалась⁹.

После перехода властных полномочий от вермахта к гражданскому управлению в Восточной Галиции обособление и изоляция еврейского населения продолжились, и были предприняты первые шаги к созданию гетто. Однако в целом систематические противоправные действия не осуществлялись вплоть до начала октября 1941 г. – в том числе потому, что генерал-губернатор Ганс Франк по-прежнему надеялся на возможность депортации евреев дальше на восток. Все репрессивные меры были осуществлены в период с сентября 1941 по начало 1942 г.; вероятно, они оказывали взаимное влияние друг на друга и привели в итоге к эскалации. Важную роль сыграл расчет на решающее наступление на Советский Союз в октябре, после которого еврейское население из «старого рейха», протектората Богемии и Моравии, аннексированных областей и генерал-губернаторства могло бы быть депортировано вглубь восточной территории.

Волна насилия, поднятая в Восточной Галиции, перекадилась в генерал-губернаторство. Инициатива по проведению массовых расстрелов в крупных городах, для того чтобы сократить численность еврейских жителей в ходе образования гетто, исходила от полиции безопасности, которая находилась под командованием Эберхарда Шёнгарта. Первым ключевым событием стало «кровавое воскресенье в Станиславе» 12 октября 1941 г., во время которого были ликвидированы две трети еврейской общины – от 10 до 12 тысяч человек¹⁰. До начала зимы подобные акции прошли во многих других городах генерал-губернаторства, таких как Коломыя, Тарнополь, Борислав и Бережаны. Их жертвами стали также евреи, выжившие в лагере Ниско. Эти операции, мотивы

осуществления которых остаются невыясненными, являлись своего рода «подготовительным этапом» дальнейшего «окончательного решения»¹¹.

Впрочем, решающим фактором эскалации уничтожения евреев стали события в Восточной Галиции и Люблинском округе. Не в последнюю очередь это было связано с кадровыми решениями, в особенности с ключевой позицией, которую заняли руководитель СС и полиции в Люблинском округе Одило Глобочник, а также его коллега, высший руководитель СС и полиции в Галиции Фридрих Кацман. Глобочник был смещен с должности гауляйтера Вены из-за валютных махинаций, что не помешало Гиммлеру назначить его в ноябре 1939 г. начальником СС и полиции в Люблинском округе. На благосклонное отношение к себе Глобочник ответил сверхусердием и радикальным фанатизмом. Уже в 1940 году он улучшил свою репутацию, реализовав строительство так называемого «рва вдоль Буга», фортификационной линии параллельно Западному Бугу, для возведения которой им были созданы несколько еврейских лагерей принудительного труда. В июле 1941 г. Гиммлер назначил его личным представителем рейхсфюрера СС по созданию структуры управления СС в генерал-губернаторстве и предоставил ему полномочия по планированию и организации системы опорных полицейских пунктов в Люблинском округе, который служил отправным пунктом в гиммлеровских планах масштабной кампании переселения на восток¹².

Первый детальный проект генерального плана «Ост» был подготовлен начальником планового отдела рейхскомиссара по вопросам консолидации германского народа Конрадом Мейер-Хетлингом 15 июля 1941 года¹³. Глобочник представил Гиммлеру подробные предложения по «очистке» своего округа от евреев и поляков в качестве первого этапа планируемого заселения немцами восточных территорий. Формально подчинявшийся правительству Франка в Кракове, Глобочник отличался чрезвычайной самостоятельностью и пылким рвением, пользуясь при этом особым доверием Гиммлера. Установив в округе личную власть, он контролировал учебный лагерь СС Травники, в котором было подготовлено большинство охранников концлагерей, и занимался

расселением этнических немцев в округе Замосць. В его подчинении находился печально известный концентрационный лагерь на Яновской улице во Львове, который должен был предоставить рабочую силу для учреждений СС. Но, прежде всего, под контролем Глобочника находились немецкие оружейные заводы в Люблине, которые производили обмундирование для войск СС и составляли важную часть проекта будущей экономической империи СС¹⁴.

Помимо выдворения польского и украинского населения в пользу этнических немцев, в центре усилий Глобочника стояло строительство трассы DG IV от Кракова до Львова, которая позже была названа современниками «дорогой СС». В определенной степени DG IV являлась «остатком Припятского проекта и последним пережитком “территориального окончательного решения”»¹⁵. Организаторы депортаций в Припятскую область ожидали, что там евреи погибнут «естественным образом». Теперь их представления были дополнены строительными лагерями DG IV, которые выполняли функцию перехода к масштабному уничтожению польских евреев.

Генрих Гиммлер установил личный контроль над этим проектом, в котором, после того как количества советских военнопленных стало не хватать для строительных работ, были задействованы исключительно еврейские заключенные. Для этой цели Глобочник создал закрытую лагерную систему, которая просуществовала до 1943 года и к которой примыкала сеть лагерей на украинской территории. Строительство велось с применением угроз и издевательств над работниками и в итоге оказалось неуспешным. При отступлении немецких отрядов в конце 1943 г. были готовы всего около 160 километров шоссе¹⁶.

В Галиции ту же стратегию преследовал Фридрих Кацман. Он перенял идею «уничтожения работой» в буквальном смысле и решил эксплуатировать евреев – в первую очередь в дорожном строительстве – до последних физических сил и тем самым лишать их жизни. В возведенных им в большом количестве лагерях принудительного труда, которые были предназначены в первую очередь для строительства DG IV, но также и для других работ, заключенные жили в ужасных и не поддающихся описанию усло-

виях. Кацман сознательно поощрял аморальную эксплуатацию и систематические издевательства, для того чтобы уничтожить максимально возможное число заключенных, за что он даже удостоился критики со стороны гражданской администрации. На совещании с назначенными руководителями лагерей 16 октября 1941 г. он заявил, что совершенно безразлично, погибнет ли «на каждом километре дороги тысяча или десять тысяч евреев». Он приказал незамедлительно расстреливать евреев, неспособных продолжать работу, пытавшихся бежать или снова пойманных. За каждого найденного дезертира расстреливался каждый десятый член его отряда или десять заключенных из его родного поселения¹⁷.

Таким образом, программа террора в лагерях DG IV была изначально нацелена на массовое уничтожение, притом что Глобочник и Кацман переоценили ликвидационный потенциал системы лагерей принудительного труда: по числу убитых они занимали третье место после Белжеца и точек массового расстрела¹⁸. Среднестатистическая продолжительность жизни заключенных составляла от трех до шести месяцев, и общее количество евреев, погибших при строительстве DG IV, составляло в Галиции более 20 тысяч человек, в Люблинском округе – от 50 до 70 тысяч¹⁹. Созданный Глобочником лагерь принудительного труда на Яновской улице во Львове с 35–40 тысячами жертв также входил в число крупнейших лагерей смерти²⁰.

Уничтожение евреев во время исполнения трудовой повинности, которое систематически применялось Кацманом и Глобочником, представляло собой значимое изменение стратегии действий в отношении евреев. С одной стороны, аморальное обращение с измученными заключенными приводило к крайне высоким показателям смертности, с другой стороны, вследствие расстановки приоритетов в пользу эксплуатации труда неработоспособные евреи, которым не позволялось выделять ни питание, ни временное жилье, начали уничтожаться. Условием ликвидационной практики было достаточное наличие еврейской рабочей силы, отправляемой местными ведомствами труда, что позже стало проблематичным. Но когда Кацман начал забирать евреев из оборонозначимых предприятий, он столкнулся с сопротивлением органов вермахта.

Со стороны гражданского управления также поступали нерешительные возражения против жестокого обращения и совершенно недостаточного снабжения заключенных, ответственность за которое возлагалось на юденраты, не имевшие никакой возможности справиться с задачей. Вопиющая коррупция, связанная с этими нарушениями, и личное обогащение самого Кацмана не могли никого удивить²¹.

Форсированная Глобчником и Кацманом программа «уничтожения работой» являлась ответом на специфические обстоятельства в Восточной Галиции и Люблинском округе, но также и во всём генерал-губернаторстве. Стратегия айнзацгрупп и репрессивного аппарата СС на советской оккупированной территории, нацеленная на поголовное уничтожение местного еврейского населения, оказалась несостоятельной. Ввиду высокой доли евреев в общем населении и их ключевой позиции в ремесле и торговле, где они составляли до 90 процентов всей рабочей силы, направленные массовые расстрелы и создание гетто в качестве дополнительной меры не могли быть осуществлены в краткосрочной перспективе. По этой причине айнзацгруппа С сочла необходимым допустить обобщение, которое разделялось и Франком, что еврейство Западной и Центральной Украины почти идентично слою городских рабочих, ремесленников и торговцев. «Если полностью отказаться от еврейской рабочей силы, то восстановление украинской индустрии, а также создание городских центров власти станет практически невозможным». Единственный выход состоял якобы в том, чтобы «приблизиться к решению еврейского вопроса путем введения всеобщей трудовой повинности для евреев». Связанная с этим постепенная ликвидация работников наилучшим образом удовлетворила бы экономические потребности²². Таким образом, эксплуатация евреев стала переходным этапом к уничтожению.

С середины октября 1941 г. на остальной территории генерал-губернаторства также наметилось качественное ужесточение антиеврейских мер. Указ об ограничении передвижений на территории генерал-губернаторства от 15 октября запрещал пребывание евреев за пределами гетто²³. Евреи, нарушившие запрет, могли быть расстреляны полицейскими без суда и следствия.

Поскольку строительство гетто было не завершено, а трудовые лагеря имелись не везде, это привело к беспощадному уничтожению евреев, проживавших не в гетто. Официальной причиной таких мер являлась борьба с инфекциями, и для этого имелся повод, так как систематическое недообеспечение евреев в гетто неизбежным образом привело к распространению туберкулеза и сыпного тифа.

Начиная с конца осени 1941 года Глобочник стал ратовать за дальнейшую радикализацию преследования евреев. В письме, адресованном Гиммлеру 1 октября, он настойчиво просил о личной встрече и сообщал о необходимости немедленного «выдворения чужих народов» для «стабилизации политической обстановки» в регионе²⁴. Данный аргумент был типичной отговоркой при начале антисемитской деятельности. Глобочник стремился к «переселению» евреев из Люблинского округа, для того чтобы обеспечить жильем этнических немцев. Одновременно он занимался выселением польских и украинских граждан. Гиммлер уделил внимание этим намерениям и попросил начальника канцелярии руководителя партии Филиппа Боулера, отвечавшего за программу эвтаназии, направить специалистов операции умерщвления «Т-4» сначала в Ригу, а затем в Люблин, чтобы выполнить технические требования для ликвидации неработоспособных евреев.

Из участников программы «Т-4» был выделен более узкий круг лиц, которые позже координировали систематическое уничтожение еврейского населения в генерал-губернаторстве в ходе так называемой «Операции Рейнхард». В их число входили и коменданты лагерей смерти, построенных во время операции. На встрече Гиммлера с Глобочником 13 октября 1941 г. рейхсфюрер СС дал свое согласие на реорганизацию лагеря Белжец в лагерь смерти²⁵. После гибели Рейнхарда Гейдриха стали использоваться кодовые названия с упоминанием его имени²⁶. В высшем руководстве СС и полиции Люблина появился главный отдел «Рейнхард», который возглавил помощник Глобочника Герман Хёфле. Тем самым был образован отдельный рабочий штаб, впоследствии создавший организационную базу для ликвидации евреев в генерал-губернаторстве.

За беседой с Гиммлером последовала встреча Глобочника с Гансом Франком и рядом ключевых представителей правительства генерал-губернаторства, которая прошла 17 октября 1941 г. и на которой обсуждалась эвакуация евреев из Люблинского округа. По всей видимости, решение об уничтожении евреев в ходе депортации было принято без обсуждения деталей²⁷. Эвакуировать евреев было некуда. Ганс Франк был посвящен в планы строительства лагеря смерти в Белжеце и на ряде заседаний правительства уверенно высказывался в пользу ужесточения мер в отношении евреев.

После появления лагеря смерти Белжец в начале 1942 г. был построен новый центр уничтожения в Собиборе, еще чуть позже в генерал-губернаторстве возник третий лагерь смерти – Трешлинка. Белжец выполнял испытательную функцию, и всё говорит в пользу того, что Адольф Эйхман по поручению Главного управления имперской безопасности (РСХА) посетил лагерь зимой 1941–1942 гг. для подготовки планируемых депортаций евреев с территории рейха²⁸. Строительство шло сравнительно медленно. Очевидно, изначально лагерь предназначался только для жителей окрестностей, и только постепенно туда стали отправляться евреи со всей территории генерал-губернаторства²⁹. Создание лагерей смерти велось с намерением убивать неработоспособных евреев, которые влачили существование при скудных и нечеловеческих условиях в теперь уже изолированных гетто. В извращенной логике организаторов «окончательного решения» такие меры были последовательны, поскольку эти евреи освобождались от «уничтожения работой».

Введение опознавательных карточек для евреев в Люблинском округе подчеркивало это намерение, так как в удостоверения работоспособных евреев ставилась соответствующая пометка. Одновременно в юденраты поступило распоряжение составить списки тех евреев и еврейских семей, «которые работают непродуктивно»³⁰. Так был разработан принцип систематической селекции, который позже рутинно применялся в Освенциме-Биркенау. Он же лежал в основе разделения на лагерь принудительного труда и так называемый лагерь снабжения в Лодзи, а также в Терезиенштадте³¹.

Схожая тенденция наметилась в конце осени 1942 года в аннексированных польских областях. Созданное как временное убежище гетто Лицманштадт (Лодзь) служило пунктом сбора евреев, проживавших в Вартегау и Западной Пруссии. К 1940 г. в нем находилось максимальное число евреев – 160 тысяч человек. Снабжение евреев в гетто составляло всё большую проблему для немецкого гражданского управления. Постепенно становилось ясно, что расходы на обеспечение лагеря и питание заключенных не могли быть покрыты ни за счет имущества присланных евреев, ни за счет продуктов производства мастерских, которые были возведены в гетто немецким управлением³².

Уже в июле 1941 г. штурмбанфюрер СС Хайнц Хёппнер, руководитель СД в Познанском округе, сообщал Эйхману о том, что администрация региона обсуждала планы создания трудового лагеря на 300 тысяч евреев в Вартегау, рядом с угольным бассейном, и последующей стерилизации всех евреев в детородном возрасте, для того чтобы «еврейская проблема была действительно полностью решена в этом поколении». Намерение было очевидно, однако путь к этому «окончательному решению» пока еще не был проложен. Ввиду стремительно ухудшавшейся ситуации в Лодзинском гетто Хёппнер писал: «Существует опасность, что этой зимой не будет возможности обеспечить питанием всех евреев. Следует серьезно обдумать, не будет ли самым гуманным решением устранить нетрудоспособных евреев каким-либо быстроедействующим способом. В любом случае, это будет лучше, чем заставить их умирать от голода». В этом циничном описании проблемы скрывалось псевдоморальное оправдание систематической ликвидации, которая подавалась в виде «самого гуманного решения». Подобную формулировку Гитлер использовал в таком же контексте в своем «политическом меморандуме»³³. Таким образом, Хёппнер предвосхитил принятое в октябре 1941 г. решение использовать передвижные и стационарные газовые камеры для уничтожения еврейского «избыточного населения»³⁴. Начиная с этого момента умерщвление нетрудоспособных евреев ядовитым газом больше не было фантазией. После привлечения к делу особой команды Ланге и работников программы «Т-4» в Хельмно

(Кульмхофе) и Белжеце, позже также в Собиборе и Трешлинке этот метод стал жестокой реальностью.

Эскалация преследования евреев в генерал-губернаторстве была вызвана решением, утвержденным в Берлине после 18 сентября 1941 г.: по крайней мере начать процесс депортации евреев со старой территории рейха и из протектората Богемии и Моравии. Гауляйтеры «старого рейха» настаивали на том, чтобы освободить подконтрольную им территорию от евреев, не дожидаясь окончания войны, несмотря на то что оно было намечено на конец осени. Так, 18 августа Геббельс обратился к Гитлеру с повторной просьбой разрешить депортацию берлинских евреев на восточные территории. «Там в суровом климате им наступит конец, – отмечал министр пропаганды, – и это произойдет сразу после окончания военной кампании на Восточном фронте»³⁵. Хотя Геббельсу не удалось получить разрешение Гитлера, он тем не менее смог добиться согласия фюрера на немедленное введение особых отличительных знаков для евреев.

От Гитлера ждали действий и с другой стороны. 14 сентября Альфред Розенберг, рейхсминистр восточных оккупированных территорий, предложил использовать объявленную Сталиным депортацию поволжских немцев в Сибирь как повод для начала отправки евреев из Центральной Европы в оккупированные восточные районы. Из внешнеполитических соображений Гитлер не стал торопиться с ответом и провел переговоры с Риббентропом, который, очевидно, рассеял сомнения, касавшиеся возможной негативной реакции США. Во всяком случае, в письме гауляйтеру Грейзеру от 18 сентября Гиммлер сообщил, что фюрер хочет, чтобы «как можно скорее, от запада до востока рейх и протекторат были очищены и освобождены от евреев». Поэтому он рассчитывал на то, что можно будет еще до конца года «транспортировать евреев со старой территории рейха и из протектората на восточные присоединенные территории, с тем чтобы весной отправить их еще дальше на восток»³⁶. Копии были отправлены Рейнхарду Гейдриху и высшему руководителю СС и полиции в Вартегау Вильгельму Коппе.

Этим заявлениям была созвучна дневниковая запись Гиммлера от 24 сентября, в которой он пересказывал содержание пере-

говоров с Гейдрихом, состоявшихся днем ранее: берлинских евреев следовало депортировать как можно раньше, но осуществить это удастся только тогда, «когда мы достигнем урегулирования военного положения на Востоке». Он также добавлял, что евреи должны быть отправлены в созданные ГПУ лагеря ГУЛАГа, то есть в прибрежную зону Северного Ледовитого океана³⁷. Из этого следует, что депортацию немецких евреев предполагалось произвести в два этапа; в качестве промежуточной меры рассматривалась их высылка в резервацию за Уралом. Очевидно, Гитлер к этому моменту уступил давлению своего окружения и согласился на депортацию части евреев со старой территории рейха и из протектората в восточные гетто. Гиммлер исходил из общего количества 60 тысяч человек, которых он, как было сообщено гауляйтеру Грейзеру, планировал временно разместить в Лодзинском гетто³⁸.

Гитлер пока еще не спешил принимать окончательные и огульные решения по депортации немецких евреев. Об этом свидетельствует в том числе его сдержанная реакция на предложение Розенберга, которую связной ставки фюрера в министерстве оккупированных восточных территорий Вернер Кёппен выразил следующим образом: «Фюрер пока не принял решения по вопросу репрессий в отношении немецких евреев ввиду ситуации, сложившейся с поволжскими немцами». Он считал необходимым «отложить эту меру до грядущего вступления Америки в войну»³⁹. Здесь скрывалось завязтое представление Гитлера о возможности использования евреев в качестве заложников для принуждения западных держав к требуемому поведению. Логичным образом объявление войны США 11 декабря 1941 г. сняло последние внешнеполитические барьеры, связанные с антисемитской политикой.

Решением депортировать евреев с территории рейха и протектората была достигнута новая качественная ступень преследования. Лодзинское гетто теперь стало важнейшим перевалочным пунктом для евреев из Вартегау. Сначала оно вмещало в себя 164 тысячи евреев из Лодзи, затем также депортированных из рейха, протектората и других городов Вартегау. Гетто, переполненное с самого первого дня, испытывало хронический кризис обеспече-

ния, поскольку экспроприированного еврейского имущества не хватало для того, чтобы компенсировать стоимость расходов на содержание. По этой причине местная полиция безопасности приступила к разделению гетто на лагерь принудительного труда и так называемый лагерь снабжения. Это вызвало недовольство немецкого лагерного начальства, которое было не согласно с тем, что большую часть евреев, не имевших продуктивной работы, заставят умирать медленной голодной смертью. В то же время протесты немецкого управления гетто против новых отправок евреев категорически отклонялись Гиммлером⁴⁰.

В итоге Адольф Эйхман принял компромиссное решение: выслать 20 тысяч евреев, а также 5 тысяч «цыган» в Лодзинское гетто и еще по 25 тысяч евреев – в Рижское и Минское гетто. В конце осени он проявил особую активность и совершил инспекционные поездки в Лодзь и Люблин, чтобы подготовить намеченные депортации⁴¹. У ответственных лиц к этому моменту сложилось представление, в соответствии с которым немецких евреев нужно было отправить в имевшиеся лагеря и гетто, но не убивать их. Вследствие этого была развернута активная деятельность по проведению массовых ликвидаций местных евреев, с тем чтобы освободить пространство для прибывавших немецких евреев. О таком положении дел свидетельствует в том числе письмо, отправленное 25 октября 1941 г. уполномоченным по расовым вопросам в министерстве оккупированных восточных территорий Эрхардом Ветцелем рейхскомиссару Остланда Генриху Лозе. В нем сообщалось, что начальник отдела в канцелярии фюрера Виктор Брак согласился оказать содействие при подготовке «необходимых помещений и газовых аппаратов». Далее Ветцель указывал на координацию данных мер с Адольфом Эйхманом, в свою очередь уведомившим Ветцеля о намерении построить лагеря в Риге и Минске, которые смогли бы принять «евреев с территории старого рейха». «В данный момент евреи эвакуируются из старого рейха в Лицманштадт, а также другие лагеря, для того чтобы позже, при наличии работоспособности, исполнять трудовую повинность на Востоке». Он добавлял, что в то же время не остается «никаких сомнений» по поводу устранения неработоспособных евреев «методами Брака»⁴².

Возведение новых лагерей смерти, безусловно, было связано с освобождением места для евреев, депортированных из старого рейха. Эта «программа обмена» послужила стимулом для перехода к систематическому созданию в лагерях механизмов уничтожения. В концлагере Освенцим осенью начались испытания новых техник отравления газом с применением «Циклона Б». В качестве возможных жертв теперь рассматривались советские военнопленные, а не утратившие трудоспособность евреи. Помимо уже упомянутых лагерей, имелись намерения построить сооружения для массовой ликвидации во Львове, а также в планируемом центре уничтожения в Могилеве⁴³. Вероятно, в тот же временной промежуток Гиммлер пообещал гауляйтеру Грейзеру, что 100 тысяч евреев из Вартегау будут подвержены «особым мерам», по всей видимости в качестве компенсации за отправку в Лодзь немецких евреев⁴⁴. В этот контекст вписывается строительство лагеря смерти в Хельмно (Кульмхоф), где использовались передвижные газовые камеры, которые с ноября 1941 г. применялись в зоне действий айнзацгруппы С и чуть позже в Риге. В Люблинском округе был создан лагерь Белжец, где ту же задачу выполняли стационарные механизмы, однако на первых порах их смертоносный потенциал был ограничен.

Начавшиеся в ноябре 1941 г. депортации из старого рейха вызвали неожиданные протесты. Против первого эшелона, отправленного в Минск, выступило как руководство группы армий «Центр», так и командующий вермахтом в Остланде. Кроме того, рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе и генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе выразили недовольство новыми депортациями, на этот раз используя доводы, касавшиеся вовлечения немецких евреев в операции по уничтожению. В любом случае, РСХА посчитало необходимым временно остановить депортации, однако к тому моменту восемь эшелонов уже были отправлены⁴⁵.

Проектируемый крупный лагерь под Ригой находился тогда только на этапе строительства и был готов не ранее апреля 1942 года. Поэтому пять первых эшелонов, которые должны были попасть из рейха в Ригу, были перенаправлены в Каунас, где депортированные сразу после прибытия в IX форт были расстреляны

3-й айнзацкомандой. Немецкие евреи, которые затем прибыли в Ригу, также были хладнокровно уничтожены. По всей видимости, ликвидация немецких евреев, депортированных в Каунас и, прежде всего, в Ригу выходила за рамки планов РСХА или, во всяком случае, за рамки приказов. Слухи о расстрелах быстро распространились на территории рейха, и Гиммлер счел нужным на определенный срок запретить новые депортации. В записи в своем служебном дневнике, датированной 30 ноября, он отчитался о телефонном разговоре с Гейдрихом, оставив замечание: «Депортация евреев из Берлина. Без ликвидации»⁴⁶. Указание поступило слишком поздно. Депортированные уже были расстреляны во время «особой операции» в Румбульском лесу под Ригой⁴⁷. В связи с этой акцией рейхсфюрер СС обвинил высшего руководителя СС и полиции в Остланде Еккельна в «своеволии» и нарушении директив РСХА⁴⁸.

Впоследствии уничтожение немецких евреев сразу по прибытии в лагеря, как правило, не допускалось, однако о едином алгоритме действий не могло быть и речи. Так, партия немецких евреев, попавшая в конце ноября в Каунас, была ликвидирована незамедлительно. Чтобы освободить место для евреев из старого рейха, было начато массовое «выселение» польских евреев в лагерь уничтожения. О том, что временная пощада евреев с территории рейха имела лишь тактическую причину – удерживать в приемлемых рамках общественные протесты в рейхе, – свидетельствует в том числе циничная запись в дневнике Геббельса от 27 марта 1942 г.: «Гетто, которые освобождаются в городах генерал-губернаторства, теперь будут заполнены евреями из рейха. Спустя некоторое время процесс возобновится»⁴⁹. Это было расчетом на постепенное уничтожение. Для депортированных австрийских и немецких евреев шансы на выживание в гетто также были крайне малы. Многие скончались в течение нескольких недель из-за голода и эпидемий⁵⁰. В то же время в конце 1941 г. общего приказа об уничтожении еще не существовало. По-прежнему имелись многочисленные препятствия, которые вынуждали Гиммлера к аккуратным действиям и которые заставили Гейдриха заглушить протесты, начавшиеся после депортаций обладателей государственных и военных наград, созданием «возрастного гетто» в Терезиенштадте.

Если в берлинских командных пунктах еще проводилась граница между депортацией и ликвидацией, то в сознании исполнителей на местах эта разница становилась всё менее отчетливой. Пока, впрочем, не имелось консенсуса о том, что евреев, находившихся в немецкой зоне влияния, следовало уничтожить⁵¹. Как массовые ликвидации перед депортацией евреев из рейха и протектората, так и временное размещение прибывавших депортированных в польских гетто связывались с ожиданием скорого окончания военных операций. Такая перспектива лежала и в основе обсуждений на Ванзейской конференции 20 января 1942 г., которая подлежит дальнейшему детальному рассмотрению⁵². Поэтому на внутригосударственном уровне меры по ликвидации можно было подать как действия, обусловленные военным положением. При складывавшихся обстоятельствах большинство неработоспособных евреев не могло быть обеспечено питанием и рассматривалось как постоянная угроза немецким войскам и командованию – с одной стороны, по причине инфекционной опасности, с другой стороны, по причине мнимого сотрудничества с партизанами и мятежниками.

Хотя Рейнхард Гейдрих даже через две недели после Ванзейской конференции говорил о том, что неподлежащая германизации часть чешского населения должна быть задействована в качестве охранников в прибрежной зоне Северного Ледовитого океана, куда предполагалось отправить 11 миллионов европейских евреев⁵³, при ухудшении ситуации на фронте эти намерения казались исполнителям на местах всё менее реализуемыми и служили лишь кулисой для того, чтобы меры по «окончательному решению» не выглядели как обычные массовые убийства, каковыми они были в действительности. Очевидно, эта химера по-прежнему была востребована в качестве психологической опоры для планов по уничтожению, которые, ввиду миллионов затронутых евреев, имели утопическую форму.

В марте 1942 г. в Люблинском округе и Галиции был начат переход к систематическому массовому уничтожению. По времени он совпал с инициативой гауляйтера Грейзера по ликвидации «избыточного населения» Вартегау в Кульмхофе. Данная операция была запланирована в конце осени 1941 года и с начала

1942-го шла полным ходом. 13–14 марта Гиммлер находился в генерал-губернаторстве и провел ряд переговоров с высшим руководителем СС и полиции Фридрихом-Вильгельмом Крюгером и Глобочником, которые могли касаться отправки евреев в лагерь принудительного труда и замены еврейских рабочих и специалистов, занятых в индустрии⁵⁴. К этому моменту было завершено строительство второго лагеря смерти Собибор, где использовались стационарные механизмы уничтожения. В мае был сдан в эксплуатацию лагерь Трешлинка. Хотя изначально речь шла о ликвидации только неработоспособных евреев, вскоре дело дошло до огульного уничтожения евреев, населявших гетто.

Одило Глобочник вынуждал рейхсфюрера СС к тому, чтобы издать общий приказ об уничтожении в генерал-губернаторстве, уже в марте 1942 года. Однако пока дело ограничивалось локальными операциями, которые затрагивали Люблин, Львов и города Южной Галиции. После появления Собибора подход изменился. В тесном сотрудничестве с гражданской администрацией были предприняты конкретные подготовительные меры к закрытию существовавших гетто и всеохватной классификации еврейского населения по группам «военно-значимые», «трудоспособные» и «нетрудоспособные». Под контролем высшего руководителя СС и полиции к зачистке гетто и расстрелам была также подключена полиция порядка, которой оказывали содействие небольшие отряды полиции безопасности. В некоторых случаях определенные задачи возлагались также на служащих гражданской администрации.

Депортации в лагерь смерти в пределах региона и сопровождавшие их массовые убийства – в обоих случаях Глобочник играл роль фанатичного подстрекателя – были в полном ходу, когда Люблинский округ 18 июля 1942 г. посетил Генрих Гиммлер. Днем ранее он тщательно проинспектировал лагерь Освенцим-Биркенау и изучил возможности для возведения там дополнительных построек⁵⁵. В Люблинском округе он своими глазами увидел, как производится селекция депортированных евреев и отравление газом. Гиммлер заявил о своем полном удовлетворении Глобочнику⁵⁶, который настоял на расширении полномочий присутствовавших руководителей СС и полиции для проведения

запланированных операций. Не случайно, что Крюгер, который занимал ключевую позицию в деятельности СС и полиции по «еврейскому вопросу», 19 июля отдал распоряжение «завершить переселение всего еврейского населения до 31 декабря 1942 г.» – за исключением нескольких указанных трудовых гетто.

«Эти меры, – говорилось в направленном Крюгеру указе, который отражает самосознание задействованных ответственных лиц, – требуются для необходимого в новом порядке Европы этнического разделения рас и народов, а также в интересах стабильности и чистоты немецкого рейха и его зон интересов. Каждое нарушение этого положения может превратиться в опасность для спокойствия и порядка немецкой сферы общих интересов, отправную точку для движения сопротивления, а также моральный и физический очаг эпидемий». Поэтому должна была быть проведена «тотальная чистка»⁵⁷. Тесная взаимосвязь уничтожения евреев с программой заселения Востока проявилась в документе столь же отчетливо, сколь и завзятая характеристика евреев как подстрекателей и потенциальных носителей сопротивления.

Уже в июне 1942 г. Франк передал свои полномочия по еврейскому вопросу СС⁵⁸. Одновременно с ними СС получали широкую свободу действий. 22 июля эшелоны из Варшавского гетто направились в Треблинку, чуть позже были закрыты и остальные гетто Люблинского округа. Гиммлер подошел значительно ближе к своей цели – германизации Галиции и частей генерал-губернаторства. В то же время начал беспрепятственно работать эйхмановский механизм депортаций. Обусловленная военными причинами всеобщая приостановка эшелонов лишь несильно повлияла на ход карательных акций. Параллельно стала осуществляться высылка евреев с оккупированных территорий Европы, в том числе из Франции и Словакии.

Одержимый навязчивой идеей добиться расовой гомогенности в немецкой зоне влияния, Гиммлер стал всё чаще отдавать приказы о включении в число жертв еврейской рабочей силы. Когда это начало вызывать возмущение, Гитлер занял сторону представителей оборонной промышленности и распорядился о том, чтобы по крайней мере специалисты не подвергались уничтожению хотя бы в ближайшие сроки. СС тем не менее удалось добиться

того, что рабочие в особых лагерях принудительного труда содержались в казармах и находились под строгим надзором, однако на практике это часто создавало проблемы⁵⁹. Евреи смогли выжить только в тех лагерях принудительного труда, которые были неотъемлемы для целей вооружения. Лишь небольшое число смогло сбежать или скрыться от преследователей. Большинство были убиты в операциях, которые внешне напоминали «охоту за зайцами» и в которых принимали активное участие служащие гражданской администрации⁶⁰.

В августе 1942 г. Гиммлер снова приехал в Люблин, чтобы встретиться с Глобочником. Чуть ранее, во Львове, Кацман доложил ему о ходе операций в Галиции. В сентябре Гиммлер еще несколько раз встречался с Глобочником в Кракове. Последний с гордостью объявил о том, что намеченные сроки реализации будут соблюдены. 20 октября Гиммлер издал новое распоряжение об «ускоренном массовом выселении». Помимо умерщвления газом в Треблинке, Майданеке и Собиборе, которые работали на пределе пропускной способности, повсеместно проводились локальные массовые расстрелы, и к концу года большинство гетто могли быть ликвидированы⁶¹. От исходного числа в два миллиона человек к началу 1943 г. в живых остались только 300 тысяч евреев, по большей части – рабочие лагерей принудительного труда и их родственники⁶². После восстаний в Треблинке и Собиборе Гиммлер приказал ликвидировать евреев, продолжавших жить в восточной части генерал-губернаторства. Это распоряжение было реализовано во время операции «Праздник урожая» 2–3 ноября 1942 года⁶³.

Обстоятельства, которые складывались на Украине, несильно отличались от положения дел в генерал-губернаторстве, хотя большая часть украинской территории осталась под контролем военной администрации и более важную роль играло отождествление карателями евреев и партизан. Помимо айнзацгрупп и военной полиции в массовых убийствах участвовала, прежде всего, полиция порядка. После образования рейхскомиссариата 1 сентября 1941 г. обстановка практически не изменилась. Из крупных проектов с использованием принудительного труда особое значение имело лишь строительство трассы DG IV. После многочис-

ленных единичных операций с мая и, главным образом, с июля 1942 г. стали осуществляться крупные массовые ликвидации. Они проводились полицией безопасности совместно с украинскими добровольцами. Антисемитский настрой украинского населения облегчил процесс уничтожения, унесший жизни огромной части местных евреев⁶⁴. В отношении ситуации в Белоруссии можно констатировать, что с марта 1942 г. по март 1944 г. жертвами стали более 400 тысяч человек. При этом, вероятно, еще более важную роль, чем на Украине, сыграл продовольственный кризис⁶⁵.

Если рассмотреть в совокупности массовые убийства в рамках «Операции Рейнхард», которая большей частью была завершена к началу 1944 г., станет очевидным ужасающее число жертв. Хотя невозможно представить деятельность такого масштаба без поддержки берлинского начальства, многое говорит в пользу того, что исходные стимулы к систематическому массовому уничтожению как на оккупированной территории Советского Союза, так и в генерал-губернаторстве поступали с периферии и затем получали одобрительную реакцию центра. Без предложений и проектов Глобочника огульные приказы Гимmlера об уничтожении никогда бы не стали действительностью. Важное значение при этом имели установки подчиненных рейхсфюрера СС, которые контролировали округа и комиссариаты. В каждом случае инициатива принадлежала конкретным лицам, которые развили специфическую преступную активность, – таким как Глобочник, Кацман и Прюцман. Особую ответственность за ликвидации нес Одило Глобочник, который находился под личной протекцией Гимmlера и который похвалил самого себя за то, что «мы имели мужество осуществить этот большой и необходимый проект»⁶⁶.

Тот факт, что переход к тотальному уничтожению евреев произошел в восточных оккупированных областях, где назначенные главы регионов осуществляли собственные инициативы без оглядки на принятые нормы и правовые принципы, был связан не только с личностным, но и с территориальным фактором. Так, пожалуй, лучший специалист по вопросу Дитер Польш пишет о том, что после «экспорта на восток» преследование евреев смогло достичь «уровня геноцида»: «[Т]олько перемещение центра событий в Восточную Европу сделало возможным тот масштаб,

который в итоге приняли массовые убийства»⁶⁷. Именно там радикально настроенные оккупационные власти могли проводить операции, невзирая на юридические или бюрократические препоны, подключать к своим планам локальные антисемитские сообщества и пользоваться почти неограниченной свободой действий.

Полное отсутствие правовых преград и какого-либо контроля вышестоящих органов в восточных областях способствовали развитию криминального мародерства особого характера, в котором смешались идеологический фанатизм, одержимость властью, цинизм, коррупция, кумовство и жажда обогащения. Местные чиновники действовали исходя из ощущения необычайно быстрого карьерного роста и безграничных властных полномочий⁶⁸. Административный аппарат восточных частей генерал-губернаторства, на Украине и в Белоруссии сравнивался с колониальными властями, в которых происходило «своеобразное смешение понятий о бюрократии и дебюрократизации»⁶⁹. За исключением некоторых областей генерал-губернаторства, на восточных оккупированных территориях не могло быть и речи об упорядоченной бюрократической процедуре. Сообразно нацистскому представлению о «народе господ», отдельные начальники могли пользоваться вседозволенностью, что приводило к коррупции, произволу, личному обогащению и применению насилия⁷⁰.

Ввиду недоукомплектования штабов управления на восточных территориях возникло тесное сотрудничество между различными инстанциями гражданской администрации, органов особых дел, партийной организации, Организации Тодта, полевых комендатур и полиции безопасности. Характерные для нацистской системы противоречия между носителями разных полномочий в данном случае просто нельзя было себе позволить. Из-за этого возникла специфическая форма товарищества, которая не в последнюю очередь была связана с подходом к массовому уничтожению евреев, вошедшему в повседневную практику. Небольшое число местных функционеров почувствовало, что при всех обстоятельствах им следует держаться друг за друга. Так отпали все барьеры, стоявшие на пути к поддержке расправ и акций насилия. Убийства евреев стали ежедневным явлением, они происхо-

дили практически перед дверью. Они ни для кого не составляли тайну и способствовали прогрессирувавшему моральному разложению. Вытекавшее из тесной коммуникации стремление к идеологическому выравниванию, свойственное направленным на восточные территории чиновникам и функционерам, как правило, исключало любую возможность сопротивления, тем более что речь шла о персонале, бóльшая часть которого прошла нацистскую индоктринацию.

Возможность опереться на местные антисемитские силы – прежде всего, на Украине, в Литве и в Латвии – облегчила главным исполнителям массовых убийств реализацию их замыслов. Сильные антисемитские течения в генерал-губернаторстве, на Украине и в прибалтийских странах оставили еврейское население абсолютно беспомощным при столкновении с репрессивными мерами немецких оккупационных властей. В то же время еврейское население было поражено масштабом нацистских репрессий, которые не допускали никакого компромиссного урегулирования. Хотя имелись разносторонние попытки еврейского самоутверждения, угнетающая обстановка, в которой царили голод и безнадежность, не позволяла организовать действенное сопротивление. Вооруженная борьба была возможна только в исключительных случаях: несмотря на то что в Восточной Польше, в Белоруссии и на севере Украины против немцев сражались 30 тысяч еврейских партизан, а даже в небольших гетто имелось большое число подпольных группировок, всё это было лишь каплей в море. Во многих ситуациях не хватало времени, для того чтобы создать группы сопротивления, не говоря уже о политической раздробленности еврейских активистов. Образованные немецкой стороной юденраты функционировали отнюдь не только как пассивные исполнители распоряжений оккупационных властей, однако их возможности были существенно ограничены, и было бы ошибочным обвинять еврейских должностных лиц в том, что они не решались оказывать активное противостояние нацистским карателям⁷¹.

О том, чтобы скрыться или сбежать, как правило, нельзя было даже подумать. Лишь в редчайших случаях эти попытки были успешны. Нездоровый перфекционизм и стремление к порядку,

с которыми местные немецкие чиновники вплоть до последнего человека разыскивали и уничтожали еврейских женщин и детей, пытавшихся спрятаться в хлебных полях или в самостоятельно вырытых землянках, были беспрецедентны⁷². Советские партизаны также далеко не всегда были готовы принять в свои ряды голодавших и невооруженных евреев, поэтому количество евреев, которые выжили в отрядах партизан, не так велико⁷³. Для подавляющего большинства евреев объективные условия исключали любую возможность ускользнуть от немецких преследователей.

Это позволяет объяснить, почему столь масштабная программа уничтожения могла быть осуществлена так быстро и без достойных упоминания восстаний. Процесс ликвидации, однажды пущенный в ход бюрократической процедурой, дальше мог развиваться совершенно самостоятельно. Если рассмотреть общую динамику развития геноцида евреев, то оккупированные территории Центрально-Восточной и Восточной Европы предстанут не просто как полигон, а как неотъемлемая почва для Шoa. Депортация и убийство миллионов евреев Восточной Европы были запланированы в берлинских командных пунктах, но «окончательно выбранная политическая форма», то есть практическое осуществление процесса уничтожения, были работой органов на местах. Люблинский округ служил отправной точкой, а «Операция Рейнхард» и предшествовавшие ей акции являлись решающими испытаниями. Чрезвычайная ситуация войны на Восточном фронте, недостатки парализованного уже большевистской властью и, кроме того, радикально антисемитски настроенного населения, полный отказ от письменной отчетности, смесь из импровизации и хаоса, характерная как для гражданской, так и для военной администрации, и отсутствие каких-либо правовых норм сложились воедино, положив начало массовым убийствам, которые невозможно было представить себе до этого⁷⁴.

Решающим фактором являлось лживое представление о том, что осознанно уничтожить жертв «более гуманно», чем оставить их на верную смерть. Практическим последствием этой интерпретации стала ликвидация евреев, считавшихся нетрудоспособными (и тем самым нежизнеспособными). Идеологическая цель создания расового единства начала рассматриваться как нечто

осуществимое, так же как и систематическое уничтожение целых этнических групп. Этот рубикон карательной политики был перейден на восточных территориях, в том числе в форме «Операции Рейнхард». После него огульная ликвидация немецких и западноевропейских евреев могла быть пущена в ход без необходимости более конкретного обоснования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 110–112.

² Ср. там же. – S. 66–67.

³ *H. Frank*. Das Diensttagebuch des Deutschen Generalgouverneurs. – S. 413.

⁴ Подробно см.: *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung im Generalgouvernement. Eine Fallstudie zum Distrikt Lublin 1939–1944. – Wiesbaden, 1999. – S. 124–126.

⁵ Там же. – S. 146–148.

⁶ Там же. – S. 159–161; *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 155–157.

⁷ *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 123–125.

⁸ Там же. – S. 123–124.

⁹ Там же. – S. 126–127.

¹⁰ *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – München, 1996. – S. 150–152.

¹¹ Там же. – S. 151.

¹² *R. Breitman*. Architekt der «Endlösung». – S. 264–266.

¹³ *K.H. Roth*. «Generalplan Ost» – «Gesamtplan Ost». – S. 60–61.

¹⁴ *J.E. Schulte*. Zwangsarbeit und Vernichtung: Das Wirtschaftsimperium des SS. Oswald Pohl und das SS-Wirtschafts-Verwaltungshauptamt. – Paderborn, 2001. – S. 263–265.

¹⁵ *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 142.

¹⁶ Там же. – S. 148.

¹⁷ Там же. – S. 142.

¹⁸ *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – S. 355.

¹⁹ *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 181–183; см. также: *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – S. 170–171.

²⁰ Там же. – S. 338.

²¹ Там же. – S. 144–146.

²² Цит. по: Там же. – S. 134.

²³ Там же. – S. 137–138.

²⁴ Цит. по: *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 203–204.

²⁵ Dienstkalender Himmlers. – S. 233; ср. *P. Witte*. Zwei Entscheidungen in der «Endlösung der Judenfrage». Deportationen nach Łódz und Vernichtung in Chełmno // Theresienstädter Studien und Dokumente. – Prag, 1995. – S. 61. См. также: *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 205. Гипотеза Музиала о наличии связи с мнимым приказом Гитлера об осуществлении европейского «окончательного решения» менее вероятна.

²⁶ Предположение о том, что изначально операция была названа в честь статс-секретаря Фрица Рейнхардта, в пользу которого говорит тот факт, что Гейдрих не занимался этими вопросами, остается неподтвержденным. См.: *H. Weiss*. Offener Brief an Wolfgang Benz wegen Reinhard(t) // *H. Graml et al. (Hrsg.)* Vorurteil und Rassenhass. Antisemitismus in rassistischen Bewegungen Europas. Festschrift für Wolfgang Benz. – Berlin, 2001. – S. 443–450; *B. Perz, T. Sandkühler*. Auschwitz und die «Aktion Reinhard» 1942–1945 // *Zeitgeschichte* 26 (1999). – S. 283–316.

²⁷ *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 196–197. По мнению Музиала, обсуждавшаяся на заседании переправка нескольких тысяч евреев «на другую сторону Буга» была кодовой фразой, подразумевавшей физическое уничтожение. Ср. *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 453.

²⁸ Там же. – S. 455; *I. Wojak*. Die Memoiren Adolf Eichmanns. – Frankfurt a. M., 2001. – S. 181–183.

²⁹ *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 455.

³⁰ Там же. – S. 182, 456.

³¹ *H.G. Adler*. Theresienstadt 1941–1945. Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft. – Tübingen, 1960. – S. 172–174.

³² См. подробно: *C.R. Browning*. Die nationalsozialistische Ghettoisierungspolitik in Polen 1939–1941 // *C.R. Browning*. Der Weg zur «Endlösung». – S. 50–52.

³³ *M. Domarus*. Hitler. Reden und Proklamationen. – Bd. II/2. – S. 2237.

³⁴ *P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 74–75.

³⁵ *J. Goebbels*. Tagebücher. Teil II. – Bd. 1. Juli–September 1941. – München, 1996. – S. 266 (запись от 19.8.1941).

³⁶ Цит. по: *P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 157; ср. также S. 430.

³⁷ *J. Goebbels*. Tagebücher. Teil II. – Bd. 1. – S. 480–481 (запись от 24.9.1941).

³⁸ Письмо Гимлера Грейзеру от 18.9.1941 см. в: *P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 54.

³⁹ Цит. по: *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 431; ср. *C. Gerlach*. Krieg, Ernährung, Völkermord. Forschungen zur deutschen Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg, 1998. – S. 121–123.

⁴⁰ *C.R. Browning*. Der Weg zur «Endlösung». – S. 120–122.

⁴¹ *I. Wojak*. Die Memoiren Adolf Eichmanns. – Frankfurt a. M., 2001. – S. 180–182.

⁴² *H. Buchheim et al.* Anatomie des SS-Staates. – Bd. 2. – S. 235–237; *T. Sandkühler.* «Endlösung» in Galizien. – S. 135–136.

⁴³ *G. Aly.* «Endlösung». – S. 342–344; *C. Gerlach.* The Failure of the Plan for an SS-Extermination Camp in Mogilev, Belorussia // *Holocaust and Genocide Studies* 11 (1997). – P. 60–78.

⁴⁴ *P. Longerich.* Politik der Vernichtung. – S. 452; цит. по: *P. Longerich.* Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 194–195.

⁴⁵ *P. Longerich.* Politik der Vernichtung. – S. 463.

⁴⁶ *Dienstkalender Himmlers.* – S. 277; cp. *G. Fleming.* Hitler und die Endlösung. – Frankfurt a. M., 1987. – S. 88–89.

⁴⁷ Cp. *C. Gerlach.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 94–96.

⁴⁸ Cp. *P. Klein.* Die Erlaubnis zum grenzenlosen Massenmord – Das Schicksal der Berliner Juden und die Rolle der Einsatzgruppen // *R.-D. Müller, H.-E. Vokmann (Hrsg.).* Die Wehrmacht. Mythos und Realität. – München, 1999. – S. 923–925.

⁴⁹ *J. Goebbels.* Tagebücher. Teil I. – Bd. 3. – S. 561; cp. *B. Musial.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 231.

⁵⁰ *C. Gerlach.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 99–101.

⁵¹ *P. Longerich.* Politik der Vernichtung. – S. 464.

⁵² См. главу 9.

⁵³ Речь Гейдриха от 4.2.1942, см. в: *M. Kárný et al. (Hrsg.)* Protektorátní politika Reinharda Heydricha. – Praha, 1991. – S. 212–224 (док. № 61).

⁵⁴ *T. Sandkühler.* «Endlösung» in Galizien. – S. 173.

⁵⁵ Там же. – S. 126–127.

⁵⁶ *R. Breitman.* Architekt der «Endlösung». – S. 325–327.

⁵⁷ Цит. по: *P. Longerich.* Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 201–202; cp. *T. Sandkühler.* «Endlösung» in Galizien. – S. 177.

⁵⁸ *B. Musial.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 576–577.

⁵⁹ См. подробное рассмотрение вопроса: *D. Pohl.* Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement // *U. Herbert (Hrsg.).* Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. – S. 105–107.

⁶⁰ *B. Musial.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 309–311.

⁶¹ *R. Breitman.* Architekt der «Endlösung». – S. 19–21.

⁶² *D. Pohl.* Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement. – S. 106.

⁶³ *B. Musial.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 325–327.

⁶⁴ См. подробный анализ в: *D. Pohl.* Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // *N. Frei, S. Steinbacher, B.C. Wagner (Hrsg.).* Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. – München, 2000. – S. 135–174.

⁶⁵ *C. Gerlach.* Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland, 1941–1943 // *U. Herbert (Hrsg.).* Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 263–290.

⁶⁶ Цит. по: Augenzeugenberichte zu den Massenvergasungen. Der Gersteinbericht // VfZ 1 (1953). – S. 189; ср. *B. Musial*. Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 234–235.

⁶⁷ *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – S. 427–428.

⁶⁸ *G. Aly, S. Heim*. Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Hamburg, 1991. – S. 188–189. В указанном фрагменте говорится о «надклассовой ментальности», которая сформировалась на Востоке.

⁶⁹ *D. Pohl*. Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement. – S. 108–109.

⁷⁰ Там же; *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 414–416.

⁷¹ Ср. описание условий еврейского сопротивления: *Y. Bauer*. Die dunkle Seite der Geschichte. Die Shoah in historischer Sicht. – Frankfurt a. M., 2001. – S. 153–155.

⁷² См. исследование о немецкой оккупационной политике на Украине: *W. Lower*. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. – Chapel Hill, 2005.

⁷³ *Y. Bauer*. Der unbewaffnete jüdische Widerstand gegen die NS-Herrschaft in Osteuropa // *H. Graml et al. (Hrsg.)* Vorurteil und Rassenhass. – S. 331–346.

⁷⁴ *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – S. 405, 408; *T. Sandkühler*. «Endlösung» in Galizien. – S. 146–147.

Глава 9

Освенцим и «окончательное решение еврейского вопроса» в Европе

Решение напасть на Советский Союз, принятое Гитлером несмотря на действующие соглашения о взаимных торговых поставках, означало, что в стратегии, которой нацистский режим придерживался в еврейском вопросе до этого, наступил переломный момент. После провала Мадагаскарского плана и подобных ему заокеанских проектов, а также идей создания резервации на востоке Центральной Европы решение «еврейского вопроса» не продвинулось вперед. В то же время правительство рейха стало острее испытывать необходимость в размещении этнических немцев, возвращавшихся из Советского Союза и прибалтийских государств. Чиновники стали в полной мере рассчитывать на возможность использования восточных территорий, которые должны были освободиться после разгрома СССР, не только для реализации проектов расселения, предусмотренных гиммлеровским генеральным планом «Ост», но и для отправки туда славянского населения генерал-губернаторства и присоединенных к рейху областей. Это стечение обстоятельств Рейнхард Гейдрих намеревался использовать для того, чтобы закрепить за собой исключительные полномочия руководителя РСХА по «еврейскому вопросу» и избавиться от конкурентов в министерстве иностранных дел.

30 января 1941 г. Гитлер повторил свой прогноз, согласно которому еще до конца года политическая ситуация в Европе должна была подвергнуться масштабным изменениям. Перспектива предстоящей войны против Советского Союза создала шанс территориального решения «еврейского вопроса», позволявшего не опасаться вмешательства западных держав. Для высылки еврей-

ского населения на территорию за Уралом при необходимости можно было использовать лагеря принудительного труда, возведенные НКВД в уральских областях. С другой стороны, если бы расчет оправдался, после разгрома СССР Великобритания не стала бы продолжать всё более бесперспективное противостояние, после чего оказалось бы возможным и заокеанское решение «еврейского вопроса».

Вероятно, имея в виду этот сценарий, Рейнхард Гейдрих уже в январе 1941 г. представил нацистскому руководству заготовки плана по «окончательному решению еврейского вопроса в Европе», который в марте он конкретизировал под заголовком «Директивы по обращению с еврейским вопросом». Одновременно Гейдрих заручился формальной поддержкой Германа Геринга для начала подготовительных работ по всеохватному «окончательному решению». Запрошенные полномочия, описание которых было составлено Адольфом Эйхманом и подписано рейхсмаршалом 31 июля 1941 г., дословно выглядели так: «В дополнение к задаче, поставленной распоряжением от 24.1.1939, по выработке наиболее благоприятного в соответствии с обстоятельствами времени решения еврейского вопроса в форме эмиграции и эвакуации, я поручаю Вам провести все нужные приготовления организационного, делового и материального характера для общего решения еврейского вопроса в немецкой зоне влияния в Европе»¹. В дальнейшем Гейдриху поручили «в скорейшем времени» представить общую схему «предварительных мер», касавшихся намеченного «окончательного решения еврейского вопроса»². Формулировка позволяла заключить, что вместо выдворения или создания резерваций должна была осуществляться территориальная альтернатива – на заморских или восточных территориях. В распоряжении, составленном Адольфом Эйхманом, ничего не говорилось о намерении проводить систематическое уничтожение европейских евреев.

Хотя к этому моменту айнзацгруппы уже приступили к масштабным карательным акциям в Советском Союзе, всё говорит в пользу того, что реализация планируемого «общего решения» должна была начаться после окончания боевых действий и ожидаемого поражения СССР в октябре. Несмотря на то что все за-

действованные лица выступали за освобождение территории рейха от евреев, путь к этой цели был туманен.

Впрочем, сначала подготовительные работы отдела IV-B4 ограничивались сбором статистических данных для намеченного «окончательного решения». 7 августа 1941 г. РСХА представило первый справочный отчет о числе проживавших в Европе евреев³. Однако эти планы по-прежнему имели чисто теоретический характер, если не принимать во внимание меры, направленные на ускорение «эмиграции» из Вартегау. Вынужденным образом они занимали центральное место в деятельности Эйхмана, после того как все предыдущие проекты резерваций были отправлены в архив⁴.

Вскоре эти планы столкнулись с реальностью ликвидационной политики на оккупированных советских территориях. Переход к тотальному уничтожению гражданского населения в июле–августе 1941 г. основывался не на всеобщем приказе. Подспорьем для массовой ликвидации служило фиктивное отождествление евреев с партизанами. Инициатива Гиммлера, направленная на форсирование карательных операций на оккупированных советских территориях путем задействования бригад СС и полицейских батальонов и произошедшего осенью включения в число жертв женщин и детей, ознаменовала начало систематического искоренения местного еврейского населения. Этот маневр, совершенный ранней осенью 1941 года, пока ограничивался только советскими евреями и был нацелен на то, чтобы под предлогом боевых действий и до их окончания осуществить предварительные меры, предвосхищающие предстоящее общее решение. В представлении карателей депортация евреев еще не означала или необязательно означала их тотальное уничтожение. Доказательством этому служит уже упоминавшийся меморандум штурмбанфюрера СС Рольфа Хайнца Хёппнера от 3 сентября 1941 г., согласно которому «окончательные решения» еще не были приняты, но требовалась ясность в отношении того, следовало ли «гарантировать определенные условия существования» выдворявшимся группам населения или же «полностью их уничтожить»⁵.

Осенью 1941 года Ганс Франк по-прежнему ожидал промежуточного решения в виде создания резервации «в глубоком Урале». В то же время территориальное «окончательное решение» служило фоном для развернутых карательных операций – в противном случае их эффект выглядел бы каплей в море. Представление о том, что евреи должны быть в конечном итоге депортированы в прибрежную зону Северного Ледовитого океана, которое Гейдрих озвучил Геббельсу еще 23 сентября 1941 г. и повторил сразу после Ванзейской конференции 6 февраля 1942 г. в Праге⁶, также не подразумевало непосредственного уничтожения. Даже для фанатичных антисемитов подобный вариант решения оставался непрактичным.

Ни РСХА, ни политическое руководство не испытывало никаких угрызений совести из-за того, что в ходе намеченного «переселения» евреев могут быть понесены большие человеческие потери. Однако тот факт, что депортации должны были превратиться в систематическое уничтожение еврейского населения, по-прежнему оставался тщательно охраняемым табу нацистской элиты даже во внутренних договоренностях. Строительство первых лагерей смерти, которые отвечали техническим требованиям для систематического «окончательного решения», оправдывалось необходимостью «устранения лишних ртов», то есть неработоспособных евреев, которых в любом случае нельзя было обеспечить питанием⁷. Тем не менее практика разделения между трудоспособными и нетрудоспособными, которая позже также нашла применение в Лодзи, создавала психологический барьер, за которым начинался путь к систематической ликвидации.

Однажды запущенный механизм уничтожения определял процесс принятия политических решений, а не наоборот. Сложно переоценить ту роль, которую сыграло в последующем развитии ситуации согласие Гитлера на депортацию 60 тысяч австрийских и немецких евреев в Люблин 18 сентября 1941 г. Но разрешение Гитлера необязательно предполагало ликвидацию, скорее, дальнейшую депортацию на восток после окончания боевых действий⁸.

В то время как Глобочник, поддержанный Гиммлером, с начала октября 1941 г. пытался ликвидировать неработоспособное

население Люблинского округа и освободить его территорию от евреев, получив при этом санкцию Франка и правительства генерал-губернаторства, дальнейшая судьба евреев, проживавших в старом рейхе и протекторате Богемии и Моравии, оставалась неясной. Для гипотезы Богдана Музиала, согласно которой Гитлер уже в начале октября принял финальное решение, нет достаточных подтверждений, и высказывания диктатора на «круглых столах» не позволяют сделать столь далеко идущих выводов⁹. В лучшем случае Гитлер был проинформирован о переговорах Гиммлера и Глобочника, а также их намерении освободить Люблинский округ от евреев¹⁰.

С другой стороны, Гитлер решил начать депортацию евреев, остававшихся в немецкой зоне влияния, несмотря на военные поражения в Советском Союзе. Так, 6 октября 1941 г. Гитлер заявил, что еврейское население протектората рейха должно быть депортировано, так же как и берлинские и венские евреи. Правительство генерал-губернаторства тоже исходило из ожидания депортации проживавших там евреев. Чуть позже под руководством Одило Глобочника было начато возведение лагеря смерти Белжец¹¹.

Историки спорят о том, в какой момент Гитлер отдал санкцию своим подельникам на реализацию мер по уничтожению евреев Европы. Многие говорят в пользу того, что формальный приказ о тотальном уничтожении евреев никогда не издавался. Очевидно, Гитлер не решался составлять всеохватные и окончательные распоряжения по этому вопросу, вследствие чего его подчиненные, например Генрих Гиммлер, прибегали к использованию мягких формулировок о «желании фюрера»¹². Хотя к Гитлеру регулярно обращались для того, чтобы получить разрешение на мероприятия по депортации, каждый раз речь шла об отдельных операциях и оставалась в рамках общей фиктивной концепции «переселения»¹³. По всей видимости, диктатор опасался формальной идентификации своего участия в принятии непопулярных мер, направленных против евреев.

Противоположный тезис Христиана Герлаха, согласно которому Гитлер принял решение на заседании рейхсляйтеров и гауляйтеров 12 декабря 1941 г., созванном в связи с объявлением войны Соединенным Штатам, при ближайшем рассмотрении не

подтверждается. Война с США действительно означала снятие внешнеполитических барьеров и любых препятствий на пути ужесточения антиеврейской политики. Однако и в этой ситуации Гитлер ограничился повторением в ожесточенной форме своей угрозы из речи 30 января 1939 г., не занимая конкретной позиции по вопросу и не конкретизируя собственных планов¹⁴. Кроме того, его высказывание не играло ключевой роли в выступлении, и присутствовавшие партийные руководители тоже не проинтерпретировали его так. Геббельс также не усмотрел в словах фюрера ничего необычного, в противном случае это отразилось бы в его дневнике. Герлах подкрепляет свой тезис записью в служебном ежедневнике Гимmlера, где описание встречи с Гитлером 18 декабря снабжено комментарием: «уничтожить евреев как партизан»¹⁵. Герлах видит здесь указание на общий, то есть всеевропейский подход к «еврейскому вопросу», предполагавший уничтожение еврейского населения. Но точность этой интерпретации подлежит сомнению. Очевидно, разговор касался продолжения ликвидационной политики в Советском Союзе, затронутого Гитлером в связи с борьбой против партизан¹⁶.

Тем не менее идея о тотальном насильственном устранении евреев постепенно стала распространяться среди нацистских элит, на что оказала влияние тактика, применявшаяся до этого на оккупированных территориях Советского Союза. Так, в своем выступлении 18 ноября 1941 г. Розенберг заявил, что миссия Востока состоит в решении «еврейского вопроса», которое станет возможным только при «биологическом искоренении всего европейского еврейства»¹⁷. Не принимая во внимание тот факт, что даже в этом радикальном заявлении содержалась характерная амбивалентность между вариантом уничтожения в восточноевропейских гетто и высылкой за Урал, конкретные разъяснения дальнейшей стратегии в «еврейском вопросе» по-прежнему отсутствовали в актуальной повестке. Открытым остается и вопрос о том, подразумевало ли согласие Гитлера на депортацию 60 тысяч немецких евреев в сентябре 1941 г. их физическое уничтожение, которое, очевидно, принималось им в расчет в случае восточноевропейских евреев и борьбы с партизанами¹⁸.

Инициатива Гейдриха от июля 1941 г. нашла продолжение на широко известной конференции в вилле по адресу Ам-Гросен-Ванзе 56–58, которая была назначена на 9 декабря 1941 г., но из-за вступления в войну США была перенесена на 20 января 1942 года. С технической точки зрения, речь шла об одном из обычных государственных совещаний, которые заменили приостановленные Гитлером заседания правительства и выполняли задачу координации интересов задействованных органов¹⁹. Необычным было только место проведения конференции, что, вероятно, объяснялось изменением ее сроков. Принятие окончательного решения по поводу дальнейшей стратегии в «еврейском вопросе» было не главным предметом совещания. Центральной темой являлось устранение возможных протестов министерских чиновников против подготовки масштабных планов депортации Рейнхардом Гейдрихом²⁰.

Ванзейская конференция многократно интерпретировалась как решающий стартовый сигнал для осуществления Холокоста, даже как заговор высших властей, однако на самом деле она была лишь этапом на этом пути и в первую очередь была созвана для того, чтобы получить согласие задействованных отделов на требуемое Гейдрихом расширение понятия «еврей», закрепленного в Нюрнбергских расовых законах, с учетом ситуации в Восточной Европе²¹. В то же время она являлась рубликом в процессе форсирования «окончательного решения». Но уничтожение евреев уже давно было в полном ходу, и к моменту проведения Ванзейской конференции жертвами участвовавших массовых убийств в Западной Пруссии, Вартегау и генерал-губернаторстве стали более 900 тысяч евреев.

Айнзацгруппы СД, полиции безопасности и вспомогательные батальоны также уже перешли к систематическому уничтожению евреев. Изменилось только то, что теперь намеченное общее решение «еврейского вопроса» не откладывалось до момента разгрома Советского Союза. Гейдрих был настроен на проведение ликвидации евреев еще во время боевых действий. С точки зрения РСХА, «окончательное решение еврейского вопроса» было ключевой целью войны. Для реальных зачинщиков, включая самого Гитлера, уничтожение евреев было предпосылкой к военному

и политическому поражению советского противника. В том числе по этой причине Гейдрих сначала не хотел допускать переноса сроков Ванзейской конференции.

Конференция, созванная Гейдрихом в вилле на берегу Гросер-Ванзе, выполняла задачу устранения сохранявшихся бюрократических препятствий. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что Гейдрих заручился преимущественным правом эксплуатации еврейской рабочей силы²². Становилось всё более очевидным, что гипертрофированный проект переселения на восток, на котором основывались его планы и который принимал всё большие масштабы в организационных штабах, был нереализуем без использования принудительного труда евреев. Методика уничтожения работ, применявшаяся в оккупированных частях СССР, скрывала наглядное противоречие, которое заключалось в неизбежном уничтожении еврейской рабочей силы, как это уже происходило при строительстве трассы DG IV. Генеральный план «Ост» был не более чем иллюзией еще и по той причине, что достаточного количества переселенцев немецкого происхождения не хватало. Тем не менее предстоящее расселение депортированных евреев на восточных территориях продолжало использоваться в качестве кодовой фразы. Побочной целью Гейдриха было получение согласия от задействованных отделов на расширение определения «еврей» Нюрнбергских расовых законов, которые Гейдрих считал несоответствующими ситуации на Востоке. Эксперты СД с самого начала придерживались мнения о том, что положения закона о гражданине рейха, касавшиеся так называемых полукровок и лиц, состоявших в смешанных браках, были слишком мягки и неприменимы к восточным оккупированным территориям. Однако это привело к конфликту с уполномоченными по делам евреев в министерстве внутренних дел. Гейдрих столкнулся с решительным противостоянием представителя министерства внутренних дел статс-секретаря Вильгельма Штукарта, который выступал против огульной депортации лиц с 1/2 еврейской крови и ухудшения статуса лиц с 1/4 еврейской крови, ссылаясь на позицию Гитлера, но в то же время выразил готовность согласиться на принудительную стерилизацию всех полукровок²³. На следующем совещании, прошедшем 6 марта 1942 г., противоречия по этому

вопросу также не удалось устранить, поскольку Штукарт чувствовал на своей стороне поддержку Гитлера, который – во всяком случае, публично – выражал желание действовать в рамках существовавшей системы Нюрнбергских законов²⁴.

Несмотря на это, Гейдрих, по-видимому, был удовлетворен тем, что изначально предоставленные ему полномочия по подготовке общего решения «еврейского вопроса» на оккупированной территории Европы не были оспорены²⁵. Свой вступительный доклад на Ванзейской конференции он начал с обзора состояния антиеврейской политики. Эмиграцию евреев, по его словам, «теперь, после соответствующего предварительного согласия фюрера, сможет заменить новое альтернативное решение – эвакуация евреев на восток». Формулировка позволяет заключить, что общее разрешение от Гитлера к тому моменту еще не было получено.

Эта эвакуация, как рассказал Гейдрих, должна была затронуть 11 миллионов евреев, которые подлежали отправке на восточные территории для исполнения трудовой повинности. Работоспособных евреев на этих территориях следовало «привлечь большими трудовыми колоннами и при разделении полов... к строительству дорог». В данном случае Гейдрих ссылаясь на воплощенный в действительность Одило Глобчником проект строительства трассы DG IV. В том же контексте встречается формулировка: «...при этом численность [евреев] значительно сократится естественным путем». «К оставшейся наиболее жизнеспособной части, – цинично добавлял Гейдрих, – потребуется особый подход». Подразумевалось ее уничтожение, для того чтобы не возникла «зародышевая клетка для возрождения еврейского общества». Далее Гейдрих, отчасти противореча своим словам, добавил, что «текущие акции следует рассматривать как запасную возможность», но «при этом уже накопился практический опыт, важный ввиду грядущего окончательного решения еврейского вопроса». Тем самым проводилось различие между текущими операциями и будущей целью²⁶. В то же время, если записям Эйхмана можно в определенной степени доверять, не упоминалась давно практиковавшаяся ликвидация подавляющего большинства евреев, сочтенных «нетрудоспособными».

Выступление Гейдриха можно понять, только если считать, что он исходил не из немедленного уничтожения больших частей евреев, а из продолжительной эксплуатации их труда. Этим расчетам соответствовало указание, согласно которому эвакуированных евреев следовало поэтапно разместить в так называемых промежуточных гетто, с тем чтобы оттуда «начать дальнейшую транспортировку на восточные территории»²⁷. Таким образом, здесь вновь звучало представление о том, что после окончания военных действий будет предпринята новая отправка в восточные части Советского Союза, и вместе с ним сохранялась амбивалентность между непосредственным уничтожением и созданием резервации за Уралом. Однако постепенно эта перспектива превратилась просто в речевой оборот, служивший заменой упоминаниям ликвидации²⁸. Слияние актуальной политики и отсылок к воображаемому будущему, которое было столь характерно для Гитлера, отражалось в представлениях его подчиненных.

Из доклада Гейдриха очевидно, что потенциально реализуемый общий план «окончательного решения» до сих пор отсутствовал, так же как и технические условия для осуществления намерений, которые по-прежнему казались участникам утопией. Строительство лагерей смерти к тому моменту находилось только в начальной стадии. 26 февраля Гейдрих писал, что на Ванзейской конференции «к счастью, была проведена основная линия в отношении практического осуществления окончательного решения еврейского вопроса, даже если не во всех деталях»²⁹, но и это было преувеличением. Вопреки планам Гейдриха, Герингу проект так и не был представлен³⁰. В следующие месяцы этап планирования был резко прекращен и отдел IV-B4 перешел к непосредственной реализации депортационной политики. Убийство Гейдриха в Праге придало политике уничтожения новый стимул.

Не признававшееся открыто приближение переломного момента в войне усилило стремления, направленные на то, чтобы в максимально возможном объеме реализовать меры по ликвидации европейских евреев еще до окончания боевых действий, что статс-секретарь Бюлер назвал на Ванзейской конференции «определенными подготовительными работами»³¹. Чем более становилось ясным, что те северо-восточные области, которые были

предназначены для депортации, уже не окажутся доступны, тем сильнее смешивались конкретные актуальные задачи и абстрактная будущая цель. Ключевую роль в политике уничтожения стал играть Освенцим-Биркенау, где суждено было погибнуть большинству евреев, высланных из Центральной и Западной Европы.

В этом процессе радикализации, который основывался на взаимодействии центральных органов в Берлине и исполнителей на местах, Гитлер выполнял в основном функцию легитимирующей инстанции. Упоминание Гейдрихом «предварительного согласия фюрера» позволяло заключить, что инициатива во всей начатой операции исходила не от Гитлера. Не следует считать случайным, что формальных приказов диктатора, касавшихся осуществления «окончательного решения», так и не удалось обнаружить и, по-видимому, он ограничивался тем, чтобы требовать от своих подчиненных более активных действий и выдавать свое разрешение на частичные операции. Это объяснялось и его инстинктивным стремлением к тому, чтобы формально оставаться в стороне от политики уничтожения (которая, как он понимал, не пользовалась народной поддержкой), но в то же время поддерживать ее разжигающей риторикой. Он избегал любого прямого контакта с лагерями смерти и запрещал обсуждать массовые убийства в его присутствии. Его высказывания либо имели чисто идеологический характер, либо оставались в рамках официального дискурса. Характерно, что предназначенный для личного пользования диктатора обзор уже предпринятых мер по ликвидации, подготовленный статистиком СС Рихардом Корхерром, так называемый отчет Корхерра, в январе 1943 г. перед представлением Гитлеру (позже также несостоявшемся) был подкорректирован, и броские кодовые названия, такие как «особые меры», были заменены на «транспортировка» или «перемещение»³².

Высказывания Гитлера, затрагивавшие этот комплекс проблем, как правило, подразумевали «окончательное решение еврейского вопроса», которое предстояло лишь в будущем. Он сохранил эту привычку, и когда Холокост был почти полностью реализован, по-прежнему ссылаясь в своих выступлениях на данные о численности еврейского населения от 1938 г., то есть на давно устаревшие сведения³³. Таким образом, Гитлер, по крайней

мере, внешне избегал указаний на свое участие в конкретных мерах по ликвидации. Его всегда пропагандистски окрашенному политическому мировоззрению было свойственно постоянное помещение преследования евреев в разряд грядущих событий. Он уделял мало внимания фактическому проведению политики уничтожения и, в отличие от Гимmlера, не посетил ни одного лагеря смерти. Фюрер возложил осуществление конкретных мер на своих подчиненных и ограничился выдачей отдельных разрешений, речь в которых каждый раз шла о «переселении».

Однако это не мешало Гитлеру постоянно варьировать ту угрожающую речь, которую он произнес 30 января 1939 г., когда любое решение, отличное от депортации, выходило за рамки представлений даже тех, кто позже отдавал приказы об убийствах³⁴. Его непубличные заявления содержали в себе ужасную ненависть и нечеловеческую жажду расправы, но были далеки от конкретных шагов по уничтожению. По этой причине не мог состояться нормальный процесс принятия решений с рациональным взвешиванием преимуществ и недостатков и рассмотрением вероятных конфликтов интересов. Расплывчатая теневая зона, в которой осуществлялись репрессии против евреев, не позволяла тем, кто пытался обратить внимание на защиту политических интересов, включая задачи обороны, действительно выразить свою позицию. Гитлер регулярно пытался устранить подобные конфронтации и отсылал всех просителей по этому вопросу, включая Ганса Франка, к Гимmlеру³⁵.

У нацистских сатрапов могло создаться впечатление, что не Гитлер, а Гимmlер был подлинным зачинщиком Холокоста. Это выглядело весьма правдоподобно, так как руководитель СС был постоянно занят воплощением в действительность воображаемых образов своего начальника. По этой причине на совещании гау- и рейхсляйтеров в Познани 4 октября 1943 г. рейхсфюрер СС решил открыто заявить о массовых убийствах, чтобы не оставаться единственным виновником уничтожения евреев. Раскрывая преступления, он хотел распределить ответственность за преступления между подчиненными³⁶. В своей речи он признал «истребление» женщин и детей и заявил о «заслуге СС» в выполнении этого тяжелого задания, «которая никогда не была и не будет признана».

В то же время в ряде подобных выступлений, в том числе 6 октября и в декабре перед ведущими офицерами вермахта, он отметил усилия, направленные на то, чтобы замести следы преступления и таким образом ускользнуть от истории. Тенденция к сокрытию неприятной правды с самого начала определяла менталитет высшего руководства нацистского режима и отражалась в поведении чиновников низшего ранга. Она нашла выражение в задании, порученном Паулю Блобелю, начальнику зондеркоманды 4а, по устранению из поля зрения захоронений трупов, для того чтобы их не обнаружили наступавшие советские отряды³⁷. «Особая операция» Блобеля по сжиганию трупов была завершена только в октябре 1944 года.

Познанская речь Гимmlера внесла косвенный вклад в стратегию планомерного затушевывания ответственности за уничтожение евреев Европы. В ней участвовали и политические органы рейха, которые с готовностью уступили Гимmlеру свои полномочия в «еврейском вопросе», и, как позволяет заключить 11-я поправка к закону о гражданине рейха от 25 ноября 1941 г.³⁸, пытались снять с себя причастность к позорному ограблению евреев и экспроприации их собственности. Поскольку лишение гражданства было привязано к выезду за пределы территории рейха, в которую в данном случае не был включен Освенцим, и сопровождалась потерей имущества, общая ответственность лежала исключительно на СС³⁹. В сфере уголовного преследования рейхсминистр юстиции передал свои полномочия по «еврейским делам» сотрудникам гестапо⁴⁰.

В преддверии Ванзейской конференции предпринимались попытки отменить доклад Гимmlера Гитлеру. Так, рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии Ганс Генрих Ламмерс сообщил министру юстиции, что «фюрер повторно подтвердил свое желание отложить решение еврейского вопроса до окончания военных действий». Ламмерс обещал не допустить доклада, представляющего «неправильную точку зрения», имея при этом в виду Гимmlера⁴¹. Этот случай показывает, что высшие чиновники министерств были настроены против форсирования Гейдрихом и Гимmlером «еврейского вопроса» и по-прежнему наивно полагали, что отсрочка решения вопроса до окончания войны приведет

к менее радикальному итогу. Сопротивление бюрократии оказало малое влияние на поведение Гиммлера, однако при проведении разрешенной Гитлером в сентябре 1941 г. депортации немецких евреев он проявил определенную осторожность. В то же время еще до Ванзейской конференции были проведены первые массовые убийства немецких евреев в Риге и Каунасе⁴².

Гейдрих расценил позицию представителей правительства на Ванзейской конференции как выражение согласия по ключевому вопросу и не стал медлить с запуском механизма уничтожения на полную мощь. Сразу после этого он приступил к реализации программы депортаций, которая тем временем была разработана в РСХА. 31 января 1942 г. он поручил отделам гестапо в рейхе провести идентификацию «всех остающихся на территории рейха евреев» в соответствии с критериями Нюрнбергских законов⁴³. На прошедшем в РСХА шестью неделями позже совещании отделы полиции получили информацию о текущих возможностях использования «возрастного гетто» в Терезиенштадте. Одновременно была детально рассмотрена финансовая и техническая сторона намеченных депортаций евреев из «старого рейха», Остмарка и протектората Богемии и Моравии⁴⁴.

Теперь ничто не препятствовало масштабной насильственной высылке немецких и центральноевропейских евреев. Первым траншем Эйхман планировал «переселить» 55 тысяч евреев. Эшелоны отправлялись сначала в марте 1942 г., а затем в течение лета в несколько этапов⁴⁵. После транспортной блокады, вызванной весенней кампанией, в конце июля последовала новая волна эшелонов. Одновременно начались первые депортации в Терезиенштадт, функция которого состояла прежде всего в том, чтобы предотвратить протесты, с одной стороны, высшего руководства, с другой – обычных граждан. Гиммлер, в свою очередь, объявил о депортации 150 тысяч евреев в Освенцим, куда они должны были отправиться вместо изначально предполагавшихся советских военнопленных, чтобы построить там запланированный Гиммлером лагерь для заключенных⁴⁶.

Начатые весной 1942 года массовые депортации, организация которых была поручена в первую очередь Адольфу Эйхману, предполагали, что часть депортированных будет ликвидирована

непосредственно после прибытия в восточные места назначения. Основной задачей Главного управления имперской безопасности в это время было увеличение технических возможностей уничтожения и отладка использования умерщвляющего газа. Целью поездки Адольфа Эйхмана в Белжец, предположительно предпринятой им в начале 1942 г., когда лагерь еще «не был готов к эксплуатации», был инструктаж руководства, так же как и при состоявшейся позже встрече с Рудольфом Хёссом в Освенциме и при инспекции остальных лагерей смерти. Обучающие мероприятия, очевидно, проводились Эйхманом в рамках подготовки итогового комплекса мер по «окончательному решению», который был разработан РСХА на основе инициатив, поступавших от исполнителей убийств на местах⁴⁷. 17 июля 1942 г. Освенцим также посетил Гиммлер, который проверил «пропускную способность» лагеря и потребовал ее дальнейшего увеличения.

Несмотря на то что к этому моменту еще не существовало окончательного приказа, предписывавшего уничтожение европейских евреев, расширение масштаба массовых убийств казалось необходимым всем задействованным лицам. После того как в октябре 1941 г. Гиммлер, по ходатайству посла рейха в Париже, Отто Абеца, разрешил депортацию евреев (французских и иностранных граждан), задержанных немецкими оккупационными властями, Адольф Эйхман и Теодор Даннекер, ставший специалистом по еврейским вопросам в Париже, начали разработку программы депортаций, которая охватывала бы всю Западную Европу⁴⁸. Первый эшелон был отправлен в марте 1942 г., и начиная с июля массовые депортации стали распространяться и на французских евреев.

В ходе логистической подготовки в проектах РСХА стали вырисовываться контуры общеевропейской программы депортаций. Это следовало также из заявления Гейдриха словацкому премьер-министру Войтеху Тука, согласно которому в рассмотрении находилась программа выселения полумиллиона евреев⁴⁹. Высылка евреев, задержанных на оккупированной территории Франции, из-за транспортных затруднений сначала была отложена, но к концу года всё же состоялась депортация 42 тысяч евреев в генерал-губернаторство, 33 тысячи из которых попали в Освенцим.

После выделения трудоспособных и их отправки в Организацию Шмелта (Верхняя Силезия) депортированные немедленно поступали в газовые камеры. В июне–июле 1942 г. эшелоны начали отправляться из Нидерландов, в августе – из Бельгии.

Запущенный Эйхманом механизм теперь работал на полную мощность. Слово «Освенцим» стало нарицательным термином, синонимом уничтожения. Это был самый большой, но далеко не единственный лагерь смерти. Из 5,5 миллиона евреев пятая часть была убита в Освенциме-Биркенау, который располагал наиболее эффективной методикой уничтожения⁵⁰. Однако более половины жертв погибли не в «фабриках смерти», и было бы неверно говорить о новаторском способе уничтожения⁵¹. Большинство евреев были убиты «конвенциональным» образом, но не менее жестоко. С уничтожением евреев в Освенциме-Биркенау отпали регулярно выдвигавшиеся ранее, но всё равно используемые мотивы преступников, такие как нехватка снабжения, опасность распространения инфекций, недостаток жилищной площади и т. п. Осталась только общая идеологическая причина, согласно которой существование евреев в европейских обществах ослабляло потенциал сопротивления большевистским силам.

Весной 1942 года начался масштабный процесс истребления всех оставшихся в живых евреев в зоне влияния третьего рейха. В центре событий находилось, прежде всего, генерал-губернаторство, где в первую очередь было возобновлено строительство гетто, ранее прерванное. После возведения лагерей смерти Белжец и Собибор весной 1942 г. началось систематическое уничтожение еврейского населения, позже осуществлявшееся в рамках «Операции Рейнхард». Одним из главных организаторов был начальник СС и полиции Люблинского округа Глобочник.

Ключевым этапом операции стало уничтожение жителей Варшавского гетто в отдельно возведенном лагере смерти Трелинка. Помимо генерал-губернаторства, волна насилия обрушилась также на восточные части СССР. Восстание в Варшавском гетто в апреле 1943 г. привело к полному уничтожению оставшегося еврейского населения, в том числе изначально исключавшихся работников принудительного труда. Лишь судьба Лодзинского гетто находилась в подвешенном состоянии, до тех пор

пока оно не было ликвидировано при наступлении Красной Армии летом 1944 года. Освенцим, получивший статус лагеря смерти, стал центральным пунктом уничтожения, в котором евреи, отправляемые из различных европейских регионов, как правило, подвергались умерщвлению газом сразу после прибытия. Хотя к середине 1943 г. уничтожение евреев в нацистской зоне влияния было по большей части завершено, Эйхман и его подельники сделали всё возможное, чтобы доставить в лагерь смерти всех до единого евреев. Они предприняли большие усилия, чтобы найти и уничтожить последних евреев, разбросанных по польской и оккупированной советской территории. Весной 1942 года подобная деятельность превратилась в операцию европейского масштаба, которая затронула дружественные или зависимые от Германии страны, включая Словакию, Румынию, Хорватию, Болгарию, но, прежде всего, Венгрию и Италию. Для Адольфа Эйхмана и его подчиненных главной задачей было выполнить по меньшей мере эту часть гигантского гитлеровского проекта переселения и уничтожить евреев.

Описание различных реакций союзников и сателлитов третьего рейха выходит за рамки нашего исследования. Если движение усташей, находившееся у власти в Хорватии, и правительство Тисо в Словакии согласились на немецкие требования и санкционировали выдворение еврейских граждан, то румынское правительство Йона Антонеску остановило уже начатые депортации. Италия также сопротивлялась требованиям Германии, касавшимся выдворения еврейских граждан. Только после создания Республики Сало Глобочник смог отправить несколько эшелонов в лагерь смерти. Первая депортация итальянских евреев из Рима состоялась в октябре 1943 года. В провинции Триест Одило Глобочник, один из ближайших соратников Эйхмана, добился отправки 7000 евреев в лагерь смерти.

Сложнее развивались события в Венгрии, где режим Хорти оказывал упорное сопротивление высылке местных евреев. Требовать депортации евреев от Венгрии, по-прежнему остававшейся союзницей рейха, было бессмысленным преступлением – даже под предлогом набора работников для оборонной индустрии. Правительство Миклоша Хорти не уступало требованиям рейха

депортировать венгерских евреев в Освенцим, однако проявило готовность к их помещению в собственные лагеря принудительного труда. Правительство рейха и назначенный Гитлером полномочным представителем Эдмунд Веезенмайер настаивали на том, чтобы Венгрия не отстранялась от программы ликвидаций и придерживалась политики рейха, в то время как западные державы оказывали давление, с тем чтобы не допустить уничтожения евреев⁵².

Создав особую айнзацкоманду для решения венгерского «еврейского вопроса», Адольф Эйхман лично подключился к процессу и добился к середине мая 1944 г. отправки первых эшелонов венгерских евреев в Освенцим. Тем не менее в августе Хорти решил запретить депортации евреев за границу и отправить их в местные лагеря. Эйхман, который к тому моменту уже покинул Венгрию со своим оперативным штабом, использовал приход к власти «Скрещенных стрел», для того чтобы организовать новый масштабный процесс депортации венгерских евреев и потребовать от правительства Салаша высылку сначала 50, а затем 100 тысяч еврейских рабочих.

В общей сложности из 725 тысяч венгерских евреев 300 тысяч были уничтожены в Освенциме-Биркенау. Еще около 200 тысяч были отправлены в лагеря принудительного труда. Из-за нехватки транспорта депортированных отправляли к австрийской границе пешком. В самой Венгрии евреи помещались в гетто и в конце войны посылались на «марши смерти» или уничтожались венгерскими «Скрещенными стрелами»; в живых осталось порядка 260 тысяч венгерских евреев.

Характерно, что Эйхман не прекратил депортации, когда Генрих Гиммлер, еще надеявшийся на использование евреев в качестве заложников, издал приказ о прекращении депортаций. Напротив, Эйхман использовал национальное восстание в Словакии в конце августа 1944 г., для того чтобы депортировать еще 13 тысяч словацких евреев.

В последний год войны грандиозные планы переселения Гиммлера и Гейдриха стали давно устаревшими. Речь шла только о том, чтобы уничтожить максимально возможное число евреев. Несмотря на то что катастрофическая нехватка рабочих рук при-

вела к расширению системы эксплуатации принудительного труда как предварительного этапа уничтожения, большинство жертв были немедленно отправлены в лагерь смерти. Первоначальные проекты создания резерваций уже не упоминались. Масштабные планы этнического переселения не были реализованы даже частично. После начала наступления союзников на Германию политика переселения потерпела окончательное фиаско. Гиммлер хотел не допустить перехода лагерей в руки противников. При этом важную роль играло стремление нацистского режима к утаиванию проведенных операций, а также представление Гиммлера о возможности использования заключенных в качестве заложников для получения концессий⁵³. Вместо того чтобы просто открыть и распустить концлагеря и лагеря смерти, поступило указание либо уничтожить заключенных или хотя бы их часть, либо перевести их в лагерь, расположенные западнее. Поскольку необходимые транспортные средства не были доступны, заключенных часто заставляли преодолевать дальние дистанции без достаточного питания и крова при суровых зимних погодных условиях. Большинство участников «маршей смерти», осуществлявшихся с января 1945 г., скончались. В Пальмникене и некоторых других местах началась настоящая резня, в которой принимало участие мирное население. Только в редких случаях местные жители, на глазах которых происходили кровавые преступления, отваживались прийти на помощь измученным и изморенным заключенным. Число жертв «маршей смерти» составляло более 10 тысяч человек, количество погибших в ходе резни в концлагерях – около 300 тысяч человек, включая несколько тысяч евреев⁵⁴. В этой невообразимой трагедии, затронувшей подавляющее большинство содержащихся в лагерях заключенных различных категорий, в том числе военнопленных и работников принудительного труда, погибло множество еврейских заключенных, хотя они не были главным объектом расправы.

После освобождения заключенных смерти не прекратились. Многим из жертв не удалось пережить мытарства, лишения и голод последних недель войны, несмотря на медицинскую помощь. То же касается и советских солдат, попавших в немецкий плен.

Эта чудовищная последняя страница в истории третьего рейха в очередной раз продемонстрировала крайнее презрение и ненависть к человеку, которые всегда отличали нацистский режим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *K. Pätzold, E. Schwarz.* Tagesordnung Judenmord. Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. – Berlin, 1992. – S. 34–35.

² Там же. – S. 32–33.

³ *C. Gerlach.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 112. Герлах приписывает авторство статистики Эйхману.

⁴ *I. Wojak.* Eichmanns Memoiren. – S. 167–169; *H. Safrian.* Eichmann und seine Gehilfen. – Wien, 1993. – S. 112, 119–121.

⁵ Цит. по: *Ph. Burrin.* Hitler und die Juden. – S. 138.

⁶ *J. Goebbels.* Tagebücher. Teil II. – Bd. 1. – S. 480–481; речь Гейдриха в: *M. Kárný et al. (Hrsg.)* Protektorátní politika Reinharda Heydricha. – S. 220; см. также *G. Aly.* Völkerverschiebung. – S. 274.

⁷ Типичным можно считать следующее высказывание Франка от 16 декабря 1941 г.: «чрезвычайно вредные нахлебники»; цит. по: *H. Frank.* Das Diensttagebuch des Deutschen Generalgouverneurs. – S. 458.

⁸ Там же. – S. 120–121.

⁹ *B. Musial.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung. – S. 198, 204–205.

¹⁰ Ср. *D. Pohl.* Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement. – S. 113–114.

¹¹ *P. Longerich.* Politik der Vernichtung. – S. 564–566.

¹² См. точки зрения Флеминга, Брейтмана, Браунинга и др. См. обзор в: *C. Browning.* Der Weg zur Endlösung. – S. 70–72.

¹³ Такая позиция содержится в работе Герлаха: *C. Gerlach.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 156–157. Однако далее (S. 162–163) автор приходит к противоречащему ей выводу.

¹⁴ *J. Goebbels.* Tagebücher. Teil II. – Bd. 2. – S. 498–499 (запись от 13.12.1941). «Еврейский вопрос» играл в этом выступлении, главной темой которого была военная обстановка, только второстепенную роль.

¹⁵ *M. Moll.* Steuerungsinstrument im Ämterchaos? Die Tagungen der Reichs- und Gauleiter der NSDAP // VfZ 49 (2001). – S. 239–241.

¹⁶ *C. Gerlach.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 117–118; *Он же.* The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate all European Jews // Journal of Modern History 70 (1998). – P. 759–812. Использование для доказательства более поздних высказываний, как Герлах делает это в первой указанной работе (сноски 118 и 122), следует признать проблематичным методом.

¹⁷ Цит. по: *H.-H. Wilhelm.* Rassenpolitik und Kriegsführung. – Passau, 1991. – S. 131–132.

¹⁸Ср. *W. Jochmann (Hrsg.)*. Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims. – Hamburg, 1980. – S. 90–91.

¹⁹*D. Rebutisch*. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. – S. 374–375; *K. Pätzold, E. Schwarz*. Tagesordnung Judenmord. Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. – S. 38–40; *J. – E. Schulte*. Die Wannsee-Konferenz und Auschwitz // *P. Klein (Hrsg.)*. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. Analyse und Dokumentation. – Berlin, 1995. – S. 227–228; *M. Roseman*. Die Wannsee-Konferenz: Wie die NS-Bürokratie den Holocaust organisierte. – München, 2002. – S. 107–109; об общем значении конференции ср.: *A. Angrick*. Die inszenierte Selbstermächtigung? Motive und Strategie Heydrichs für die Wannsee-Konferenz // *P. Klein (Hrsg.)*. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. – S. 246–248.

²⁰См. замечательную биографию: *R. Gerwarth*. Reinhard Heydrich. Eine Biographie. – München, 2011.

²¹*P. Klein*. Das Echo auf die gefallene Entscheidung zur Ermordung der europäischen Juden // *P. Klein (Hrsg.)*. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. – S. 187–189; ср. *E. Husson*. Die Rolle Heydrichs im Prozess der Holocaust-Entscheidung und die Bedeutung der Wannsee-Konferenz. Versuch einer Neuinterpretation // *P. Klein (Hrsg.)*. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. – S. 213–215.

²²Ср. *J. – E. Schulte*. Die Wannsee-Konferenz und Auschwitz. – S. 239–241.

²³*B. Lösener*. Rassenreferent im Dritten Reich // *VfZ* 9 (1961). – S. 297–299; *H. – C. Jasch*. Behördliche Abstimmung zur Vorbereitung von Deportation und Völkermord // *P. Klein (Hrsg.)*. Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. – S. 283–285.

²⁴*U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 322–324; кроме того, рейхсминистр юстиции Шлегельбергер был выраженным противником вмешательства в законы о смешанных браках, см.: Там же. – S. 324–325.

²⁵*C. Gerlach*. Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 139.

²⁶*P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 85–86.

²⁷Там же. – S. 87.

²⁸*J. Goebbels*. Tagebücher. Teil II. – Bd. 2. – S. 534 (запись от 18.12.1941): «Все евреи должны быть отправлены на восток. Что с ними будет дальше, нас не очень интересует».

²⁹Цит. по: *C. Gerlach*. Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 142.

³⁰Там же. – S. 143 (сноски 189 и 190); см. также *K. Pätzold, E. Schwarz*. Tagesordnung Judenmord. Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. – S. 79.

³¹*P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 91–92.

³²*G. Aly, K.H. Roth*. Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus. – Berlin, 1984. – S. 23–25; *R. Breitman*. Heinrich Himmler. Der Architekt der Endlösung. – S. 342–343.

³³Анsprache Hitlers vor Generälen und Offizieren vom 26. Mai 1944 im Platterhof // *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 2 (1986). – S. 141–161.

³⁴ Ср. *H. Mommsen*. Hitler's Reichstag Speech of 30 January 1939 // *History & Memory. Passing into History: Nazism and the Holocaust beyond Memory*. – Vol. 9 (1997). – S. 147–161.

³⁵ *H. Frank*. Das Diensttagebuch des Deutschen Generalgouverneurs. – S. 583; ср. *A. Speer*. Der Sklavenstaat. Meine Auseinandersetzungen mit der SS. – Stuttgart, 1981. – S. 373–374. Согласно этому фрагменту, Франк не решился поднять данный вопрос при разговоре с Гитлером.

³⁶ *B.F. Smith, A.F. Peterson (Hrsg.)*. Heinrich Himmler. Geheimreden 1933–1945 und andere Ansprachen. – Berlin, 1974. – S. 169–170; *P. Longerich*. Heinrich Himmler. Biographie. – Berlin, 2008.

³⁷ *S. Spector*. «Aktion 1005» – Effacing the Murder of Millions // *Holocaust and Genocide Studies* 5 (1990). – P. 157–173.

³⁸ *U.D. Adam*. Judenpolitik im Dritten Reich. – S. 286–288.

³⁹ Там же. – S. 301–302.

⁴⁰ *D. Mayer*. «Fremdvölkische im Dritten Reich». – Voppard, 1981. – S. 127.

⁴¹ Служебная записка статс-секретаря Роланда Фрейслера от 21 ноября 1941 г. Ламмерс также сообщал, что «в любом случае будет препятствовать внезапной инициативе другой стороны по принятию ключевых решений без его ведома» (Bundesarchiv Berlin R 22/52, Bl. 153). Обращает на себя внимание фактическое отсутствие любых упоминаний «окончательного решения».

⁴² *C. Gerlach*. Krieg, Ernährung, Völkermord. – S. 151–152.

⁴³ *P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 166.

⁴⁴ Там же. – S. 167–168.

⁴⁵ Подробно см.: *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 485–487.

⁴⁶ Письмо Гиммлера инспектору концентрационных лагерей Глюксу от 26.1.1942; см. *H.G. Adler*. Der verwaltete Mensch. – S. 193.

⁴⁷ *I. Wojak*. Eichmanns Memoiren. – S. 185–187.

⁴⁸ *A. Meyer*. Die deutsche Besatzung in Frankreich 1940–1944. Widerstandsbekämpfung und Judenverfolgung. – Darmstadt, 2000. – S. 73–74.

⁴⁹ *P. Longerich*. Politik der Vernichtung. – S. 495–496.

⁵⁰ Auschwitz: Geschichte und Wirklichkeit eines Vernichtungslagers. – Reinbeck, 1982.

⁵¹ *D. Pohl*. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – S. 404–405.

⁵² См. подробное описание: *C. Gerlach, G. Aly*. Das letzte Kapitel. Der Mord an den ungarischen Juden 1944–1945. – Frankfurt a. M., 2004.

⁵³ *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 730.

⁵⁴ *D. Blatman*. Die Todesmärsche 1944/45. Das letzte Kapitel des nationalsozialistischen Massenmords. – Reinbeck, 2011; ср. также *P. Longerich*. Die Politik der Vernichtung. – S. 731–732.

Глава 10

Холокост и немцы

Даже когда гибель третьего рейха была неотвратимой, Генрих Гиммлер и Главное управление имперской безопасности направили все свои силы и остатки властных полномочий на то, чтобы завершить процесс уничтожения еврейского населения в немецкой зоне влияния и ликвидировать оставшихся в живых евреев, включая «еврейских метисов». Именно потому, что военная кампания против СССР, окончания которой германское руководство ожидало еще осенью 1941 г., зашла в тупик и должна была вскоре обернуться провалом, полное истребление европейских евреев заняло место главной цели войны, которая не уступала по важности операциям на фронте. Нацистский режим потратил последние силы на то, чтобы склонить юго-восточные страны Европы, а также Италию и Францию к выдаче своего еврейского населения и отправить в лагеря смерти всех выживших евреев.

Уничтожение евреев, за которым закрепилось обозначение «Холокост», было единственным в своем роде, и в обозримой истории человечества ничего подобного не происходило. Этнические или социально мотивированные массовые убийства, которые Тимоти Снайдер изображает в своем описании «кровавых земель», относятся к другой категории¹. То же касается и сталинских чисток. Чудовищная катастрофа, унесшая жизни от 5,6 до 6,3 миллиона человек, выходит за рамки наших представлений². Главное управление имперской безопасности планировало ликвидацию 11 миллионов евреев, опираясь на статистические данные, полученные от еврейских общин и организаций. Хотя массовые убийства продолжались в течение сравнительно короткого периода, число их жертв поистине ужасает. Карательные операции осуществлялись с лета 1941 г. по апрель 1945 г., когда Гимм-

лер и его соратники в РСХА требовали уже не выдворения, а физического уничтожения евреев, включая женщин и детей. Тотальное искоренение еврейского населения, превышавшего 11 миллионов человек в нацистской зоне влияния, превратилось из пропагандистской формулы в реально преследуемую задачу, материализованный мыслительный образ. В то же время Гиммлер и его подельники предполагали, что после выполнения смертоносных операций их удастся предать забвению – за этим скрывалась двойная, глубоко искаженная мораль преступников.

Ввиду огромного масштаба мероприятий, осуществлявшихся в рамках процесса уничтожения, нельзя не задать вопрос: почему среди немецких элит и населения в целом не возникло массового сопротивления? Несмотря на то что любая открытая критика была связана с опасностью уголовного преследования, формальное указание о нераспространении информации не соблюдалось беспрекословно. Для характеристики позиции населения историками часто используется словосочетание «открытая тайна»³. Хотя обычные граждане нередко располагали определенной информацией об убийствах евреев, точные данные были для них недоступны. С 1942 года сведения о программе массовых убийств стали поступать из различных источников, но даже те наблюдатели, которые внимательно отслеживали разнообразные свидетельства и слухи, недостаточно серьезно отнеслись к планомерности действий преступников.

Однако после совместного заявления союзников в декабре 1942 г. утаивать правду о систематических акциях уничтожения стало уже невозможно⁴. Тогда представители нацистского режима сменили парадигму и стали более открыто говорить о еврейском вопросе. Так, в своем выступлении перед вермахтом Геринг угрожал уничтожением евреев, а Гитлер заявил об «искоренении» еврейской расы⁵. В статье Йозефа Геббельса на первой полосе еженедельной газеты «Das Reich» от 9 мая 1943 г. также сообщалось, что развязанная иудеями Вторая мировая война приведет к «исчезновению еврейской расы» и что евреи всего мира однажды понесут то же наказание, которому «евреи в Германии подвергнуты уже сегодня»⁶.

Внимание немецкого населения всё в большей степени было приковано к событиям на фронте. О масштабе преступлений мирные жители ничего не знали. Хотя об уничтожении евреев курсировали многочисленные слухи, из них складывалась лишь расплывчатая картина преступлений. В своем подробном исследовании Бернард Дёрнер описал стратегии маскировки, использованные аппаратом СС, и продемонстрировал, что с 1942 г. о ликвидации еврейского населения говорилось только как о завершенной операции⁷. В отношении конкретных случаев депортации и уничтожения еврейских жертв строгий режим секретности оказался действенным. Это касалось в том числе регулярного отказа предоставлять сведения о судьбе депортированных евреев. По этой причине из множества частных деталей нельзя было сформировать общее изображение⁸. Мутная пелена, которой задействованные органы окутали проводимые операции, оказалась эффективным средством, для того чтобы предотвратить заметные протесты.

Несмотря на рассказы возвращавшихся с фронта раненых и отпускников, население рейха обладало лишь обрывочной информацией об учиненном беззаконии и утешалось представлением о том, что, невзирая на насилие, сопровождавшее депортации, евреи смогут кое-как продолжить свое существование на восточных территориях. Критичный и внимательный наблюдатель Хельмут Джеймс фон Мольтке в письме своему английскому приятелю Лайонелу Кёртису описывал менталитет населения следующим образом: «По меньшей мере девять десятых мирных жителей не знают о том, что мы уничтожили сотни тысяч евреев. Почти все продолжают думать, что евреев просто депортируют и на Востоке они продолжают жить прежней жизнью – может быть, немного беднее, но зато без бомбардировок»⁹.

То обстоятельство, что убийства происходили в первую очередь на оккупированной польской территории, способствовало их сокрытию от немецкой общественности. Кроме того, круг преступников, то есть число лиц, непосредственно задействованных в операциях уничтожения, был весьма ограничен, тем более что к работам в лагерях смерти, как правило, привлекали не граждан рейха. Оценку, согласно которой в карательных акциях было на-

прямую задействовано не менее 200 тысяч человек, не следует считать преувеличением, в то время как количество косвенно участвовавших в геноциде немецких граждан было существенно выше¹⁰.

Даже представители элиты, как в случае фон Мольтке, были практически лишены возможности получить достоверную информацию о реализации Холокоста. Участники заговора 20 июля 1944 года также не располагали точными данными о начавшемся процессе уничтожения¹¹. В официальном режиме секретности были прорехи, но уголовное наказание за выдачу государственной тайны отпугивало многих из тех, кто мог хотя бы намекнуть на совершавшиеся преступления третьим лицам. Сообщники реагировали на происходившие события, осознанно подавляя внутренние эмоции и выражая внешнее равнодушие. Несмотря на это, для исследователей всегда было очевидно, что политика геноцида не встречала одобрения вопреки сверхактивной пропаганде, которая представляла евреев в качестве фактических военных противников.

В конфиденциальном письме партийной канцелярии, отправленном гауляйтерам 9 октября 1942 г. – когда систематическое уничтожение евреев было в полном ходу, – Мартин Борман призывал к тому, чтобы предотвратить чрезмерное распространение слухов и объявить о «крайне жестких мерах» в отношении евреев. Он добавлял к этому следующее пояснение: «Начиная с территории рейха и переходя на территорию остальных включенных в процесс окончательного решения стран, евреи будут транспортированы в большие уже построенные или подлежащие строительству лагеря, где они будут либо привлечены к исполнению трудовой повинности, либо отправлены еще дальше на восток». «То, что эти во многом очень тяжелые проблемы могут быть решены только с безоглядной жестокостью, – говорилось в заключении, – соответствует порядку вещей»¹². Однако летом 1943 г. партийная канцелярия была вынуждена отказаться от такого сравнительно прямого описания ситуации и разослала инструкцию, предписывавшую избегать «любого упоминания предстоящего общего решения» при публичном обсуждении еврейского вопроса и ограничиваться формулировкой, в соответствии с которой евреи

отправлялись «в трудовые лагеря на восточных территориях»¹³. Здесь видна маскировка, с помощью которой власти рейха, с одной стороны, разоблачали уничтожение евреев, с другой стороны, скрывали его и погружали в своего рода теневую зону¹⁴.

В то время как пропаганда нацистского режима пыталась отрицать сознательное истребление расы, в ходе «окончательного решения» росло количество непосредственных участников карательных акций и свидетелей преступлений. РСХА предпочитало использовать немеских помощников, чтобы убивать еврейских жертв и обеспечивать работу концлагерей. Тем не менее в число прямых сообщников входили члены айнзацгрупп, полицейских батальонов, сотрудники полиции безопасности и тайной полевой полиции, а также задействованные чиновники генерал-губернаторства и рейхскомиссариатов. Речь идет о нескольких сотнях тысяч лиц, которых следует считать сопричастными.

Узкая группа ключевых исполнителей преступлений могла опираться на многочисленных помощников и соучастников. Отсутствие серьезного сопротивления операциям уничтожения (прежде всего со стороны вермахта) и вытекавшая отсюда безграничная свобода действий в любом случае должны были оказывать радикализирующее воздействие. Набор предъявляемых мотивов накладывался на закоренелое антисемитское убеждение в том, что существование евреев создает «благоприятную почву для большевизма» и что их труд приносит безусловно меньше пользы, чем «вреда наносит разносимая ими большевистская зараза». Распространяемое Геббельсом представление о том, что для окончательной победы требуется достижение расового единства, закрепилось в народном сознании и исключало любое выражение человеческого сочувствия по отношению к жертвам. При этом невозможно было не заметить, что все операции сопровождалась невообразимой степенью коррупции и личного обогащения задействованных лиц¹⁵.

Всё меньшее принятие во внимание «еврейского вопроса» несмотря на антисемитскую индоктринацию было связано также с тем, что в условиях усиленной социальной сегрегации оставшиеся в рейхе евреи лишились возможности контактов с «арийским» населением. Только введение «звезды Давида» напомнило нем-

цам об их еврейских согражданах. Широко распространившиеся материальные преимущества, которыми благодаря экспроприации еврейской собственности воспользовались почти все слои населения – не только во время участвовавших распродаж еврейского имущества после бомбардировок, – превратились в своего рода коллективный подкуп. Одновременно гражданское управление всех уровней развивало бюрократический перфекционизм, занимаясь реализацией имущества еврейских сограждан.

Лишь немногие немцы проявили решимость и отвагу, придя на помощь еврейским согражданам или спрятав их от хватки гестапо. Тем не менее только в столице рейха в подполье смогли выжить около двух тысяч евреев – больше, чем на всей территории Нидерландов¹⁶. Успешная демонстрация на берлинской Розенштрассе, во время которой несколько сотен граждан в «привилегированных смешанных браках» протестовали против депортации своих супругов, составляла исключение – в этом случае шансы на успех были выше, так как Гитлер не давал своего разрешения на расторжение «смешанных браков», и затем эсэсовцы были вынуждены действовать более осторожно¹⁷.

Ввиду масштаба уничтожения евреев нельзя не задать вопрос о том, почему засвидетельствовано так мало попыток сопротивления. Вопреки распространению антисемитских предрассудков в народе, разделенные по различным группам и направлениям евреи оказались не подготовлены к ликвидационной политике нацистского режима. Несмотря на героизм, проявленный в отдельных восстаниях в гетто, не имелось ни малейшего шанса на проведение успешных акций противостояния. Западноевропейские евреи были отвезены в лагеря и стали невидимыми для большинства населения. Полное отстранение от прежней жизнедеятельности лишило их любых связей с согражданами. Почти везде нацистскому режиму удалось создать группы сообщников и перенаправить распространявшиеся антибольшевистские настроения на борьбу с евреями.

Переход от полной изоляции и отстранения евреев к запущенному Гиммлером систематическому уничтожению требует объяснения, поскольку, в отличие от других конфессионально, этнически или культурно обусловленных массовых убийств, желание

тотального истребления европейского и в дальнейшей перспективе мирового еврейства не имеет исторических параллелей. Исключительные условия войны на Восточном фронте, создавшие состояние полного бесправия, являлись в данном случае значимыми факторами. Развязывание насилия в войне, адаптация к постоянным убийствам и проведение операций в атмосфере беззакония были важными предпосылками для во многом пассивной реакции на осуществление Холокоста.

В рамках того, что обозначается нацистским «мировоззрением», ненависть к евреям составляла единственную существенную и четко осознаваемую целевую установку – в отличие от расистки-народнических идей, которые выполняли функцию балласта. Ирреальные антисемитские представления НСДАП имели настоящую точку опоры в требовании сделать всё для того, чтобы Германия стала свободной от евреев, и вытеснить их за пределы германской зоны влияния. Однако каким путем эта цель могла быть достигнута, было совершенно неясно. До развязывания Второй мировой войны не существовало никакой альтернативы форсированию эмиграции еврейской части населения. Для этого на евреев сначала оказывалось политическое и экономическое давление. После 1935 г. стали использоваться правовые меры, такие как Нюрнбергские законы, которые еще больше ограничили их жизненное пространство.

На вопрос о том, как эта утопическая конечная цель могла привести к конкретным действиям, нельзя ответить с уверенностью. Безусловно, нацистский режим с самого начала был склонен к постановке далеких от реальности задач. Но то, что в связи с резней айнзацгрупп на оккупированной советской территории ответственные сотрудники СС преступили все границы морального и физического насилия, невозможно объяснить одними лишь антисемитскими убеждениями. Проявившийся здесь цинизм был характерен для элиты СС, в первую очередь Генриха Гимmlера, Рейнхарда Гейдриха и Адольфа Эйхмана. В итоге им оказались заражены и отряды СС, что стало очевидным во время операций айнзацгрупп на оккупированной русской территории. В формировании чудовищного аморального поведения, помимо политической муштры, могли сыграть роль специфические товарище-

ские отношения руководителей, а также механизация процесса убийств.

Постепенно и в остальных ведомствах нацистского режима распространилось убеждение в том, что уничтожение евреев в немецкой зоне влияния и во всём мире является подлинной целью военных действий. По этой причине власти направили последние доступные силы и ресурсы на то, чтобы успеть отправить евреев, проживавших в Италии, Венгрии и Словакии, в лагеря смерти. Адольф Гитлер был неустанным подстрекателем борьбы против еврейской нации, но характерным образом избегал увязывания собственной персоны с убийствами евреев. В отличие от Генриха Гиммлера, фюрер не был готов иметь дело с реальностью Освенцима. Официальный дискурс продолжал использовать ложную информацию о расселении депортированных евреев на Урале, в том числе в возведенных Сталиным трудовых лагерях. Эта амбивалентность отразилась также в сомнительной попытке нацистского режима с помощью так называемой «операции по заметанию следов» устранить все признаки проведения карательных акций. Неадекватность выбранной позиции наглядно проявилась и в речи Гиммлера в Познани 6 октября 1943 г., когда он раскрыл преступления против евреев, чтобы снять с себя единоличную ответственность, но в то же время заявил о заслуге, которая никогда не будет признана¹⁸. Позже в контексте сокрытия преступлений было также издано распоряжение в кратчайшие сроки закрыть лагеря смерти и не дать им перейти под контроль Красной Армии. Если бы все меры были исполнены в установленном порядке, потомки ничего бы не узнали о Холокосте, Освенциме и многих миллионах погибших.

В заключение следует задать вопрос о помощи жертвам и возможности спасения. У тех, кто не смог сбежать от натиска преследователей и остался наедине со своей судьбой, было крайне мало шансов выжить. Разделенные по разным направлениям евреи не были готовы к уничтожению и, вопреки ряду героических попыток сопротивления в нескольких восстаниях в гетто, не имели возможности оказывать успешное противостояние. Почти повсеместно нацистскому режиму удалось получить поддержку групп коллаборационистов и направить антибольшевистские настрое-

ния в оккупированных странах на борьбу с еврейской нацией. Террор, направленный против каждого, кто помогал евреям или пытался освободить их от жестокой хватки преследователей, не имел границ. Преступники действовали на восточных территориях в бесправном пространстве и получили возможность беспределного применения насилия¹⁹. В то же время авторитарные бюрократические структуры приложили ни с чем не сравнимые усилия для того, чтобы механизм уничтожения евреев работал без сбоев и только в исключительных случаях вызывал протесты или возражения.

Ретроспективно кажется очевидным, что главной задачей должна была стать борьба с самыми истоками насилия против евреев. Но основная масса населения, напротив, спокойно отнеслась к постепенной изоляции еврейских сограждан и допустила их отстранение от общественной жизни из-за стремления к собственному благополучию, а также под влиянием пропаганды. В условиях развивавшихся и казавшихся успешными военных действий единичные протесты и акции сопротивления были обречены на неудачу, хотя представители церкви могли и должны были сделать больше²⁰. Западные державы также оказались неспособны выступить против наметившейся радикализации преследования евреев, публично заклеить «политику окончательного решения» еще в зародышевой фазе и в корне пресечь преступные действия нацистского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *T. Snyder. Bloodlands. Europa zwischen Stalin und Hitler.* – München, 2010.

² О количестве жертв см.: *W. Benz (Hrsg.). Die Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus.* – München, 2001. – S. 17.

³ *B. Dörner. Die Deutschen und der Holocaust. Was niemand wissen wollte, aber jeder wissen konnte.* – Berlin, 2007. – S. 542; *F. Bajohr, D. Pohl. Der Holocaust als offenes Geheimnis. Die Deutschen, das NS-Regime und die Alliierten.* – München, 2006.

⁴ *H. Mommsen, S. Willems. Herrschaftsalltag im Dritten Reich.* – Düsseldorf, 1988. – S. 404–405; cp. *R. Gellately. Backing Hitler. Consent and Coercion in Nazi Germany.* – Oxford, 2001. – P. 148–150.

⁵ *P. Longerich*. Der ungeschriebene Befehl. Hitler und der Weg zur «Endlösung». – München, 2001. – S. 181–182..

⁶ Ср. *H. Mommsen*. Der Widerstand gegen Hitler und die nationalsozialistische Judenverfolgung // Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstands. – München, 2000. – S. 395–397.

⁷ *B. Dörner*. Die Deutschen und der Holocaust. – S. 33–35, 93–95.

⁸ *R. Hilberg*. Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945. – Frankfurt a. M., 1992. – S. 33–35.

⁹ *M. Balfour, J. Frisby, F. von Moltke*. Helmuth James von Moltke 1907–1945. – Berlin, 1984. – S. 125–127.

¹⁰ *R. Hilberg*. Täter, Opfer, Zuschauer. – S. 66–68.

¹¹ *H. Mommsen*. Der Widerstand gegen Hitler und die nationalsozialistische Judenverfolgung. – S. 395–397.

¹² Цит. по: *P. Longerich*. Die Ermordung der europäischen Juden. – S. 433–434.

¹³ *H.A. Jakobsen*. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. – S. 257; см. также *M. Steinert*. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. – Wien, 1978. – S. 252–254.

¹⁴ Ср. *F. Bajohr, D. Pohl*. Der Holocaust als offenes Geheimnis. Die Deutschen, das NS-Regime und die Alliierten. – München, 2006.

¹⁵ *F. Bajohr*. Parvenus und Profiteure. Korruption in der NS-Zeit. – Frankfurt a. M., 2001. – S. 125–127.

¹⁶ Ср. *K. Quiet, H. Eschwege*. Selbstbehauptung und Widerstand. Deutsche Juden im Kampf um Existenz und Menschenwürde 1933–1945. – Hamburg, 1984. – S. 150–151; *L. Gross*. The Last Jews in Berlin. – New York, 1982.

¹⁷ *N. Stoltzfus*. Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstraße. – München, 1999. – S. 276, 332–333.

¹⁸ *B.F. Smith, A. Peterson (Hrsg.)*. Heinrich Himmlers Geheimreden 1933–1945. – Frankfurt a. M., 1974. – S. 162–164.

¹⁹ *D. Rebentisch*. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. – S. 309, 326; *W. Jochmann (Hrsg.)*. Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. – S. 50–51; ср. цитату из *H. Picker*. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. – Stuttgart, 1977. – S. 62: «Так будет выкован новый тип человека. Настоящие мужские натуры. Очевидно, их нельзя будет использовать на Западе».

²⁰ *R. Hilberg*. Täter, Opfer, Zuschauer. – S. 285–287.

Избранная литература

- Ackermann, J.* Heinrich Himmler als Ideologe. – Göttingen, 1970.
- Adam, U.D.* Judenpolitik im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1972.
- Adler, H.G.* Der verwaltete Mensch. Studien zur Deportation der Juden aus Deutschland. – Tübingen, 1974.
- Akten der Reichskanzlei der NSDAP. Regierung Hitler 1933–1938. Teil 1. – Bd. 1. – Boppard, 1983.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945, Serie C (1933–1937), Serie D (1937–1941). – Baden-Baden, 1950–1970.
- Allen, W.S.* The Nazi Seizure of Power. The Experience of a Single German Town 1922–1945. – Revised ed. – New York, 1984.
- Он же.* Die deutsche Öffentlichkeit und die «Reichskristallnacht»: Konflikte zwischen Werthierarchie und Propaganda im Dritten Reich // *D. Peukert, J. Reulecke (Hrsg.)*. Die Reihen fast geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus. – Wuppertal, 1981. – S. 397–411.
- Aly, G.* Die Belasteten. «Euthanasie» 1939–1945. Eine Gesellschaftsgeschichte. – Frankfurt a. M., 2013.
- Он же.* «Endlösung». Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. – Frankfurt a. M., 1995.
- Aly, G., Heim, S.* Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Hamburg, 1991.
- Aly, G., Roth, K.H.* Die restlose Erfassung. Volkszählen, Identifizieren, Aussondern im Nationalsozialismus. – Berlin, 1984.
- Angress, W.T.* Die Judenfrage im Spiegel amtlicher Berichte 1935 // *U. Büttner (Hrsg.)*. Das Unrechtsregime. Internationale Forschung über den Nationalsozialismus. – Bd. 2. – Hamburg, 1986.
- Ansprache Hitlers vor Generalen und Offizieren vom 26. Mai 1944 im Platterhof // *Militärgeschichte* 2 (1986). – S. 141–161.
- Augenzeugenberichte zu den Massenvergasungen. Der Gersteinbericht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte [VfZ] 1 (1953). – S. 189–194.

- Vajohr, F.* Parvenus und Profiteure. Korruption in der NS-Zeit. – Frankfurt a. M., 2001.
- Он же.* «Arisierung» in Hamburg. Die Verdrängung der jüdischen Unternehmer 1933–1945 (= Hamburger Beiträge zur Sozial- und Zeitgeschichte 35). – Hamburg, 1998.
- Он же.* Verfolgung aus gesellschaftsgeschichtlicher Perspektive. Die wirtschaftliche Existenzvernichtung der Juden und die deutsche Gesellschaft // Geschichte und Gesellschaft 26 (2000). – S. 629–652.
- Vajohr, F., Pohl, D.* Der Holocaust als offenes Geheimnis. Die Deutschen, das NS-Regime und die Alliierten. – München, 2006.
- Balfour, M., Frisby, J., von Moltke, F.* Helmuth James von Moltke 1907–1945. – Berlin, 1984.
- Bankier, D.* Die öffentliche Meinung im NS-Staat. Die «Endlösung» und die Deutschen. Eine Berichtigung. – Berlin, 1995.
- Barkai, A.* Vom Boykott zur «Entjudung». Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933–1943. – Frankfurt a. M., 1987.
- Он же.* Der wirtschaftliche Existenzkampf der Juden im Dritten Reich 1933–1938 // *A. Paucker (Hrsg.)*. Die Juden im nationalsozialistischen Deutschland. – Tübingen, 1986. – S. 153–166.
- Он же.* Die deutschen Unternehmen und die Judenpolitik im Dritten Reich // *U. Büttner (Hrsg.)*. Die Deutschen und die Judenverfolgung im Dritten Reich. – Hamburg, 1992. – S. 207–229.
- Он же.* Die «stillen Teilhaber» des NS-Regimes // *L. Gall, M. Pohl (Hrsg.)*. Unternehmen im Nationalsozialismus. – München, 1998. – S. 117–120.
- Bauer, Y.* Die dunkle Seite der Geschichte. Die Shoah in historischer Sicht. – Frankfurt a. M., 2001.
- Bernett, H.* Sportpolitik im Dritten Reich. Aus den Akten der Reichskanzlei. – Schorndorf, 1971.
- Benz, W., Kwiet, K., Matthäus, J. (Hrsg.)*. Einsatz im «Reichskommissariat Ostland». Dokumente zum Völkermord im Baltikum und Weißrussland 1941–1944. – Berlin, 1998.
- Benz, W. (Hrsg.)*. Die Dimension des Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. – München, 2001.

- Berding, H.* Moderner Antisemitismus in Deutschland. – Frankfurt a. M., 1988.
- Berschel, H.* PolizeiROUTINIERS und Judenverfolgung. Die Bearbeitung von «Judenangelegenheiten» in der Stapo-Stelle Düsseldorf // *G. Paul, K.-M. Mallman.* Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. «Heimatfront» und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – S. 155–178.
- Black, E.* The Transfer Agreement. The Untold Story of the Secret Agreement between the Third Reich and Jewish Palestine. – New York, 1984.
- Blaschke, O.* «Wider die Herrschaft des modern-jüdisches Geistes»: Der Katholizismus zwischen traditionalem Antijudaismus und modernem Antisemitismus // *W. Loth (Hrsg.).* Deutscher Katholizismus im Umbruch zur Moderne. – Stuttgart, 1991. – S. 236–261.
- Blau, B.* Das Ausnahmerecht für die Juden in Deutschland 1933–1945. – Düsseldorf, 1954.
- Boehlich, W.* Der Berliner Antisemitismusstreit. – Frankfurt a. M., 1988.
- Bohlen, F.* Die XI Olympischen Spiele 1936. Instrument der innen- und außenpolitischen Propaganda und Legitimierung des faschistischen Regimes. – Köln, 1979.
- Bondy, L.W.* Racketeers of Hatred. J. Streicher and the Jew-Baiters's International. – London, 1946.
- Botz, G.* Nationalsozialismus in Wien. Machtübernahme und Herrschaftssicherung. – Buchloe, 1988.
- Он же.* Wohnungspolitik und Judendeportation in Wien 1938–1940. – Wien/Zürich, 1968.
- Bracher, K.D.* Stufen totalitärer Gleichschaltung: Die Befestigung der nationalsozialistischen Herrschaft 1933/1934 // *W. Michalka (Hrsg.).* Die nationalsozialistische Machtergreifung. – Paderborn, 1984. – S. 13–28.
- Brechtken, M.* «Madagaskar für die Juden». Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945. – München, 1998.
- Breitman, R.* Heinrich Himmler. Der Architekt der «Endlösung». – Zürich, 2000.
- Broszat, M.* Soziale Motivation und Führer-Bindung des Nationalsozialismus // *Он же.* Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. – München, 1987. – S. 11–33.

- Он же.* Hitler und die Genesis der Endlösung // Там же. – S. 187–229.
- Broszat, M. (Hrsg.).* Rudolf Höß. Kommandant in Auschwitz. Biographische Aufzeichnungen. – Stuttgart, 1958.
- Browning, C.R.* Der Weg zur «Endlösung». Entscheidungen und Täter. – Bonn, 1998.
- Он же.* Referat Deutschland. Jewish Policy and the German Foreign Office (1933–1940) // Yad Vashem Studies XII (1977). – P. 37–77.
- Burleigh, M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. Eine Gesamtdarstellung. – Frankfurt a. M., 2000.
- Burrin, Ph.* Hitler und die Juden. Die Entscheidung für den Völkermord. – Frankfurt a. M., 1993.
- Childers, T.* The Formation of the Nazi Constituency 1919–1933. – London, 1986.
- Conze, E.* Völkermord als Problem der Diplomatie. // *N. Kampe, P. Klein (Hrsg.).* Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. – Köln, 2013. – S. 259–275.
- Он же.* Von deutschem Adel. Die Grafen Bernstoff im zwanzigsten Jahrhundert. – Stuttgart, 2000.
- Conze, E., Frei, N., Hayer, P., Zimmerman, M.* Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und der Bundesrepublik. – München, 2000.
- Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934–1935 und 1939–1949, hrsg. von H. – G. Seraphim. – Göttingen, 1956.
- Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem internationalen Militärgerichtshof (IMT) Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946. – 42 Bände. – Nürnberg, 1947–1949.
- Dieckmann, C.* Der Krieg und die Ermordung der litauischen Juden // *U. Herbert (Hrsg.).* Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. Neue Forschungen und Kontroversen. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 292–329.
- Döscher, H.-J.* «Reichskristallnacht». Die Novemberpogrome 1938. – München, 2000.
- Domarus, M. (Hrsg.).* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. – Bd. I. – München, 1965.
- Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente, hrsg. von Elke Fröhlich. Teil I. – Bd. 2. – München, 1987.

- Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Diktate 1941–1945. – 15 Bände. – München, 1994–1996.
- Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42, bearb. von Peter Witte u.a. – Hamburg, 1999.
- Dörner, B. Die Deutschen und der Holocaust. Was niemand wissen wollte, aber jeder wissen konnte. – Berlin, 2007.
- Dreßen, W. Betrifft: «Aktion 3». Deutsche verwerten jüdische Nachbarn. – Berlin, 1998.
- Dupeux, L. Der Kulturantisemitismus von Wilhelm Stapel // K. Nowak, G. Raulet (Hrsg.). Protestantismus und Antisemitismus in der Weimarer Republik. – Frankfurt a. M. / New York, 1994. – S. 167–176.
- Eisenblätter, G. Grundlinien der Politik des Reichs gegenüber dem Generalgouvernement, 1939–1945. Diss.phil. – Frankfurt a. M., 1969.
- Essner, C. Die Nürnberger Gesetze oder die Verwaltung des Rassenwahns 1933–1945. – Paderborn, 2002.
- Falter, J.W. Hitlers Wähler. – München, 1991.
- Он же. Wahlen und Wählerverhalten unter besonderer Berücksichtigung des Aufstiegs der NSDAP nach 1928 // K. Bracher et al. (Hrsg.) Die Weimarer Republik 1918–1933. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft. – Bonn, 1988. – S. 484–504.
- Faust, A. Die Kristallnacht in Rheinland. Dokumente zum Judenpogrom im November 1938. – Düsseldorf, 1987.
- Feilchenfeld, W., Michaelis, D., Pinner, L. Havaara-Transfer nach Palästina und Einwanderung deutscher Juden 1933–1939. – Tübingen, 1972.
- Feldman, G.D. Die Allianz und die deutsche Versicherungswirtschaft 1933–1945. – München, 2001.
- Fischer, A. Hjalmar Schacht und Deutschlands «Judenfrage». Der «Wirtschaftsdiktator» und die Vertreibung der Juden aus der deutschen Wirtschaft. – Köln, 1995.
- Fleming, G. Hitler und die «Endlösung». – Frankfurt a. M., 1987.
- Friedländer, S. Das Dritte Reich und die Juden. Bd. 1: Die Jahre der Verfolgung 1933–1939. – München, 1998.
- Gellately, R. Backing Hitler. Consent and Coercion in Nazi Germany. – Oxford, 2001.

- Genschel, H.* Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich. – Göttingen, 1966.
- Gerlach, C., Aly, G.* Das letzte Kapitel. Der Mord an den ungarischen Juden 1944–1945. – Frankfurt a. M., 2004.
- Gerlach, C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. Forschungen zur deutschen Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg, 1998.
- Он же.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. – Hamburg, 1999.
- Он же.* The Failure of the Plan for an SS-Extermination Camp in Mogilev, Belorussia // Holocaust and Genocide Studies 11 (1997). – P. 60–78.
- Он же.* The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate all European Jews // Journal of Modern History 70 (1998). – P. 759–812.
- Он же.* Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weißrussland, 1941–1943 // *U. Herbert (Hrsg.). Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945.* – Frankfurt a. M., 1998. – S. 263–290.
- Gerwart, R.* Reinhard Heydrich. Biographie. – München, 2011.
- Gilbert, M.* Auschwitz und die Alliierten. – München, 1982.
- Goebbels Reden 1932–1945, hrsg. von Helmut Heiber. – Düsseldorf, 1997.
- Goldhagen, D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin, 1996.
- Gordon, H.J.* Hitlerputsch 1923. Machtkampf in Bayern 1923–1924. – Frankfurt a. M., 1971.
- Graml, H.* Reichskristallnacht. Antisemitismus und Judenverfolgung im Dritten Reich. – München, 1988.
- Он же.* Der 9. November 1938: «Reichskristallnacht». – Bonn, 1958.
- Greive, H.* Geschichte des modernen Antisemitismus in Deutschland. – Darmstadt, 1988.
- Он же.* Theologie und Ideologie. Katholizismus und Judentum in Deutschland und Österreich 1918–1935. – Heidelberg, 1969.
- Groscurth, H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940, hrsg. von Helmut Krausnick und Harold Deutsch. – Stuttgart, 1980.
- Gross, L.* The Last Jews in Berlin. – New York, 1982.

- Gruchmann, L.* Justiz im Dritten Reich 1933–1940. Anpassung und Unterwerfung in der Ära Gürtner (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 28). – München, 1988.
- Он же.* «Blutschutzgesetz» und Justiz. Zur Entstehung und Auswirkung des «Nürnberger Gesetzes» vom 15. September 1935 // *VfZ* 31 (1983). – S. 418–442.
- Gruner, W.* Judenverfolgung in Berlin 1933–1945. – 2. erweiterte Auflage. – Berlin, 2009.
- Он же.* Die Grundstücke der «Reichsfeinde». Zur «Arisierung» von Immobilien durch Städte und Gemeinden 1938–1945 // «Arisierung» im Nationalsozialismus. – S. 125–156.
- Он же.* Der geschlossene Zwangseinsatz deutscher Juden. Zur Zwangsarbeit als Element der Verfolgung 1938 bis 1943. – Berlin, 1997.
- Günther, A.E.* Was wir vom Nationalsozialismus erwarten. – Heilbronn, 1932.
- Gurtein, M.I., Janowitz, M.* Trends in Wehrmacht Morale // *Public Opinion Quarterly* 10 (1946). – P. 78–84.
- Hagenlücke, H.* Die Deutsche Vaterlandspartei. – Düsseldorf, 1998.
- Halder, F.* Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939–1942, bearb. von H.A. Jacobsen in Verbindung mit A. Philippi. – 3 Bände. – Stuttgart, 1963.
- Hamel, I.* Völkischer Verband und nationale Gewerkschaft. Der Deutschnationale Handlungsgehilfenverband (DHV) 1893–1933. – Frankfurt a. M., 1967.
- Hayes, P.* Big Business and Aryanization in Germany, 1933–1939 // *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 3 (1994). – S. 254–281.
- Heer, H.* Die Logik des Vernichtungskrieges. Wehrmacht und Partisanenkampf // *H. Heer, K. Naumann (Hrsg.). Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944.* – Hamburg, 1995. – S. 104–138.
- Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943.* Die Aufzeichnungen des Majors Engel, hrsg. von Hildegard von Kotze. – Stuttgart, 1974.
- Heim, S., Aly, G.* Staatliche Ordnung und «organische Lösung». Die Rede Hermann Görings über die «Judenfrage» vom 6. Dezember 1938 // *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 2 (1993). – S. 378–404.

- Herbert, U.* «Generation der Sachlichkeit». Die völkische Studentebewegung der frühen zwanziger Jahre in Deutschland // *F. Bajohr et al. (Hrsg.)* Zivilisation und Barbarei. Die widersprüchlichen Potentiale der Moderne. – Marburg, 1991.
- Он же.* Weltanschauungseliten. Ideologische Legitimation und politische Praxis der Führungsgruppe der nationalsozialistischen Sicherheitspolizei // *Potsdamer Bulletin für zeitgeschichtliche Studien* 9 (1997). – Potsdam, 1997. – S. 4–18.
- Он же.* Vernichtungspolitik. Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des Holocaust // *U. Herbert (Hrsg.)*. Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 9–66.
- Hilberg, R.* Die Vernichtung der europäischen Juden. Die Gesamtgeschichte des Holocaust. – Berlin, 1982.
- Он же.* Täter, Opfer, Zuschauer. Die Vernichtung der Juden 1933–1945. – Frankfurt a. M., 1992.
- Hillgruber, A. (Hrsg.)* Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. – Frankfurt a. M., 1967.
- Hitler, A.* Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, hrsg. von Werner Jochmann. – Hamburg, 1980.
- Höffkes, K.* Julius Streicher: Gauleiter des Gaues Franken // *K. Höffkes.* Hitlers politische Generale. – Tübingen, 1997. – S. 337–343.
- Holzbach, H.* Das «System» Hugenberg. Die Organisation bürgerlicher Sammlungspolitik vor dem Aufstieg der NSDAP. – München, 1981.
- Horn, W.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919–1933). – Düsseldorf, 1972.
- Husson, E.* Die Entscheidung zur Vernichtung aller europäischen Juden // *K. Hildebrandt et al. (Hrsg.)* Geschichtswissenschaft und Zeiterkenntnis Hildebrandt. Festschrift zum 65. Geburtstag von Horst Möller. – München, 2008. – S. 277–289.
- Jacobsen, H.A.* 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. – Darmstadt, 1961.
- Jansen, H.* Der Madagaskar-Plan. Die beabsichtigte Deportation der europäischen Juden nach Madagaskar. – München, 1997.

- Jasch, H.-C.* Staatssekretär Wilhelm Stuckart und die Judenpolitik. Der Mythos der sauberen Verwaltung. – München, 2011.
- Jochmann, W.* Struktur und Funktion des deutschen Antisemitismus // *W. Mosse, A. Paucker (Hrsg.)*. Juden im Wilhelmischen Deutschland 1890–1914 (= Schriftenreihe des Leo Baeck-Instituts 33). – Tübingen, 1976. – S. 389–477.
- Jones, L.E.* Catholic Conservatives in the Weimar Republic: The Politics of the Rheinisch-Westphalian Aristocracy, 1918–1933 // *German History* 18 (2000). – P. 60–85.
- Kampe, N., Klein, P. (Hrsg.)* Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942 – Dokumente, Forschungsstand, Kontroversen. – Wien / Köln / Weimar, 2013.
- Kárný, M. et al. (Hrsg.)* Protektorátní politika Reinharda Heydricha. – Praha, 1991.
- Kater, M.* The Nazi Party. A Social Profile of Members and Leaders 1919–1945. – Cambridge, 1983.
- Kauders, A.* Legally Citizens: Jewish Exclusion from the Weimar Polity // *W. Benz, A. Paucker, P. Pulzer (Hrsg.)*. Jüdisches Leben in der Weimarer Republik. – Tübingen, 1998. – S. 159–172.
- Он же.* German Politics and the Jews: Duesseldorf and Nuremberg 1910–1933. – Oxford, 1996.
- Kershaw, Ian.* Hitler, the Germans and the Final Solution. – London, 2008.
- Он же.* Hitler 1936–1945. – München, 2000.
- Он же.* The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich // *Leo Baeck Year Book* 26 (1981). – P. 261–289.
- Он же.* Antisemitismus und Volksmeinung. Reaktionen auf die Judenverfolgung // *M. Broszat, E. Fröhlich (Hrsg.)*. Bayern in der NS-Zeit. – München, 1979. – S. 281–348.
- Klein, P. (Hrsg.)* Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD. – Berlin, 1997.
- Он же.* Die Wannsee-Konferenz vom 20. Januar 1942. Analyse und Dokumentation. – Berlin, 1995.
- Kratzsch, G.* Der Gauwirtschaftsapparat der NSDAP. Menschenführung – «Arisierung» – Wehrwirtschaft im Gau Westfalen-Süd. – Münster, 1989.

- Krausnick, H.* Judenverfolgung // *H. Buchheim, M. Broszat, H.-A. Jacobsen, H. Krausnick.* Anatomie des SS-Staates. – München, 1997. – S. 547–678.
- Krausnick, H., Wilhelm, H.* – *H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. – Stuttgart, 1981.
- Kuller, C.* Finanzverwaltung und Judenverfolgung. Die Entziehung jüdischen Vermögens in Bayern während der NS-Zeit. – München, 2008.
- Kwiet, K.* Erziehung zum Mord. Zwei Beispiele zur Kontinuität der deutschen «Endlösung der Judenfrage» // *M. Grüttner, R. Hachtmann, H.-G. Haupt (Hrsg.).* Geschichte und Emanzipation. Festschrift für Reinhard Rürup. – Frankfurt a. M., 1999. – S. 435–457.
- Kwiet, K., Eschwege, H.* Selbstbehauptung und Widerstand. Deutsche Juden im Kampf um Existenz und Menschenwürde 1933–1945. – Hamburg, 1984.
- Laquer, W.* The Terrible Secret. Suppression of the Truth about Hitler's «Final Solution». – Boston, 1980.
- Lenz, W.* Die Handakten von Bernhard Lösener, Rassereferent im Reichsministerium des Innern // Archiv und Geschichte (= Schriften des Bundesarchivs 57). – Düsseldorf, 2000. – S. 684–689.
- Levy, R.S.* The Downfall of the Anti-Semitic Political Parties in Imperial Germany. – New Haven / London, 1975.
- Lösener, B.* Als Rassereferent im Reichsministerium des Innern // VfZ 9 (1961). – S. 264–313.
- Loewenberg, P.* The Kristallnacht as Public Degradation Ritual // *Leo Baeck Yearbook* 32 (1987). – P. 309–323.
- Lohalm, U.* Völkischer Radikalismus. Geschichte des Deutschvölkischen Schutz- und Trutz-Bundes 1919–1923. – Hamburg, 1970.
- Longerich, P. (Hrsg.)* Die Ermordung der europäischen Juden. Eine umfassende Dokumentation des Holocaust, 1941–1945. – München / Zürich, 1989.
- Longerich, P.* Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. – München, 1998.
- Он же.* Der ungeschriebene Befehl. Hitler und der Weg zur «Endlösung». – München, 2001.

- Он же.* Vom Massenmord zur «Endlösung». Die Erschießungen von jüdischen Zivilisten in den ersten Monaten des Ostfeldzuges // *B. Wagner (Hrsg.)*. Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». – München, 1991. – S. 251–274.
- Lower, W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. – Chapel Hill, 2011.
- Lükemann, U.* Der Reichsschatzmeister der NSDAP. Ein Beitrag zur inneren Parteistruktur. – Berlin, 1963.
- Lukacs, J.* Hitler. Geschichte und Geschichtsschreibung. – München, 1997.
- Maier, D.* Arbeitseinsatz und Deportation. Die Mitwirkung der Arbeitsverwaltung bei der nationalsozialistischen Judenverfolgung 1938–1945. – Berlin, 1994.
- Mallmann, K.-M.* Menschenjagd und Massenmord. Das neue Instrument der Einsatzgruppen und Kommandos 1938–1945 // *G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.)*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. Heimatfront und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – S. 291–316.
- Mallmann, K.-M., Matthäus, J. (Hrsg.)* Deutsche, Juden, Völkermord. Der Holocaust als Geschichte und Gegenwart. – Darmstadt, 2006.
- Maser, W.* Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP. – Sonderausg. – Düsseldorf, 1994.
- Matthäus, J.* «Warum wird über das Judentum geschult?» Die ideologische Vorbereitung der deutschen Polizei auf den Holocaust // *G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.)*. Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. «Heimatfront» und besetztes Europa. – Darmstadt, 2000. – S. 100–124.
- Он же.* Ausbildungsziel Judenmord? Zum Stellenwert der «weltanschaulichen Erziehung» von SS und Polizei im Rahmen der «Endlösung» // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ZfG)* 47/1999. – S. 667–699.
- Maurer, T.* Abschiebung und Attentat. Die Ausweisung der polnischen Juden und der Vorwand für die «Kristallnacht» // *W.H. Pehle (Hrsg.)*. Der Judenpogrom 1938. Von der «Reichskristallnacht» zum Völkermord. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 52–73.
- Она же.* Ostjuden in Deutschland 1918–1933. – Hamburg, 1986.

- Mayer, A.* Krieg als Kreuzzug. Das Deutsche Reich, Hitlers Wehrmacht und die «Endlösung». – Hamburg, 1989.
- Mayer, D.* «Fremdvölkische im Dritten Reich». – Boppard, 1981.
- Mayer, M.* Staaten als Täter. Ministerialbürokratie und «Judenpolitik» in NS-Deutschland und Vichy-Frankreich. – München, 2010.
- Merkel, P.H.* Political Violence under the Swastika. 581 Early Nazis. – Princeton, 1975.
- Meyer, A.* Das Wissen um Auschwitz. Täter und Opfer der «Endlösung» in Westeuropa. – Paderborn, 2010.
- Он же.* Die deutsche Besatzung in Frankreich 1940–1944. Widerstandsbekämpfung und Judenverfolgung. – Darmstadt, 2000.
- Meyer, B.* Tödliche Gratwanderung. Die Reichsvereinigung der Juden in Deutschland zwischen Hoffnung, Zwang, Selbstbehauptung und Verstrickung (1939–1945). – Göttingen, 2011.
- Moll, M.* Steuerungsinstrument im Ämterchaos? Die Tagungen der Reichs- und Gauleiter der NSDAP // VfZ 49 (2001). – S. 215–273.
- Mommsen, H., Willems, S.* Herrschaftsallday im Dritten Reich. – Düsseldorf, 1988.
- Mommsen, H.* Aufstieg und Untergang der Weimarer Republik. – Berlin, 1998.
- Он же.* Beamtentum im Dritten Reich. – Stuttgart, 1966.
- Он же.* Die Funktion des Antisemitismus im Dritten Reich // *D. Blasius, D. Diner (Hrsg.).* Zerbrochene Geschichte. Leben und Selbstverständnis der Juden in Deutschland. – Frankfurt a. M., 1991. – S. 161–171.
- Он же.* Adolf Hitler und der 9. November 1923 // *J. Willms (Hrsg.).* Der 9. November. Fünf Essays zur deutschen Geschichte. – München, 1994.
- Он же.* Hitler's Reichstag Speech of 30 January 1939 // *History & Memory. Passing into History: Nazism and the Holocaust beyond Memory.* – Vol. 9 (1997). – P. 147–161.
- Он же.* Der Widerstand gegen Hitler und die nationalsozialistische Judenverfolgung // *Alternative zu Hitler. Studien zur Geschichte des deutschen Widerstands.* – München, 2000. – S. 384–415.
- Он же.* Was haben die Deutschen vom Völkermord an den Juden gewusst? // *W.H. Pehle (Hrsg.).* Der Judenpogrom 1938. Von der «Reichskristallnacht» zum Völkermord. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 176–200.

- Он же.* Der nationalsozialistische Polizeistaat und die Judenverfolgung von 1938 // VfZ 10 (1962). – S. 68–87.
- Mommsen, W. (Hrsg.)* Deutsche Parteiprogramme. – München, 1960.
- Mosse, G.* The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. – New York, 1998.
- Mosse, W.E. (Hrsg.)* Entscheidungsjahr 1932. Zur Judenfrage in der Endphase der Weimarer Republik. – Tübingen, 1966.
- Müller-Claudius, M.* Der Antisemitismus und das deutsche Verhängnis. – Frankfurt a. M., 1948.
- Musial, B. (Hrsg.)* «Aktion Reinhardt». Der Völkermord an den Juden im Generalgouvernement 1941–1944. – Osnabrück, 2004.
- Он же.* Die deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung im Generalgouvernement. Eine Fallstudie zum Distrikt Lublin 1939–1944. – Wiesbaden, 1999.
- Neliba, G.* Der Legalist des Unrechtsstaates Wilhelm Frick. Eine politische Biographie. – Paderborn, 1992.
- Noakes, J.* Wohin gehören die Judenmischlinge? Die Entstehung der ersten Durchführungsverordnungen zu den «Nürnberger Gesetzen» // *U. Büttner (Hrsg.)*. Das Unrechtsregime. Internationale Forschung über den Nationalsozialismus. – Bd. 2. – Hamburg, 1986. – S. 69–89.
- Он же.* The Nazi Party in Lower Saxony 1921–1933. – Oxford, 1971.
- Nowak, K.* Evangelische Kirche und Weimarer Republik. Zum politischen Weg des deutschen Protestantismus zwischen 1918 und 1922. – Göttingen, 1982.
- Obst, D.* «Reichskristallnacht». Ursachen und Verlauf des antisemitischen Pogroms vom November 1938. – Frankfurt a. M., 1991.
- Ogorreck, R.* Die Einsatzgruppen und die «Genesis der Endlösung». – Berlin, 1996.
- Orlow, D.* The History of the Nazi Party 1919–1933. – Pittsburgh, 1969.
- Ossietzky, C.* Antisemiten // Die Weltbühne. – Nr. 29 vom 19.7.1932. – S. 88.
- Pätzold, K., Schwarz, E.* Tagesordnung Judenmord. Die Wannsee-Konferenz am 20. Januar 1942. – Berlin, 1992.
- Paul, G.* Aufstand der Bilder. Die NS-Propaganda vor 1933. – Bonn, 1990.

- Perz, B., Sandkühler, T. Auschwitz und die «Aktion Reinhardt» 1942–1945 // *Zeitgeschichte* 26/1999. – S. 283–316.
- Picker, H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. – Stuttgart, 1977.
- Pohl, D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. – München, 1996.
- Он же. Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement // *U. Herbert (Hrsg.)*. Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. – Frankfurt a. M., 1998. – S. 98–121.
- Он же. Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // *N. Frei, S. Steinbacher, B.C. Wagner (Hrsg.)*. Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit. Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik. – München, 2000. – S. 135–174.
- Pridham, G. Hitler's Rise to Power. The Nazi Movement in Bavaria, 1923–1933. – New York, 1973.
- Pulzer, P. Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich. – Darmstadt, 1987.
- Rebentisch, D. Führerstaat und Verwaltung im Zweiten Weltkrieg. Verfassungsentwicklung und Verwaltungspolitik 1939–1945. – Stuttgart, 1989.
- Reif, H. Antisemitismus in den Agrarverbänden Ostelbiens während der Weimarer Republik // *H. Reif (Hrsg.)*. Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. – Berlin, 1994. – S. 379–411.
- Röhr, W. (Hrsg.) Die faschistische Okkupationspolitik in Polen (1939–1945). – Köln, 1989.
- Roseman, M. Die Wannsee-Konferenz. – Berlin, 2002.
- Roth, K.H. «Generalplan Ost» – «Gesamtplan Ost». Forschungsstand, Quellenprobleme, neue Ergebnisse // *M. Rössler, S. Schleiermacher (Hrsg.)*. Der «Generalplan Ost». Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. – Berlin, 1993. – S. 25–117.
- Safrian, H. Expediting Expropriation and Expulsion: The Impact of the «Vienna Model» on Anti-Jewish Policy in Nazi Germany 1938 // *Holocaust and Genocide Studies* 14 (3). – 2000. – P. 390–414.
- Он же. Eichmann und seine Gehilfen. – Wien, 1993.

- Sandkühler, T.* «Endlösung» in Galizien. Der Judenmord in Ostpolen und die Rettungsinitiativen von Berthold Beitz 1941–1944. – Bonn, 1996.
- Schleunes, K.* The Twisted Road to Auschwitz. – Illinois, 1990.
- Schüren, U.* Der Volksentscheid zur Fürstenenteignung 1926. – Düsseldorf, 1978.
- Schulte, J.E.* Zwangsarbeit und Vernichtung: Das Wirtschaftsimperium der SS. Oswald Pohl und das SS-Wirtschafts-Verwaltungshauptamt 1933–1945. – Paderborn, 2001.
- Smith, B.F.* Heinrich Himmler. Sein Weg in den deutschen Faschismus. – München, 1979.
- Spector, S.* «Aktion 1005» – Effacing the Murder of Millions // Holocaust and Genocide Studies 5 (1990). – P. 157–173.
- Stachura, P.* Der kritische Wendepunkt? Die NSDAP und die Reichstagswahlen vom 20. Mai 1928 // VfZ 26 (1978). – S. 66–99.
- Steinbacher, S.* Auschwitz. Geschichte und Nachgeschichte. – München, 2004.
- Steinert, M.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. – Wien, 1978.
- Steinkamp, P.* Die Haltung der Hitlergegner Wilhelm Ritter von Leeb und Generaloberst Erich Hoepner zur verbrecherischen Kriegsführung bei der Heeresgruppe Nord in der Sowjetunion 1941 // *G.R. Ueberschär (Hrsg.)*. NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. – Darmstadt, 2000. – S. 47–61.
- Steur, C.* Theodor Dannecker. Ein Funktionär der «Endlösung». – Essen, 1997.
- Stoltzfus, N.* Widerstand des Herzens. Der Aufstand der Berliner Frauen in der Rosenstraße 1943. – München, 1999.
- Straus, H.A.* Jewish Emigration from Germany. Nazi Policies and Jewish Responses. Part I // *Leo Baeck Yearbook* 25 (1980). – P. 313–361.
- Streim, A.* Zur Eröffnung des allgemeinen Judenvernichtungsbefehls gegenüber den Einsatzgruppen // *E. Jäckel, J. Rohwer (Hrsg.)*. Der Mord an den Juden im Zweiten Weltkrieg. – Stuttgart, 1985. – S. 107–119.
- Streit, C.* Angehörige der militärischen Widerstands und der Genozid an den Juden im Südschnitt der Ostfront // *G.R. Ueberschär*

- (Hrsg.). NS-Verbrechen und der militärische Widerstand gegen Hitler. – Darmstadt, 2000. – S. 90–103.
- Tal, U. Christians and Jews in Germany. Religion, Politics and Ideology in the Second Reich 1870–1914. – Ithaka / London, 1975.
- Treue, W. (Hrsg.) Rede Hitlers vor der deutschen Presse (10. November 1938) // VfZ 6 (1958). – S. 175–191.
- Ulrich, V. «Drückeberger». Die Judenählung im Ersten Weltkrieg // J. Schoeps, J. Schlör (Hrsg.). Antisemitismus. Vorurteile und Mythen. – Frankfurt a. M., 1975.
- Veltzke, V. Vom Patron zum Paladin. Wagner-Vereinigungen im Kaiserreich von der Reichsgründung bis zur Jahrhundertwende. Diss. phil. – Bochum, 1986.
- Vogel, R. Ein Stempel hat gefehlt. Dokumente zur Emigration deutscher Juden. – München, 1977.
- Volkov, S. Jüdisches Leben und Antisemitismus im 19. und 20. Jahrhundert. – München, 1990.
- Она же. Antisemitismus als kultureller Code. – München, 2001.
- Walk, J. Das Sonderrecht für Juden im NS-Staat. – Karlsruhe, 1991.
- Walter, D. Antisemitische Kriminalität und Gewalt. Judenfeindschaft in der Weimarer Republik. – Bonn, 1999.
- Weingarten, R. Die Hilfeleistung der westlichen Welt bei der Endlösung der Judenfrage. Das «Intergovernmental Committee on Political Refugees» (IGC) 1938–1939. – Bern / Frankfurt a. M., 1981.
- Weißbecker, M. Deutschvölkische Freiheitspartei (DVFP) 1922–1933 // Lexikon zur Parteiengeschichte. – Bd. 2. – Leipzig, 1984. – S. 550–558.
- Weiss, H. Offener Brief an Wolfgang Benz wegen Reinhard(t) // H. Graml et al. (Hrsg.) Vorurteil und Rassenhass. Antisemitismus in rassistischen Bewegungen Europas. Festschrift für Wolfgang Benz. – Berlin, 2001. – S. 443–450.
- Wildt, M. Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung. Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz 1919–1939. – Hamburg, 2007.
- Она же. Radikalisierung und Selbstradikalisierung 1939. Die Geburt des Reichssicherheitshauptamtes aus dem Geist des völkischen Massenmords // G. Paul, K.-M. Mallmann (Hrsg.). Die Gestapo im Zweiten Weltkrieg. – Darmstadt, 2000. – S. 11–41.

- Он же.* Die Judenpolitik des SD 1935–1937. Eine Dokumentation (= Schriftenreihe der VfZ 71) – München, 1995.
- Wilhelm, H.* – *H.* Rassenpolitik und Kriegsführung. – Passau, 1991.
- Он же.* Wie geheim war die «Endlösung» // *W. Benz (Hrsg.)*. Miscellanea. Festschrift für Helmut Krausnick. – München, 1980. – S. 131–148.
- Willems, S.* Stadtmodernisierung, Wohnungsmarkt und Judenverfolgung in Berlin 1938 bis 1943. Diss. phil. – Bochum, 1999.
- Witte, P.* Zwei Entscheidungen in der «Endlösung der Judenfrage». Deportationen nach Lodz und Vernichtung in Chelmno // *Theresienstädter Studien und Dokumente*. – Prag, 1995. – S. 36–68.
- Wojak, I.* Eichmanns Memoiren. Ein kritischer Essay. – Frankfurt a. M., 2001.
- Wojak, I., Hayes, P. (Hrsg.)* «Arisierung» im Nationalsozialismus. Volksgemeinschaft, Raub und Gedächtnis. – Frankfurt a. M., 2000.
- Wollenberg, J.* The Expropriation of the «Rapacious» Capital // *J. Wollenberg (ed.)*. The German Public and the Persecution of the Jews. – New Jersey, 1996. – S. 118–140.
- Yahil, L.* Madagascar. Phantom of the Solution for the Jewish Question // *B. Vago, G.L. Mosse (eds.)*. Jews and non-Jews in Eastern Europe 1918–1945. – New York, 1974. – P. 315–334.
- Yisraeli, D.* The Third Reich and the Transfer Agreement // *Journal for Central European History* 6 (1971). – P. 129–148.

Указатель имён

А

- Абец, Отто – 198
Али, Гётц – 19, 124, 126, 129
д'Алкен, Гюнтер – 59
Аллен, Уильям Шеридан – 44, 45
Аманн, Макс – 43
Антонеску, Йон – 200

Б

- Байц, Бертольд – 152
Бандера, Степан – 158
Баркай, Авраам – 81
Бах-Зелевски, Эрих фон дем – 148
Бергер, Готтлоб – 69
Бёкель, Отто – 22
Бильфельд, Харальд – 130
Блобель, Пауль – 149, 196
Блюхер, Ганс – 34
Боле, Вильгельм – 115
Борман, Мартин – 83, 84, 88, 98, 135,
147, 209
Боулер, Филипп – 164
Брак, Виктор – 169
Брошат, Мартин – 7, 10, 11, 16, 50, 53,
118
Брюнинг, Генрих – 35, 36
Бюлер, Йозеф – 193
Бюркель, Йозеф – 96, 121

В

- Вагнер, Адольф – 79, 118
Вагнер, Герхард – 60–62, 65
Вагнер, Йозеф – 121, 123
Вагнер, Эдуард – 138, 140
Варбург, Макс – 38, 39
Веезенмайер, Эдмунд – 201
Ветцель, Эрхард – 169
Войрш, Удо фон – 137
Вольтат, Гельмут – 116
Вулле, Рейнхард – 28

Г

- Геббельс, Йозеф – 43, 57, 62, 64, 74,
75, 77, 82, 89, 90, 98, 99, 101, 102,
104–106, 108, 110, 111, 118, 129, 167,
171, 187, 189, 207, 210
Гейдрих, Рейнхард – 20, 43, 47, 68, 69,
103, 104, 106, 108, 111, 112, 116, 117,
120, 121, 123, 125–129, 131, 133, 136,
138–140, 143, 164, 167, 168, 171, 172,
181, 182, 184, 185, 187, 190–194,
196–198, 201, 203, 212
Геринг, Герман – 36, 49, 57, 62, 68, 75,
83, 84, 86–88, 97, 98, 104–106,
108, 111, 113, 116, 127, 131, 147, 155,
156, 185, 193, 207
Герке, Ахим – 61

Герлах, Христиан – 154, 188, 189, 203
 Гесс, Рудольф – 43, 48, 49, 82, 92
 Гёпнер, Эрих – 139, 153
 Гиммлер, Генрих – 20, 32, 43, 47, 67, 69, 104, 105, 122, 124, 125, 127, 128, 132, 134, 137–140, 142, 145–148, 150, 151, 154, 160, 161, 164, 165, 167–171, 173–176, 186–189, 195–198, 201, 202, 205–207, 211–213
 Гинденбург, Пауль фон – 76
 Гитлер, Адольф – 8, 9, 12, 13, 18, 20, 26, 28–31, 42, 43, 48, 50–53, 57, 58, 62–64, 66–71, 74, 75, 77, 82, 86, 95, 101–105, 108, 113–116, 121, 128–132, 134–139, 141, 144, 146, 147, 150, 153, 155, 157, 166–168, 174, 181, 184, 187–197, 201, 205, 207, 211, 213
 Глобке, Ганс – 66, 72
 Глобочник, Одило – 123, 151, 160–165, 173, 175, 176, 187, 188, 192, 199, 200
 Грейзер, Артур – 167, 168, 170, 172, 181
 Грефе-Голдебее, Альбрехт фон – 28
 Гриншпан, Гершель – 101, 110
 Гроскурт, Гельмут – 149
 Гросс, Вальтер – 60
 Густлофф, Вильгельм – 82, 95, 109
 Гюртнер, Франц – 59, 107, 108
 Гютт, Артур – 58, 60, 61, 63

Д

Даннекер, Теодор – 129, 131, 134, 198
 Дидерихс, Ойген – 34
 Дрекслер, Антон – 26, 28
 Дюринг, Евгений – 23

Е

Еккельн, Фридрих – 145, 148, 149, 171

З

Зейсс-Инкварт, Артур – 123
 Зикс, Франц – 99, 141

К

Капп, Вольфганг – 25
 Кауфман, Эрих – 84
 Кацман, Фридрих – 160–163, 175, 176
 Кейтель, Вильгельм – 133–135, 147
 Керрль, Ганс – 59
 Кершоу, Ян – 13, 14, 48, 55
 Кёппен, Вернер – 168
 Кёргис, Лионель – 208
 Класс, Генрих – 24, 26
 Клемперер, Виктор – 119
 Коппе, Вильгельм – 167
 Корхерр, Рихард – 194
 Кох, Эрих – 157
 Критцингер, Вильгельм – 67
 Крюгер, Фридрих Вильгельм – 173, 174
 Кубе, Вильгельм – 36, 170

Л

Лагард, Поль де – 128
 Ламмерс, Ганс-Генрих – 69, 196, 205
 Лангбен, Юлиус – 23
 Лей, Роберт – 135
 Лёвенберг, Петер – 106
 Лёзенер, Бернхард – 60–62, 64, 65, 71
 Либерман, Макс – 22
 Лозе, Генрих – 145, 169, 170
 Лонгерих, Петер – 110, 122, 129
 Людендорф, Эрих фон – 28, 30, 31, 36

М

Манн, Томас – 34
 Мейер-Хетлинг, Конрад – 160

Меркль, Петер – 43
 Мессерсмит, Джордж – 52
 Мольтке, Гельмут Джеймс фон – 208,
 209
 Моммзен, Теодор – 7, 8, 10–16, 22
 Муссолини, Бенито – 75, 129
 Мюллер, Генрих – 103
 Мюллер, Карл Александр фон – 29
 Мюллер, Клаудиус – 47

Н

Небе, Артур – 141, 146, 151, 154
 Нойрат, Константин фон – 75

О

Олендорф, Отто – 141, 143
 Оссицки, Карл фон – 34, 37

П

Папен, Франц фон – 36
 Поль, Дитер – 176
 Попиц, Йоханнес – 50
 Прюцман, Ганс-Адольф – 176
 Пфундтнер, Ганс – 61

Р

Радемахер, Франц – 128–130, 134,
 135
 Рат, Эрнст фон – 101, 102, 110
 Ратенау, Вальтер – 26, 28
 Раш, Отто – 141, 149
 Редер, Эрих – 129
 Рейхенау, Вальтер фон – 149
 Рентельн, Адриан фон – 44, 49
 Рём, Эрнст – 47, 75
 Риббентроп, Йохим фон – 127, 167
 Розенберг, Альфред – 29, 43, 121, 147,
 155, 157, 167, 168, 189

Рокес, Карл фон – 158
 Росс, Коли – 128
 Румбольд, Гораций – 52

С

Салаша, Ференц – 201
 Саломон, Эрнст фон – 34
 Сект, Ганс фон – 30
 Снайдер, Тимоти – 17, 206
 Сталин, Иосиф – 167, 213

Т

Тисо, Йозеф – 200
 Трейчке, Генрих фон – 15, 22
 Тука, Войтех – 198

Ф

Фаллада, Ганс – 34
 Федер, Готфрид – 28
 Франк, Ганс – 123, 127, 130, 131, 156,
 157, 159, 160, 163, 165, 174, 187, 188,
 195, 203, 205
 Франкфуртер, Давид – 95
 Фрейслер, Рональд – 58, 59, 205
 Фрик, Вильгельм – 53
 Фридлендер, Сол – 59–61, 65, 66, 74,
 83, 91, 118
 Фрич, Теодор – 23
 Функ, Вальтер – 83

Х

Халл, Корделл – 52
 Харрер, Карл – 26
 Хелльдорф, Вольф Генрих фон – 98,
 99, 110
 Хеннинг, Вильгельм – 28
 Хёппнер, Хайнц – 166, 186
 Хёсс, Рудольф – 198

Хёфле, Герман – 164
Хольц, Карл – 98
Хорти, Миклош – 200, 201

Ч

Чемберлейн, Хьюстон Стюарт – 23

Ш

Шахт, Ялмар – 50, 70, 75, 77, 79, 80,
91, 115, 116
Шварц, Франц Ксавер – 98
Шёнгатт, Эберхард – 159
Шёнерер, Георг – 29
Шмитт, Курт – 77
Шпеер, Альберт – 89, 135
Шталекер, Франц Вальтер – 121, 141,
143, 145, 146, 154
Штапель, Вильгельм – 34

Штёкер, Адольф – 22
Штрассер, Грехор – 18, 32, 36
Штрейхер, Юлиус – 43, 46, 50, 61, 74–
76, 85, 86, 98, 118
Штукарт, Вильгельм – 60, 66, 67, 69,
115, 191, 192

Э

Эйснер, Курт – 29
Эйхман, Адольф – 21, 68, 95, 97, 116,
118, 121–123, 127, 129, 165, 166, 169,
185, 186, 192, 197–201, 203, 212
Экарт, Дитрих – 28, 29
Эссер, Герман – 43

Ю

Юнг, Эдгар Юлиус – 34, 35
Юнгер, Эрнст – 34

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
Андрей МАКАРОВ Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ Интернет-журнал «Гэфтер»
- Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Андрей КУЗНЕЦОВ Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Джон МОРИСОН Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
- Александр РЫБАКОВ Центр международной торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ Русский ПЕН-центр
Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
Марк ЮНГЕ Рурский университет в Бохуме

Издания АИРО в 2017–2018 гг.

2017

- В.Я. Гросул.* Общественное движение в России первой половины XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 832 с.
- Япония 2017. Ежегодник. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 432 с.
- В.В. Выжуртович.* Другой разговор: диалоги с умными людьми / Предисловие А. Архангельского. М.: АИРО–XXI, 2018. – 476 с.
- Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 1088 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 576 с.
- А.М. Рыбаков.* Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 424 с.
- Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 352 с.
- Е.Н. Шталь.* Литературные Хибины: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 1056 с.
- Е.А. Котеленец.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография).
- Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.
- Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 512 с.
- Вожак и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 584 с.
- Октябрьской революции – 100 лет. Сб. ст. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 304 с.
- Михаил Соловьев.* Когда боги молчат. Малая война (Записки советского военного корреспондента). Публикация и комментарии В.В. Агеносова. – М.: АИРО–XX, 2017. – 336 с.
- В.Г. Тимофеев.* Снежно-метеорологическая служба Хибин. История. – М.: АИРО–XXI – 352 с.
- В.А. Потто.* Русские на Кавказе. XIX век. – М.: АИРО–XXI. 2017. – 464 с.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания русского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО–XXI, 2017 г. – 448 с.

- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера / [Ф.Ф. Торнау]. – М.: АИРО–XXI, 2017 г. – 448 с.
- Чой Чжун-Хюн.* Проповедь как жанр литературы Древней Руси. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 320 с.
- Марк Юнге.* Чекисты Сталина: мощь и бессилие. «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 352 с.
- В.Н. Рябцев.* Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания «Второй Великой Смуты». – М.: АИРО–XXI, 2017. – 608 с, прил.; литер.

2018

- Смирнов С.Н.* Советская эпоха в переписке историков. Конец 1940-х – конец 1980-х годов. – М.: АИРО–XXI, 2018. – 368 с.
- Кравчук Н.В.* Русь расколота (XIII – XV вв.). – М.: АИРО–XXI, 2018. – 304 с.
- Бириштейн В.Я.* СМЕРШ, секретное оружие Сталина / Послеслов. Б.В. Соколова; авториз. пер. с англ. С. С. Гитмана (Серия «АИРО–XX – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО–XXI, 2018. – 832 с.
- Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл. А. А. Вартумяна. – М.: «АИРО–XXI». 2018 г. – 720 с.
- Вада Харуки.* Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. – М.: АИРО–XXI, 2018. – 592 с. с иллюстрациями.
- Выдрин Дмитрий.* «Золотая игла», или Восьмой дан Владимира Путина / Под редакцией Дмитрия Андреева. – М.: АИРО–XXI, 2018. – 240 с. с иллюстрациями.
- Карл Аймермахер.* Воззрения и понимания. Попытки понять аспекты русской культуры умом. – М.: АИРО–XXI, 2018. – 308 с. с иллюстрациями.
- Е.В. Волженина.* Жизнетворчество грубых гуннов, или Модернизм – массам / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО–XXI, 2018. – 208 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- М.А. Некрасов, Г.И. Маношкина. Сапожниковы.* Московские фабриканты (АИРО – Монография). – М.: АИРО–XXI, 2018. – 424 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Ганс МОММЗЕН
Нацистский режим и уничтожение евреев в Европе

Перевод этой работы был поддержан грантом
Гете-Института.
The translation of this work was supported by a grant from the
Goethe-Institut.

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022404-2

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 30.04.2018
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 15.0
Тираж 500 экз. Зак.